

Николай КАРАМЗИН

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ
В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА

Москва
2011

УДК 839.5/8
ББК 63.3(2)
К21

Серия основана
в 2007 году

Карамзин Н. М.

К21 История Государства Российского. Полное издание в одном томе. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011. — 1279 с.: ил. — (Полное издание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-0089-8

В одном томе собрана знаменитая История Государства Российского, вышедшая из-под пера известного русского историка Николая Михайловича Карамзина.

УДК 839.5/8
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9922-0089-8

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2008

TOM I

*Государю Императору
Александру Павловичу
Самодержцу Всея России*

Всемиловнейший Государь!

С благоговением представляю Вашему Императорскому Величеству плод усердных, двенадцатилетних трудов. Не хвалюся ревностно и постоянством: ободренный Вами, мог ли я не иметь их?

В 1811 году, в счастливейшие, незабвенные минуты жизни моей, читал я Вам, Государь, некоторые главы сей Истории — об ужасах Батыева нашествия, о подвиге Героя, Димитрия Донского — в то время, когда густая туча бедствий висела над Европою, угрожая и нашему любезному отечеству. Вы слушали с восхитительным для меня вниманием, сравнивали давно минувшее с настоящим, и не завидовали славным опасностям Димитрия, ибо предвидели для Себя еще славнейшие. Великодушное предчувствие исполнилось: туча грянула над Россиею — но мы спасены, прославлены, враг истреблен, Европа свободна, и глава Александрова сияет в лучезарном венце бессмертия. Государь! если счастье Вашего добродетельного сердца равно Вашей славе, то Вы счастливее всех земнородных.

Новая эпоха наступила. Будущее известно единому Богу, но мы, судя по вероятностям разума, ожидаем мира твердого, столь вожделенного для народов и Венценосцев, которые хотят властвовать для пользы людей, для успехов нравственности, добродетели, Наук, Искусств гражданских, благосостояния государственного и частного. Победою устранив препятствия в сем истинно Царском деле, даровав златую тишину нам и Европе, чего Вы, Государь, не совершите в крепости мужества, в течение жизни долговременной, обещаемой Вам и законом Природы и теплою молитвою подданных!

Бодрствуйте, Монарх возлюбленный! Сердцеведец читает мысли, История предаёт деяния великодушных Царей, и в самое отдаленное потомство вселяет любовь к их священной памяти. Примите милостиво книгу, служащую тому доказательством.

История народа принадлежит Царю.

Всемиловнейший Государь!
Вашего Императорского Величества

Верноподданный
Николай Карамзин

Декабря 8,
1815

ПРЕДИСЛОВИЕ

История в некотором смысле есть священная книга народов: главная, необходимая, зеркало их бытия и деятельности, скрижаль откровений и правил, завет предков к потомству, дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего.

Правители, Законодатели действуют по указаниям Истории, и смотрят на ее листы как мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человеческая имеет нужду в опытах, а жизнь кратковременна. Должно знать, как искони мятежные страсти волновали гражданское общество, и какими способами благотворная власть ума обуздывала их бурное стремление, чтобы учредить порядок, согласить выгоды людей и даровать им возможное на земле счастье.

Но и простой гражданин должен читать Историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках, утешает в государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и Государство не разрушалось, она питает нравственное чувство, и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества.

Вот польза: сколько же удовольствий для сердца и разума! Любопытство сродно человеку, и просвещенному и дикому. На славных играх Олимпийских умолкал шум, и толпы безмолвствовали вокруг Геродота, читающего предания веков. Еще не зная употребления букв, народы уже любят Историю: старец указывает юноше на высокую могилу и повествует о делах лежавшего в ней Героя. Первые опыты наших предков в искусстве грамоты были посвящены Вере и Деесписанию, омраченный густою сению невежества народ с жадностию внимал сказаниям Летописцев. И вымыслы нравятся, но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина. История, отверзая гробы, поднимая мертвых, влагая им жизнь в сердце и слово в уста, из тления вновь созидая Царства, и представляя воображению ряд веков с их отличными страстями, нравами, деяниями, расширяет пределы нашего собственного бытия, ее творческою силою мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим, еще не думая о пользе, уже наслаждаемся созерцанием многообразных случаев и характеров, которые занимают ум или питают чувствительность.

Если всякая История, даже и неискусно писанная, бывает приятна, как говорит Плиний: тем более отечественная. Истинный Космополит есть существо метафизическое или столь необыкновенное явление, что нет нужды говорить об нем, ни хвалить, ни осуждать его. Мы все граждане, в Европе и в Индии, в Мексике и в Абиссинии, личность каждого тесно связана с отечеством: любим его, ибо любим себя. Пусть Греки, Римляне пленяют воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого, и нам не чужие по своим добродетелям и слабостям, славе и бедствиям, но имя Русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона. Всемирная История великими воспоминаниями украшает мир для ума, а Российская украшает отечество, где живем и чувствуем. Сколь привлекательны берега Волхова, Днепра, Дона, когда знаем, что в глубокой древности на них

происходило! Не только Новгород, Киев, Владимир, но и хижины Ельца, Козельска, Галича делаются любопытными памятниками, и немые предметы красноречивыми. Тени минувших столетий везде рисуют картины перед нами.

Кроме особенного достоинства для нас, сынов России, ее летописи имеют общее. Взглянем на пространство сей единственной Державы: мысль цепенеет, никогда Рим в своем величии не мог равняться с нею, господствуя от Тибра до Кавказа, Эльбы и песков Африканских. Не удивительно ли, как земли, разделенные вечными преградами Естества, неизмеримыми пустынями и лесами непроходимыми, холодными и жаркими климатами, как Астрахань и Лапландия, Сибирь и Бессарабия, могли составить одну Державу с Москвою? Менее ли чудесна и смесь ее жителей, разноплеменных, разнородных и столь удаленных друг от друга в степенях образования? Подобно Америке Россия имеет своих Диких, подобно другим странам Европы являет плоды долговременной гражданской жизни. Не надобно быть Русским: надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостию и мужеством снискал господство над седьмою частию мира, открыл страны, никому дотоле неизвестные, внес их в общую систему Географии, Истории, и просветил Божественною Верою, без насилия, без злодейств, употребимых другими ревнителями Христианства в Европе и в Америке, но единственно примером лучшего.

Согласимся, что деяния, описанные Геродотом, Фукидидом, Ливнем, для всякого не Русского вообще занимательнее, представляя более душевной силы и живейшую игру страстей: ибо Греция и Рим были народными Державами и просвещеннее России, однако ж смело можем сказать, что некоторые случаи, картины, характеры нашей Истории любопытны не менее древних. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, восстание Россиян при Донском, падение Новгорода, взятие Казани, торжество народных добродетелей во время Междоусобия. Великаны сумрака, Олег и сын Игорев; простосердечный витязь, слепец Василько; друг отечества, благолюбивый Мономах; Мстиславы *Храбрые*, ужасные в битвах и пример незлобия в мире; Михаил Тверский, столь знаменитый великодушною смертию; злополучный, истинно мужественный Александр Невский; Герой юноша, победитель Мамаев, в самом легком начертании сильно действуют на воображение и сердце. Одно государство Иоанна III есть редкое богатство для Истории: по крайней мере не знаю Монарха достойнейшего жить и сиять в ее святилище. Лучи его славы падают на колыбель Петра — и между сими двумя Самодержцами удивительный Иоанн IV, Годунов достойный своего счастья и несчастья, странный лже-Димитрий, и за сонмом доблестных Патриотов, Бояр и граждан, наставник трона, Первосвятытель Филарет с Державным сыном, светноском во тме наших государственных бедствий, и Царь Алексей, мудрый отец Императора, коего назвала Великим Европа. Или вся Новая История должна безмолвствовать, или Российская имеет право на внимание.

Знаю, что битвы нашего Удельного междоусобия, гремящие без умолку в пространстве пяти веков, маловажны для разума, что сей предмет не богат ни мыслями для Прагматика, ни красотою для живописца: но История не роман, и мир не сад, где все должно быть приятно: она изображает действительный мир. Видим на земле величественные горы и водопады, цветущие луга и долины; но сколько песков бесплодных и степей унылых! Однако ж путешествия вообще любезно человеку с живым чувством и воображением, в самых пустынях встречаются виды прелестные.

Не будем суеверны в нашем высоком понятии о Деесписаниях Древности. Если исключить из бессмертного творения Фукидидова вымышленные речи, что останется? голый рассказ о междоусобии Греческих городов: толпы злодействуют, режутся за честь Афин или Спарты как у нас за честь Мономахова или Олегова Дому. Не много разности, если забудем, что сии полугитры изыскались

языком Гомера, имели Софокловы Трагедии и статуи Фидиасовы. Глубокомысленный живописец Тацит всегда ли представляет нам великое, разительное? С умилением смотрим на Агриппину, несущую пепел Германика, с жалостью на рассеянные в лесу кости и доспехи Легиона Варова, с ужасом на кровавый пир неистовых Римлян, освещаемых пламенем Капитолия, с омерзением на чудовище тиранства, пожирающее остатки Ресубликанских добродетелей в столице мира: но скучные тяжбы городов о праве иметь жреца в том или другом храме и сухой Некролог Римских чиновников занимают много листов в Таците. Он завидовал Титу Ливию в богатстве предмета, а Ливий, плавный, красноречивый, иногда целые книги наполняет известиями о сшибках и разбоях, которые едва ли важнее Половецких набегов. — Одним словом, чтение всех Историй требует некоторого терпения, более или менее награждаемого удовольствием.

Историк России мог бы, конечно, сказав несколько слов о происхождении ее главного народа, о составе Государства, представить важные, достопамятнейшие черты древности в искусной *картине* и начать *обстоятельное* повествование с Иоаннова времени, или с XV века, когда совершилось одно из величайших государственных творений в мире: он написал бы легко 200 или 300 красноречивых, приятных страниц, вместо многих книг, трудных для Автора, утомительных для Читателя. Но сии *обозрения*, сии *картины* не заменяют летописей, и кто читал единственно Робертсоново Введение в Историю Карла V, тот еще не имеет основательного, истинного понятия о Европе средних времен. Мало, что умный человек, окинув глазами памятники веков, скажет нам свои примечания: мы должны сами видеть действия и действующих: тогда знаем Историю. Хвастливость Авторского красноречия и нега Читателей осудят ли на вечное забвение дела и судьбу наших предков? Они страдали, и своими бедствиями изготвили наше величие: а мы не захотим и слушать о том, ни знать, кого они любили, кого обвиняли в своих несчастиях? Иноземцы могут пропустить скучное для них в нашей древней Истории, но добрые Россияне не обязаны ли иметь более терпения, следуя правилу государственной нравственности, которая ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному?.. Так я мыслил, и писал об *Игорях*, о *Всеволодах*, как *современник*, смотря на них в тусклое зеркало древней Летописи с неутомимым вниманием, с искренним почтением; и если, вместо *живых*, *целых* образов, представлял единственно *тени*, в *отрывках*: то не моя вина: я не мог дополнять Летописи!

Есть *три* рода Истории: *первая* современная, например Фукидидова, где очевидный свидетель говорит о происшествиях; *вторая*, как Тацитова, основывается на свежих словесных преданиях в близкое к описываемым действиям время; *третья* извлекается только из памятников, как наша до самого XVIII века. В *первой* и *второй* блистает ум, воображение Дееписателя, который избирает любопытнейшее, цветит, украшает, иногда *творит*, не боясь обличения; скажет: *я так видел, так слышал* — и безмолвная Критика не мешает Читателю наслаждаться прекрасными описаниями. *Третий* род есть самый ограниченный для таланта: нельзя прибавить ни одной черты к известному; нельзя вопрошать мертвых; говорим, что предали нам современники; молчим, если они умолчали, — или справедливая критика заградит уста легкомысленному Историку, обязанному представлять единственно то, что сохранилось от веков в Летописях, в Архивах. Древние имели право вымышлять *речи* согласно с характером людей, с обстоятельствами: право неоцененное для истинных дарований, и Ливий, пользуясь им, обогатил свои книги силою ума, красноречия, мудрых наставлений. Но мы, вопреки мнению Аббата Мабли, не можем ныне витийствовать в Истории. Новые успехи разума дали нам яснейшее понятие о свойстве и цели ее, здравый вкус устали неизменные правила и навсегда отлучил Дееписание от Поэмы, от цветников красноречия, оставив в удел первому быть

верным зеркалом минувшего, верным отзывом слов, действительно сказанных Героями веков. Самая прекрасная выдуманная речь безобразит Историю, посвященную не славе Писателя, не удовольствию Читателей и даже не мудрости нравоучительной, но только истине, которая уже сама собою делается источником удовольствия и пользы. Как Естественная, так и Гражданская История не терпит вымыслов, изображая, что есть или было, а не что быть *могло*. Но История, говорят, наполнена ложью: скажем лучше, что в ней, как в деле человеческом, бывает примес лжи, однако ж характер истины всегда более или менее сохраняется, и сего довольно для нас, чтобы составить себе общее понятие о людях и деяниях. Тем взыскательнее и строже Критика, тем непозволительнее Историк, для выгод его дарования, обманывать добросовестных Читателей, мыслить и говорить за Героев, которые уже давно безмолвствуют в могилах. Что ж остается ему, прикованному, так сказать, к сухим хартиям древности? порядок, ясность, сила, живопись. Он творит из данного вещества: не произведет золота из меди, но должен очистить и медь, должен знать всего цену и свойство, открывать великое, где оно таится и малому не давать прав великого. Нет предмета столь бедного, чтобы Искусство уже не могло в нем ознаменовать себя приятным для ума образом.

Доселе Древние служат нам образцами. Никто не превзошел Ливия в красоте повествования, Тацита в силе: вот главное! Знание всех Прав на свете, ученость Немецкая, остроумие Вольтерова, ни самое глубокомыслие Макиавелево в Историке не заменяют таланта изображать действия. Англичане славятся Юмом, Немцы Иоанном Мюллером, и справедливо: оба суть достойные современники Древних, — не подражатели: ибо каждый век, каждый народ дает особенные краски искусному Бытописателю. «Не подражай Тациту, но пиши, как писал бы он на твоём месте!» есть правило Гения. Хотел ли Мюллер, часто вставляя в рассказ нравственные апофегмы, уподобиться Тациту? не знаю, но сие желание блистать умом, или казаться глубокомысленным, едва ли не противно истинному вкусу. Историк рассуждает только в объяснение дел, там, где мысли его как бы дополняют описание. Заметим, что сии *апофегмы* бывают для основательных умов или полуистинами, или весьма обыкновенными истинами, которые не имеют большой цены в Истории, где ищем действий и характеров. Искусное повествование есть *долг* Бытописателя, а хорошая отдельная мысль *дар*: Читатель требует первого, и благодарит за второе, когда уже требование его исполнено. Не так ли думал и благоразумный Юм, иногда весьма плодovitый в изъяснении причин, но до скупости умеренный в размышлениях? Историк, коего мы назвали бы совершеннейшим из Новых, если бы не излишно *чуждался* Англии, не излишно хвалился беспристрастием, и тем не охладил своего изящного творения! В Фукидиде видим всегда Афинского Грека, в Ливии всегда Римлянина, и пленяемся ими, и верим им. Чувство: *мы, наше*, оживляет повествование — и как грубое пристрастие, следствие ума слабого или души слабой, несносно в Историке: так любовь к отечеству дает его кисти жар, силу, прелесть. Где нет любви, нет и души.

Обращаюсь к труду моему. Не дозволяя себе никакого изобретения, я искал выражений в уме своем, а мыслей единственно в памятниках; искал духа и жизни в тлеющих хартиях; желал преданное нам веками соединить в систему, ясную стройным сближением частей; изображал не только бедствия и славу войны, но и все, что входит в состав гражданского бытия людей: успехи разума, искусства, обычаи, законы, промышленность; не боялся с важностию говорить о том, что уважалось предками; хотел, не изменяя своему веку, без гордости и насмешек описывать веки душевного младенчества, легковерия, баснословия; хотел представить и характер времени и характер Летописцев: ибо одно казалось мне нужным для другого. Чем менее находил я известных, тем более дорожил и пользовался находимыми; тем менее выбирал: ибо не бедные, а богатые избирают. Надлежало или не сказать ни-

чего, или сказать все о таком-то Князе, дабы он жил в нашей памяти не одним сухим именем, но с некоторою нравственною физиогномиею. Прилежно *истощая* материалы древнейшей Российской Истории, я ободрял себя мыслию, что в повествовании о временах отдаленных есть какая-то неизъяснимая прелесть для нашего воображения: там источники Поэзии! Взор наш, в созерцании великого пространства, не стремится ли обыкновенно — мимо всего близкого, ясного — к концу горизонта, где густеют, меркнут тени и начинается непроницаемость?

Читатель заметит, что описываю деяния *не врознь*, по годам и дням, но *совокупляю* их для удобнейшего впечатления в памяти. Историк не Летописец: последний смотрит единственно на время, а первый на свойство и связь деяний: может ошибиться в распределении мест, но должен всему указать свое место.

Множество сделанных мною примечаний и выписок устрашает меня самого. Счастливы Древние: они не ведали сего мелочного труда, в коем теряется половина времени, скучает ум, вянет воображение: тягостная жертва, приносимая *достоверности*, однако ж необходима! Если бы все материалы были у нас собраны, изданы, очищены Критикою: то мне оставалось бы единственно ссылаться, но когда большая часть их в рукописях, в темноте, когда едва ли что обработано, изъяснено, соглашено — надобно вооружиться терпением. В воле Читателя заглядывать в сию пеструю смесь, которая служит иногда свидетельством, иногда объяснением или дополнением. Для охотников все бывает любопытно: старое имя, слово, малейшая черта древности дает повод к соображениям. С XV века уже менее выписываю: источники размножаются и делаются яснее.

Муж ученый и славный, Шлецер, сказал, что наша История имеет пять главных периодов; что Россия от 862 года до Святополка должна быть названа *рождающеюся* (Nascens), от Ярослава до Моголов *разделенною* (Divisa), от Батые до Иоанна III *угнетенною* (Oppressa), от Иоанна до Петра Великого *победоносною* (Victrix), от Петра до Екатерины II *процветающею*. Сия мысль кажется мне более остроумною, нежели основательною. 1) Век Св. Владимира был уже веком могущества и славы, а не *рождения*. 2) Государство *делилось* и прежде 1015 года. 3) Если по внутреннему состоянию и внешним действиям России надобно означать периоды, то можно ли смешать в один время Великого Князя Димитрия Александровича и Донского, безмолвное рабство с победою и славою? 4) Век Самозванцев ознаменован более злосчастьем, нежели победою. Гораздо лучше, истиннее, скромнее История наша делится на *Древнейшую* от Рюрика до Иоанна III, на *Среднюю* от Иоанна до Петра, и *Новую* от Петра до Александра. Система Уделов была характером *первой* эпохи, Единовластие *второй*, изменение гражданских обычаев *третьей*. Впрочем, нет нужды ставить грани там, где места служат живым урочищем.

С охотою и ревностию посвятив двенадцать лет, и лучшее время моей жизни, на сочинение сих осьми или девяти Томов, могу по слабости желать хвалы и бояться оуждения, но смею сказать, что это для меня не главное. Одно славолубие не могло бы дать мне твердости постоянной, долговременной, необходимой в таком деле, если бы не находил я истинного удовольствия в самом труде и не имел надежды быть полезным, то есть сделать Российскую Историю известнее для многих, даже и для строгих моих судей.

Благодаря всех, и живых и мертвых, коих ум, знания, таланты, искусство, служили мне руководством, поручаю себя снисходительности добрых сограждан. Мы одно любим, одного желаем: любим отечество, желаем ему благоденствия еще более, нежели славы, желаем, да не изменится никогда твердое основание нашего величия, да правила мудрого Самодержавия и Святой Веры более и более укрепляют союз частей, да цветет Россия... по крайней мере долго, долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой!

Декабря 7, 1815

ОБ ИСТОЧНИКАХ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ДО XVII ВЕКА

Сии источники суть:

1) *Летописи*. Нестор, инок Монастыря Киевопечерского, прозванный *отцем* Российской Истории, жил в XI веке: одаренный умом любопытным, слушал со вниманием изустные предания древности, народные исторические сказки; видел памятники, могилы Князей; беседовал с Вельможами, старцами Киевскими, путешественниками, жителями иных областей Российских; читал Византийские Хроники, записки церковные и сделался *первым* Летописцем нашего отечества. *Вторый*, именем Василий, жил также в конце XI столетия: употребленный Владимирским Князем Давидом в переговорах с несчастным Васильком, описал нам великодушные последнего и другие современные деяния юго-западной России. Все иные летописцы остались для нас *безыменными*, можно только угадывать, где и когда они жили: например, один в Новгороде, Иерей, посвященный Епископом Нифонтом в 1144 году; другой в Владимире на Клязьме при Всеволоде Великом; третий в Киеве, современник Рюрика II; четвертый в Вольнии около 1290 года; пятый тогда же во Пскове. К сожалению, они не сказывали всего, что бывает любопытно для потомства, но, к счастью, не вымышляли, и достовернейшие из Летописцев иноземных согласны с ними. — Сия почти непрерывная цепь Хроник идет до государствования Алексея Михайловича. Некоторые донныне еще не изданы или напечатаны весьма неисправно. Я искал древнейших списков: самые лучшие Нестора и продолжателей его суть харатейные, *Пушкинский и Троицкий*, XIV и XV века. Достойны также замечания *Ипатьевский, Хлебниковский, Кенигсбергский, Ростовский, Воскресенский, Львовский, Архивский*. В каждом из них есть нечто особенное и действительно историческое, внесенное, как надобно думать, современниками, или по их запискам. *Никоновский* более всех искажен вставками бессмысленных переписчиков, но в XIV веке сообщает вероятные дополнительные известия о Тверском Княжении, далее уже сходствует с другими, уступая им однако ж в исправности, — например, *Архивскому*.

II) *Степенная Книга*, сочиненная в царствование Иоанна Грозного по мысли и наставлению Митрополита Макария. Она есть выбор из летописей с некоторыми прибавлениями, более или менее достоверными, и названа сим именем для того, что в ней означены *степени* или поколения Государей.

III) Так называемые *Хронографы*, или Всеобщая История по Византийским летописям, со внесением и нашей, весьма краткой. Они любопытны с XVII века: тут уже много подробных *современных* известий, которых нет в летописях.

IV) *Жития Святых*, в Патерике, в Прологах, в Минеях, в особенных рукописях. Многие из сих Биографий сочинены в новейшие времена, некоторые, од-

нако ж, например Св. Владимира, Бориса и Глеба, Феодосия, находятся в характерных Прологах, а Патерик сочинен в XIII веке.

V) *Особенные деесписания*: например, сказание о Довмонте Псковском, Александре Невском; современные записки Курбского и Палицына; известия о Псковской осаде в 1581 году, о Митрополите Филиппе, и проч.

VI) *Разряды*, или распределение Воевод и полков: начинаются со времен Иоанна III. Сии рукописные книги не редки.

VII) *Родословная Книга*: есть печатная; исправнейшая и полнейшая, писанная в 1660 году, хранится в Синодальной библиотеке.

VIII) Письменные *Каталоги Митрополитов и Епископов*. — Сии два источника не весьма достоверны; надобно их сверять с летописями.

IX) *Послания Святителей* к Князьям, Духовенству и мирянам, важнейшее из оных есть Послание к Шемяке, но и в других находится много достопамятного.

X) *Древние монеты, медали, надписи, сказки, песни, пословицы*: источник скудный, однако ж не совсем бесполезный.

XI) *Грамоты*. Древнейшая из подлинных писана около 1125 года. Архивские Новгородские грамоты и *Душевные записи* Князей начинаются с XIII века, сей источник уже богат, но еще гораздо богатейший есть.

XII) Собрание так называемых *Статейных Списков*, или Посольских дел, и грамот в Архиве Иностранной Коллегии с XV века, когда и происшествия и способы для их описания дают Читателю право требовать уже большей удовлетворительности от Историка. — К сей нашей собственности присовокупляются.

XIII) *Иностранные современные летописи*: Византийские, Скандинавские, Немецкие, Венгерские, Польские, вместе с известиями путешественников.

XIV) *Государственные бумаги иностранных Архивов*: всего более пользовался я выписками из Кенигсбергского.

Вот материалы Истории и предмет Исторической Критики!

Глава I

О НАРОДАХ, ИЗДРЕВЛЕ ОБИТАВШИХ В РОССИИ. О СЛАВЯНАХ ВООБЩЕ

Древние сведения Греков о России. Путешествие Аргонавтов. Тавры и Киммериане. Гипербореи. Поселенцы Греческие. Ольвия, Пантикапея, Фанагория, Танаис, Херсон. Скифы и другие народы. Темный слух о землях полунощных. Описание Скифии. Реки, известные грекам. Нравы Скифов: их падение. Митридат, Геты. Сарматы, Алане, Готфы, Венеды, Гунны, Анты, Угры и Болгары. Славяне: их подвиги. Авары, Турки, Огоры. Расселение Славян. Падение Аваров. Болгария. Дальнейшая судьба народов Славянских

Сия великая часть Европы и Азии, именуемая ныне Россию, в умеренных ее климатах была искони обитаема, но дикими, во глубину невежества погруженными народами, которые не ознаменовали бытия своего никакими собственными историческими памятниками. Только в повествовании Греков и Римлян сохранились известия о нашем древнем отечестве. Первые весьма рано открыли путь чрез Геллеспонт и Воспор Фракийский в Черное море, если верить славному путешествию Аргонавтов в Колхиду, воспетому будто бы самим Орфеем, участником оногo, веков за XII до Рождества Христова. В сем любопытном стихотворении, основанном по крайней мере на древнем предании, названы Кавказ (славный баснословными муками несчастного Прометей), река Фазис (ныне Рион), Миотисское или Азовское море, Воспор, народ Каспийский, Тавры и Киммериане, обитатели южной России. Певец Одиссеи также именует последних. «Есть народ Киммерийский (говорит он) и город Киммерион, покрытый облаками и туманом: ибо солнце не озаряет сей печальной страны, где беспрестанно царствует глубокая ночь». Столь ложное понятие еще имели современники Гомеровы о странах юго-восточной Европы, но басня *о мраках Киммерийских* обратилась в пословицу веков, и *Черное море*, как вероятно, получило от того свое название. Цветущее воображение Греков, любя приятные мечты, изобрело Гипербореев, людей совершенно добродетельных, живущих далее на Север от Понта Эвксинского, за горами Рифейскими, в счастливом спокойствии, в странах мирных и веселых, где бури и страсти неизвестны; где смертные питаются соком цветов и росою, блаженствуют несколько веков и, насытившись жизнью, бросаются в волны морские.

Наконец сие приятное баснословие уступило место действительным историческим познаниям. Веков за пять или более до Рождества Христова Греки завели селения на берегах Черноморских. Ольвия, в 40 верстах от устья Днепровского, построена выходцами Милетскими еще в славные времена Мидийской Империи, называлась *счастливою* от своего богатства и существовала до падения Рима, в благословенный век Траянов образованные граждане ее любили читать Платона и, зная наизусть Илиаду, пели в битвах стихи Гомеровы. Пантикапея и Фанагория были столицами знаменитого Царства Воспорского, осно-

ванного Азиатскими Греками в окрестностях Киммерийского Пролива. Город Танаис, где ныне Азов, принадлежал к сему Царству, но Херсон Таврический (коего начало неизвестно) хранил вольность свою до времен Митридатовых. Сии пришельцы, имея торговлю и тесную связь с своими единоземцами, сообщали им верные географические сведения о России южной, и Геродот, писавший за 445 лет до Рождения Христова, предал нам оные в своем любопытном творении.

Киммеряне, древнейшие обитатели нынешних Губерний Херсонской и Екатеринославской — вероятно, единоплеменные с Германскими Цимбрами — за 100 лет до времен Кировых были изгнаны из своего отечества Скифами или Сколотами, которые жили прежде в восточных окрестностях моря Каспийского, но вытесненные оттуда Массаетами, перешли за Волгу, разорили после великую часть южной Азии и наконец утвердились между Петром и Танаисом (Дунаем и Доном), где сильный Царь Персидский, Дарий, напрасно хотел отомстить им за опустошение Мидии и где, гоняясь за ними в степях обширных, едва не погибло все его многочисленное войско. Скифы, называясь разными именами, вели жизнь кочевую, подобно Киргизам или Калмыкам, более всего любили свободу, не знали никаких искусств, кроме одного: «Везде настигать неприятелей и везде от них скрываться», однако ж терпели Греческих поселенцев в стране своей, заимствовали от них первые начала гражданского образования, и Царь Скифский построил себе в Ольвии огромный дом, украшенный резными изображениями сфинксов и грифов. — Каллипиды, смесь диких Скифов и Греков, жили близ Ольвии к Западу; Алазоны в окрестностях Гипаниса или Буга; так называемые *Скифы-земледельцы* далее к Северу, на обоих берегах Днепра. Сии три народа уже сеяли хлеб и торговали им. На левой стороне Днепра, в 14 днях пути от его устья (вероятно, близ Киева), между *Скифами-земледельцами* и кочующими было их Царское кладбище, священное для народа и неприступное для врагов. Главная Орда, или *Царственная*, кочевала на Восток до самого Азовского моря, Дона и Крыма, где жили Тавры, может быть единоплеменники древних Киммеряне: убивая иностранцев, они приносили их в жертву своей *богине-девице*, τῆ Παρθένω и мыс Севастопольский, где существовал храм ее, долго назывался Παρθένιον. Геродот пишет еще о многих других народах *не-Скифского* племени: Агафирсах в Седмиградской области или Трансильвании, Неврах в Польше, Андрофагах и Меланхленах в России: жилища последних находились в 4000 стадиях или в 800 верстах от Черного моря к Северу, в ближнем соседстве с Андрофагами; те и другие питались человеческим мясом. Меланхлены назывались так от черной одежды своей. Невры «обращались ежегодно на несколько месяцев в волков»: то есть зимою покрывались волчьими кожами. — За Доном, на степях Астраханских, обитали Сарматы или Савроматы, далее, среди густых лесов, Вудины, Гелоны (народ Греческого происхождения, имевший деревянную крепость), — Ирки, Фиссагеты (славные звероловством), а на Восток от них Скифские беглецы *Орды Царской*. Тут, по сказанию Геродота, начинались каменистые горы (Уральские) и страна Агрипеев, людей *плосконосых* (вероятно, Калмыков). Доселе ходили обыкновенно торговые караваны из городов Черноморских: следственно, места были известны, также и народы, которые говорили *семью* разными языками. О дальнейших *полуночных* землях носился единственно темный слух. Агрипеев уверяли, что за ними обитают люди, которые спят в году шесть месяцев: чему не верил Геродот, но что для нас понятно: долговременные ночи холодных климатов, озаряемые в течение нескольких месяцев одними северными сияниями, служили основанием сей молвы. — На Восток от Агрипеев (в Великой Татарии) жили

Исседоны, которые сказывали, что недалеко от них *грифы стерегут золото*: сии баснословные грифы кажутся отчасти историческою истинною и заставляют думать, что драгоценные рудники южной Сибири были издревле знаемы. Север вообще славился тогда своим богатством или множеством золота. Упомянув о разных Ордах, кочевавших на Восток от моря Каспийского, Геродот пойдет о главном народе нынешних Киргизских степей, сильных Массажетах, победивших Кира, и сказывает, что они, сходствуя одеждою и нравами с племенами Скифскими, украшали золотом шлемы, поясы, конские приборы и, не зная железа, ни серебра, делали палицы и копья из меди.

Что касается собственно до Скифии Российской, то сия земля, по известию Геродота, была необозримою равниною, гладкою и безлесною, только между Тавридою и Днепровским устьем находились леса. Он за чудо сказывает своим единоплеменцам, что зима продолжается там 8 месяцев, и воздух в сие время, по словам Скифов, бывает наполнен летающими перьями, то есть, снегом; что море Азовское замерзает, жители ездят на санях чрез неподвижную глубину его, и даже конные сражаются на воде, густеющей от холода, что гром гремит и молния блистает у них единственно летом. — Кроме Днепра, Буга и Дона, вытекающего из озера, сей Историк именует еще реку Днестр (Τύθηζ при устье коего жили Греки, называемые Тиритами), Прут (Ποδάτα), Серет (Οβδησσός), и говорит, что Скифия вообще может славиться большими судоходными реками; что Днепр, изобильный рыбою, окруженный прекрасными лугами, уступает в величине одному Нилу и Дунаю; что вода его отменно чиста, приятна для вкуса и здорова; что источник сей реки скрывается в отдалении и не известен Скифам. Таким образом Север восточной Европы, огражденный пустынями и свирепостию варваров, которые на них скитались, оставался еще землею, таинственною для Истории. Хотя Скифы занимали единственно южные страны нашего отечества, хотя Андрофаги, Меланхлены и прочие народы северные, как пишет сам Геродот, были совсем иного племени: но Греки назвали всю нынешнюю Азиатскую и Европейскую Россию, или все полуношные земли, Скифиею, так же, как они без разбора именовали полуденную часть мира Эфиопиею, западную Кельтикую, восточную Индию, ссылаясь на Историка Эфора, жившего за 350 лет до Рождества Христова.

Несмотря на долговременное сообщение с образованными Греками, Скифы еще гордились дикими нравами своих предков, и славный единоплеменец их, Философ Анахарсис, ученик Солонов, напрасно хотев дать им законы Афинские, был жертвою сего несчастного опыта. В надежде на свою храбрость и многочисленность, они не боялись никакого врага, пили кровь убитых неприятелей, выделанную кожу их употребляли вместо одежды, а черепа вместо сосудов, и в образе меча поклонялись богу войны, как главе других мнимых богов.

Могущество Скифов начало ослабевать со времен Филиппа Македонского, который, по словам одного древнего Историка, одержал над ними решительную победу не превосходством мужества, а хитростию воинскою, и не нашел в стане у врагов своих ни серебра, ни золота, но только жен, детей и старцев. Митридат Эвпатор, господствуя на южных берегах Черного моря и завладев Восточным Царством, утеснил и Скифов: последние их силы были истощены в жестоких его войнах с Римом, коего орлы приближались тогда к нынешним Кавказским странам России. Геты, народ Фракийский, побежденный Александром Великим на Дунае, но страшный для Рима во время Царя своего, Бербиста Храброго, за несколько лет до Рождества Христова отнял у Скифов всю землю между Истром и Борисфеном, т. е. Дунаем и Днепром. Наконец Сарматы, обитавшие в Азии близ Дона, вступили в Скифию, и, по известию Диодора Сици-

лийского, истребили ее жителей или присоединили к своему народу, так, что *особенное бытие* Скифов исчезло для Истории, осталось только их славное имя, коим несведущие Греки и Римляне долго еще называли все народы, мало известные и живущие в странах отдаленных.

Сарматы (или Савроматы Геродотовы) делаются знамениты в начале Христианского летоисчисления, когда Римляне, заняв Фракию и страны Дунайские своими Легионами, приобрели для себя несчастное соседство варваров. С того времени Историки Римские беспрестанно говорят о сем народе, который господствовал от Азовского моря до берегов Дуная и состоял из двух главных племен, Роксолан и Язигов, но Географы, весьма некстати назвав Сарматиею всю обширную страну Азии и Европы, от Черного моря и Каспийского с одной стороны до Германии, а с другой до самой глубины Севера, обратили имя Сарматов (подобно как прежде Скифское) в общее для всех народов полуношных. Роксолане утвердились в окрестностях Азовского и Черного моря, а Язиги скоро перешли в Дакию, на берега Тисы и Дуная. Дерзнув первые тревожить Римские владения с сей стороны, они начали ту ужасную и долговременную войну дикого варварства с гражданским просвещением, которая заключилась наконец гибелью последнего. Роксолане одержали верх над Когортами Римскими в Дакии: Язиги опустошали Мизию. Еще военное искусство, следствие непрестанных побед в течение осьми веков, обуздывало варваров и часто наказывало их дерзость, но Рим, изнеженный роскошию, вместе с гражданскою свободою утратив и гордость великодушную, не стыдился золотом покупать дружбу Сарматов. Тацит именует Язигов союзниками своего народа, и Сенат, решив прежде судьбу великих Государей и мира, с уважением встречал Послов народа кочующего. — Хотя война Маркоманнская, в коей Сарматы присоединились к Германцам, имела несчастные для них следствия, хотя, побежденные Марком Аврелием, они утратили силу свою и не могли уже быть завоевателями: однако ж, кочуя в южной России и на берегах Тибиска или Тисы, долго еще беспокоили набегами Римские владения.

Почти в одно время с Язигами и Роксоланами узнаем мы и других — вероятно, единоплеменных с ними — обитателей юго-восточной России, Алан, которые, по известию Аммиана Марцеллина, были древние Массагеты и жили тогда между Каспийским и Черным морем. Они, равно как и все Азиатские дикие народы, не обрабатывали земли, не имели домов, возили жен и детей на колесницах, скитались по степям Азии даже до самой Индии северной, грабили Армению, Мидию, а в Европе берега Азовского и Черного моря; отважно искали смерти в битвах и славились отменною храбростию. К сему народу многочисленному принадлежали, вероятно, Аорсы и Сираки, о коих в первом веке Христианского летоисчисления упоминают разные Историки, и кои, обитая между Кавказом и Доном, были и врагами и союзниками Римлян. Алане, вытеснив Сарматов из юго-восточной России, отчасти заняли и Тавриду.

В третьем веке приблизились от Бальтийского к Черному морю Готфы и другие народы Германские, овладели Дакиею, Римскою провинциею со времен Траяновых, и сделались самыми опасными врагами Империи. Переплыв на судах в Азию, Готфы обратили в пепел многие города цветущие в Вифинии, Галатии, Каппадокии, и славный храм Дианы в Ефесе, а в Европе опустошили Фракию, Македонию и Грецию до Морей. Они хотели, взяв Афины, истребить огнем все книги Греческие, там найденные, но приняли совет одного умного единоплеменца, который сказал им: «Оставьте Грекам книги, чтобы они, читая их, забывали военное искусство и тем легче были побеждаемы нами». Ужасные свирепостию и мужеством, Готфы основали сильную Империю, которая разде-

лялась на Восточную и Западную, и в IV столетии, при Царе их Эрманарихе, заключала в себе немалую часть России Европейской, простираясь от Тавриды и Черного моря до Балтийского.

Готфский Историк VI века, Иорнанд, пишет, что Эрманарих в числе многих иных народов победил и Венедов, которые, обитая в соседстве с Эстами и Герулами, жителями берегов Балтийских, славились более своею многочисленностию, нежели искусством воинским. Сие известие для нас любопытно и важно, ибо *Венеды*, по сказанию Иорнанда, были единоплеменники *Славян*, предков народа Российского. Еще в самой глубокой древности, лет за 450 до Рождества Христова, было известно в Греции, что янтарь находится в отдаленных странах Европы, где река Эридан впадает в Северный Океан, и где живут Венеды. Вероятно, что Финикияне, смелые мореходцы, которые открыли Европу для образованных народов древности, не имевших об ней сведения, доплывали до самых берегов нынешней Пруссии, богатых янтарем, и там покупали его у Венедов. Во время Плиния и Тацита, или в первом столетии, Венеды жили близ Вислы, и граничили к Югу с Дакиєю. Птолемей, Астроном и Географ второго столетия, полагает их на восточных берегах моря Балтийского, сказывая, что оно издревле называлось *Венедским*. Следственно ежели Славяне и Венеды составляли один народ, то предки наши были известны и Грекам и Римлянам, обитая на Юг от моря Балтийского. Из Азии ли они пришли туда, и в какое время, не знаем. Мнение, что сию часть мира должно признавать колыбелию всех народов, кажется вероятным, ибо согласно с преданиями Священными, и все языки Европейские, несмотря на их разные изменения, сохраняют в себе некоторое сходство с древними Азиатскими, однако ж мы не можем утвердить сей вероятности никакими *действительно историческими* свидетельствами, и считаем Венедов Европейцами, когда История находит их в Европе. Сверх того они самыми обыкновениями и нравами отличались от Азиатских народов, которые, приходя в нашу часть мира, не знали домов, жили в шатрах или *колесницах*, и только на конях сражались: Тацитовы же Венеды имели дома, любили ратоборствовать пешие и славились быстротою своего бега.

Конец четвертого века ознаменовался важными происшествиями. Гунны, народ кочующий, от полунощных областей Китая доходят чрез неизмеримые степи до юго-восточной России, нападают — около 377 года — на Алан, Готфов, владения Римские, истребляя все огнем и мечом. Современные Историки не находят слов для описания лютой свирепости и самого безобразия Гуннов. Ужас был их предтечею, и столетний Герой Эрманарих не дерзнул даже вступить с ними в сражение, но произвольную смертью спешил избавиться от рабства. Восточные Готфы должны были покориться, а Западные искали убежища во Фракии, где Римляне, к несчастью своему, дозволили им поселиться: ибо Готфы, соединясь с другими мужественными Германцами, скоро овладели большею частию Империи.

История сего времени упоминает об *Антах*, которые, по известию Иорнанда и Византийских Летописцев, принадлежали вместе с Венедями к народу Славянскому. Винитар, наследник Эрманариха, Царя Готфского, был уже данником Гуннов, но хотел еще повелевать другими народами: завоевал страну Антов, которые обитали на Север от Черного моря (следственно в России), и жестоким образом умертвил их Князя, именем Бокса, с семидесятью знатнейшими Боярами. Царь Гуннский, Баламбер, вступился за утесненных и, победив Винитара, освободил их от ига Готфов. — Нет сомнения, что Анты и Венеды признавали над собою власть Гуннов: ибо сии завоеватели во время Аттилы, грозного Царя их, повелевали всеми странами от Волги до Рейна, от Македонии до

островов Бальтийского моря. Истребив бесчисленное множество людей, разрушив города и крепости Дунайские, предав огню селения, окружив себя пустынями обширными, Аттила царствовал в Дакии под наметом шатра, брал дань с Константинополя, но славился презрением золота и роскоши, ужасал мир и гордился именем *бича Небесного*. — С жизнью сего варвара, но великого человека, умершего в 454 году, прекратилось и владычество Гуннов. Народы, порабощенные Атилиою, свергнули с себя иго несогласных сыновей его. Изгнанные Немцами-Гепидами из Паннонии, или Венгрии, Гунны держались еще несколько времени между Днестром и Дунаем, где страна их назвалась Гунниваром, другие рассеялись по Дунайским областям Империи — и скоро изгладилась следа ужасного бытия Гуннов. Таким образом сии варвары отдаленной Азии явились в Европе, свирепствовали и, как грозное привидение, исчезли!

В то время южная Россия могла представлять обширную пустыню, где скитались одни бедные остатки народов. Восточные Готфы большею частию удалились в Паннонию, о Роксоланах не находим уже ни слова в летописях: вероятно, что они смешались с Гуннами или, под общим названием Сарматов, вместе с Язигами были расселены Императором Маркианом в Иллирике и в других Римских провинциях, где, составив один народ с Готфами, утратили имя свое: ибо в конце V века История уже молчит о Сарматах. Множество Алан, соединясь с Немецкими Вандалами и Свевами, перешло за Рейн, за горы Пиренейские, в Испанию и Португалию. Но скоро Угры и Болгары, по сказанию Греков единоплеменные с Гуннами, и до того времени неизвестные, оставив древние свои жилища близ Волги и гор Уральских, завладели берегами Азовского, Черного моря и Тавридою (где еще обитали некоторые Готфы, принявшие Веру Христианскую), и с 474 года начали опустошать Мизию, Фракию, даже предместия Константинопольские.

С другой стороны выходят на театр Истории *Славяне*, под сим именем, достойным людей воинственных и храбрых, ибо его можно производить от *славы*, — и народ, коего бытие мы едва знали, с шестого века занимает великую часть Европы, от моря Бальтийского до реки Эльбы, Тисы и Черного моря. Вероятно, что некоторые из Славян, подвластных Эрманариху и Аттиле, служили в их войске, вероятно, что они, испытав под начальством сих завоевателей храбрость свою и приятную добычи в богатых областях Империи, возбудили в соотечественниках желание приблизиться к Греции и вообще распространить их владение. Обстоятельства времени им благоприятствовали. Германия опустела, её народы воинственные удалились к Югу и Западу искать счастья. На берегах Черноморских, между устьями Днепра и Дуная, кочевали, может быть, одни дикие малолюдные Орды, которые сопутствовали Гуннам в Европу и рассеялись после их гибели. От Дуная и Алуты до реки Моравы жили Немцы-Лонгобарды и Гепиды, от Днепра к морю Каспийскому Угры и Болгары: за ними, к Северу от Понта Эвксинского и Дуная, явились Анты и Славяне, другие же племена их вступили в Моравию, Богемию, Саксонию, а некоторые остались на берегах моря Бальтийского. Тогда начинают говорить об них Историки Византийские, описывая свойства, образ жизни и войны, обыкновения и нравы Славян, отличные от характера Немецких и Сарматских племен: доказательство, что сей народ был прежде мало известен Грекам, обитая во глубине России, Польши, Литвы, Пруссии, в странах отдаленных и как бы непроницаемых для их любопытства.

Уже в конце пятого века летописи Византийские упоминают о Славянах, которые в 495 году дружелюбно пропустили чрез свои земли Немцев-Герулов, разбитых Лонгобардами в нынешней Венгрии и бежавших к морю Бельгийско-

му; но только со времен Юстиниановых, с 527 году, утвердясь в северной Дакии, начинают они действовать против Империи, вместе с Угорскими племенами и братьями своими Антами, которые в окрестностях Черного моря граничили с Болгарами. Ни Сарматы, ни Готфы, ни самые Гунны не были для Империи ужаснее Славян. Иллирия, Фракия, Греция, Херсонес — все страны от залива Ионического до Константинополя были их жертвою, только Хильвуд, смелый Вождь Юстинианов, мог еще с успехом им противоборствовать, но Славяне, убив его в сражении за Дунаем, возобновили свои лютые нападения на Греческие области, и всякое из оных стоило жизни или свободы бесчисленному множеству людей, так, что южные берега Дунайские, облитые кровию несчастных жителей, осыпанные пеплом городов и сел, совершенно опустели. Ни Легионы Римские, почти всегда обращаемые в бегство, ни великая стена Анастасиева, сооруженная для защиты Царяграда от варваров, не могли удерживать Славян, храбрых и жестоких. Империя с трепетом и стыдом видела знамя Константиново в руках их. Сам Юстиниан, Совет Верховный и знатнейшие Вельможи должны были с оружием стоять на последней ограде столицы, стене Феодосиевой, с ужасом ожидая приступа Славян и Болгаров ко вратам ее. Один Велисарий, поседевший в доблести, осмелился выйти к ним навстречу, но более казною Императорскою, нежели победою, отвратил сию грозную тучу от Константинополя. Они спокойно жительствовавали в Империи как бы в собственной земле своей, уверенные в безопасной переправе чрез Дунай: ибо Гепиды, владевшие большею частию северных берегов его, всегда имели для них суда в готовности. Между тем Юстиниан с гордостью величал себя *Антическим* или *Славянским*, хотя сие имя напоминало более стыд, нежели славу его оружия против наших диких предков, которые беспрестанно опустошали Империю, или заключая иногда дружественные с нею союзы, нанимались служить в ее войсках и способствовали их победам. Так во второе лето славной войны Готфской (в 536 году) Валериан привел в Италию 1600 конных Славян, и Римский Полководец Туллиан вверил Антам защиту Лукании, где они в 547 году разбили Готфского Короля Тотилу.

Уже лет 30 Славяне свирепствовали в Европе, когда новый Азиатский народ победами и завоеваниями открыл себе путь к Черному морю. Весь известный мир был тогда феатром чудесного волнения народов и непостоянства в их величии. Авары славились могуществом в степях Татарии, но, в шестом веке побежденные Турками, ушли из земли своей. Сии Турки, по свидетельству Историков Китайских, были остатком Гуннов, древних полуношных соседей Китайской Империи, в течение времени соединились с другими Ордами единоплеменными и завоевали всю южную Сибирь. Хан их, называемый в Византийских летописях Дизавулом, как новый Аттила покорив многие народы, жил среди гор Альтайских, в шатре, украшенном коврами шелковыми и многими золотыми сосудами, сидя на богатом троне, принимал Византийских Послов и дары от Юстиниана, заключал с ним союзы и счастливо воевал с Персами. Известно, что Россияне, овладев в новейшие времена полуденною частию Сибири, находили в тамошних могилах великое количество вещей драгоценных: вероятно, что они принадлежали сям Альтайским Туркам, уже не дикому, но отчасти образованному народу, торговавшему с Китаем, Персиею и Греками.

Вместе с другими Ордами зависели от Дизавула Киргизы и Гунны-Огоры. Быв прежде данниками Аваров и тогда угнетаемые Турками, Огоры перешли на западные берега Волги, назвались славным именем Аваров, некогда могущественных, и предложили союз Императору Византийскому. Народ Греческий с любопытством и с ужасом смотрел на их Послов: одежда сих людей напоминала

ему страшных Гуннов Аттилы, от коих мнимые Авары отличались единственно тем, что не брили головы и заплетали волосы в длинные косы, украшаемые лентами. Главный Посол сказал Юстиниану, что Авары, мужественные и непобедимые, хотят его дружбы, требуя даров, жалования и выгодных мест для поселения. Император не дерзнул ни в чем отказать сему народу, который, бежав из Азии, со вступлением в Европу приобрел силу и храбрость. Угры, Болгары признали власть его. Анты не могли ему противиться. Хан Аварский, свирепый Баян, разбил их войско, умертвил Посла, знаменитого Князя Мезамира, ограбил землю, пленил жителей, скоро завоевал Моравию, Богемию, где обитали Чехи и другие Славяне, победил Сигеберта, Короля Франков, и возвратился на Дунай, где Лонгобарды вели кровопролитную войну с Гепидами. Баян соединился с первыми, разрушил державу Гепидов, овладел большею частью Дакии, а скоро и Паннонией, или Венгриею, которую Лонгобарды уступили ему добровольно, желая искать завоеваний в Италии. Область Аваров в 568 году простиралась от Волги до Эльбы. В начале седьмого века завладели они и Далмациею, кроме приморских городов ее. Хотя Турки, господствуя на берегах Иртыша, Урала — тревожа набегами Китай и Персию — около 580 года распространили было свои завоевания до самой Тавриды — взяли Воспор, осаждали Херсон, но скоро исчезли в Европе, оставив земли Черноморские в подданстве Аваров.

Уже Анты, Богемские Чехи, Моравы служили Хану, но собственно так называемые Дунайские Славяне хранили свою независимость, и еще в 581 году многочисленное войско их снова опустошило Фракию и другие владения Имперские до самой Эллады или Греции. Тиверий царствовал в Константинополе: озабоченный войною Персидскою, он не мог отразить Славян и склонил Хана отместить им впадением в страну их. Баян назывался другом Тиверия, и хотел даже быть Римским Патрицием: он исполнил желание Императора тем охотнее, что давно уже ненавидел Славян за их гордость. Сию причину злобы его описывают Византийские Историки следующим образом. Смирив Антов, Хан требовал от Славян подданства, но Лавритас и другие Вожди их ответствовали: «Кто может лишить нас вольности? Мы привыкли отнимать земли, а не свои уступать врагам. Так будет и впредь, доколе есть война и мечи в свете». Посол Ханский раздражил их своими надменными речами и заплатил за то жизнью. Баян помнил сие жестокое оскорбление, и надеялся собрать великое богатство в земле Славян, которые, более пятидесяти лет громив Империю, не были еще никем тревожимы в стране своей. Он вступил в нее с шестидесятью тысячами отборных конных латников, начал грабить селения, жечь поля, истреблять жителей, которые только в бегстве и в густоте лесов искали спасения. — С того времени ослабело могущество Славян, и хотя Константинополь еще долго ужасался их набегов, но скоро Хан Аварский совершенно овладел Дакиею. Обязанные давать ему войско, они лили кровь свою и чуждую для пользы их тирана, должныствовали первые гибнуть в битвах, и когда Хан, нарушив мир с Грециею, в 626 году осадил Константинополь, Славяне были жертвою сего дерзкого предприятия. Они взяли бы столицу Империи, если бы измена не открыла их тайного намерения Грекам: окруженные неприятелем, бились отчаянно, немногие спаслись, и в знак благодарности были казнены Ханом.

Между тем не все народы Славянские повиновались сему Хану: обитавшие за Вислою, и далее к Северу, спаслись от рабства. Так в исходе шестого века на берегах моря Балтийского жили мирные и счастливые Славяне, коих он напрасно хотел вооружить против Греков, и которые отказались помогать ему войском. Сей случай, описанный Византийскими Историками, достоин любопытства и примечания. «Греки (повествуют они) взяли в плен трех чужеземцев,

имевших вместо оружия кифары или гусли. Император спросил, кто они? Мы Славяне, ответствовали чужеземцы, и живем на отдаленнейшем конце Западного Океана (моря Бальтийского). Хан Аварский, прислал дары к нашим старейшинам, требовал войска, чтобы действовать против Греков. Старейшины взяли дары, но отправили нас к Хану с извинением, что не могут за великою отдаленностию дать ему помощи. Мы сами были 15 месяцев в дороге. Хан, не смотря на святость Посольского звания, не отпускал нас в отечество. Слыша о богатстве и дружелюбии Греков, мы воспользовались случаем уйти во Фракию. С оружием обходиться не умеем и только играем на гусях. Нет железа в стране нашей: не зная войны и любя музыку, мы ведем жизнь мирную и спокойную. — Император дивился тихому нраву сих людей, великому росту и крепости их, угостил Послов, и доставил им способ возвратиться в отечество». Такое миролюбивое свойство Бальтийских Славян во времена ужасов варварства представляет мыслям картину счастья, которого мы обыкли искать единственно в воображении. Согласие Византийских историков в описании сего происшествия доказывает, кажется, его истину, утверждаемую и самими тогдашними обстоятельствами Севера, где Славяне могли наслаждаться тишиною, когда Германские народы удалились к Югу и когда разрушилось владычество Гуннов.

Наконец *Богемские* Славяне, возбужденные отчаянием, дерзнули обнажить меч, смирили гордость Аваров и возвратили древнюю свою независимость. Летописцы повествуют, что некто, именем Само, был тогда смелым Вождем их; благодарные и вольные Славяне избрали его в Цари. Он сражался с Дагобертом, Королем Франков, и разбил его многочисленное войско.

Скоро владения Славян умножились новыми приобретениями: еще в шестом веке, как вероятно, многие из них поселились в Венгрии, другие в начале седьмого столетия, заключив союз с Константинополем, вошли в Илирию, изгнали оттуда Аваров и основали новые области, под именем Кроации, Славонии, Сербии, Боснии и Далмации. Императоры охотно дозволяли им селиться в Греческих владениях, надеясь, что они, по известной храбрости своей, могли быть лучшею их защитою от нападения других варваров — и в седьмом веке находим Славян на реке Стримоне во Фракии, в окрестностях Фессалоники и в Мизии или в нынешней Болгарии. Даже весь Пелопоннес был несколько времени в их власти: они воспользовались ужасами моровой язвы, которая свирепствовала в Греции, и завоевали древнее отечество Наук и славы. — Многие из них поселились в Вифинии, Фригии, Дардании, Сирии.

Но между тем, когда Чехи и другие Славяне пользовались уже совершенною вольностию отчасти в прежних, отчасти в новых своих владениях, Дунайские находились еще, кажется, под игом Аваров, хотя могущество сего достопамятного Азиатского народа ослабло в VII веке. Куврат, Князь Болгарский, данник Хана, в 635 году свергнул с себя иго Аваров. Разделив силы свои на девять обширных укрепленных станов, они еще долгое время властвовали в Дакии и в Паннонии, вели жестокие войны с Баварцами и Славянами в Каринтии, в Богемии, наконец утратили в летописях имя свое. — Куврат, союзник и друг Римлян, господствовал в окрестностях Азовского моря, но сыновья его в противность мудрому совету умирающего отца, разделились: старший, именем Ватвай, остался на берегах Дона; вторый сын, Котраг, перешел на другую сторону сей реки; четвертый в Паннонию, или Венгрию, к Аварам; пятый в Италию, а третий, Аспарух, утвердился сперва между Днестром и Дунаем, но в 679 году завоевав и всю Мизию, где жили многие славяне, основал там сильное Государство Болгарское.

Представив Читателю расселение народов Славянских от моря Бальтийского

до Адриатического, от Эльбы до Морей и Азии, скажем, что они, сильные числом и мужеством, могли бы тогда, соединясь, овладеть Европою, но, слабые от развлечения сил и несогласия, почти везде утратили независимость, и только один из них, искушенный бедствиями, удивляет ныне мир величием. Другие, сохранив бытие свое в Германии, в древней Иллирии, в Мизии, повинуются Властителям чужеземным; а некоторые забыли и самый язык отечественный.

Теперь обратимся к Истории Государства Российского, основанной на преданиях нашего собственного, древнейшего Летописца.

Глава II

О СЛАВЯНАХ И ДРУГИХ НАРОДАХ, СОСТАВИВШИХ ГОСУДАРСТВО РОССИЙСКОЕ

Происхождение Славян Российских. Поляне. Радимичи и Вятичи. Древяне. Дулебы и Бужане. Лутичи и Тивирцы. Хорваты, Северяне, Дреговичи, Кривичи, Полочане, Славяне Новгородские. Киев. Изборск, Полоцк, Смоленск, Любеч, Чернигов. Финские или Чудские народы в России. Латышские народы. Междоусобия Славян Российских. Господство и гибель Обров. Козары. Варяги. Русь

Нестор пишет, что Славяне *издревле обитали* в странах Дунайских и, вытесненные из Мизии Болгарами, а из Паннонии Волохами (доныне живущими в Венгрии), перешли в Россию, в Польшу и другие земли. Сие известие о перво-бытном жилище наших предков взято, кажется, из Византийских Летописцев, которые в VI веке узнали их на берегах Дуная, однако ж Нестор в другом месте говорит, что Св. Апостол Андрей — проповедуя в Скифии имя Спасителя, поставив крест на горах Киевских, еще ненаселенных, и предсказав будущую славу нашей древней столицы — доходил до Ильменя и нашел там Славян: следственно они, по собственному Несторову сказанию, жили в России уже в первом столетии, и гораздо прежде, нежели Болгары утвердились в Мизии. Но вероятно, что Славяне, угнетенные ими, отчасти действительно возвратились из Мизии к своим северным единоземцам, вероятно и то, что Волохи, потомки древних Гетов и Римских вельщиков Траянова времени в Дакии, уступив сию землю Готфам, Гуннам и другим народам, искали убежище в горах и, видя наконец слабость Аваров, овладели Трансильванию и частию Венгрии, где Славяне должныствовали им покориться.

Может быть, еще за несколько веков до Рождества Христова под именем Венедов известные на восточных берегах моря Балтийского, Славяне в то же время обитали и внутри России, может быть, Андрофаги, Меланхлены, Невры Геродотовы принадлежали к их племенам многочисленным. Самые древние жители Дакии, Геты, покоренные Траяном, могли быть нашими предками: сие мнение тем вероятнее, что в Русских сказках XII столетия упоминается о счастливых войнах Траяновых в Дакии, и что Славяне Российские начинали, кажется, свое летосчисление от времен сего мужественного Императора. Заметим еще какое-то древнее предание народов Славянских, что праотцы их имели дело с Александром Великим, победителем Гетов. Но Историк не должен предлагать вероятностей за истину, доказываемую только ясными свидетельствами современников. И так, оставляя без утвердительного решения вопрос: «Откуда и когда Славяне пришли в Россию?» опишем, как они жили в ней задолго до того времени, в которое образовалось наше Государство.

Многие Славяне, единоплеменные с Ляхами, обитавшими на берегах Вислы,

поселились на Днестре в Киевской Губернии и назвались *Полянами* от чистых *полей* своих. Имя сие исчезло в древней России, но сделалось общим именем Ляхов, основателей Государства Польского. От сего же племени Славян были два брата, Радим и Вятко, Главами Радимичей и Вятичей: первый избрал себе жилище на берегах Сожа, в Могилевской Губернии, а второй на Оке, в Калужской, Тульской или Орловской.

Древляне, названные так от лесной земли своей, обитали в Волынской Губернии; Дулебы и Бужане по реке Бугу, впадающему в Вислу; Лутичи и Тивирцы по Днестру до самого моря и Дуная, уже имея *города* в земле своей; Белые Хорваты в окрестностях гор Карпатских; Северяне, соседы Полян на берегах Десны, Семи и Сулы, в Черниговской и Полтавской Губернии; в Минской и Витебской, между Припетью и Двиною Западною, Дреговичи; в Витебской, Псковской, Тверской и Смоленской, в верховьях Двины, Днепра и Волги, Кривичи, а на Двине, где впадает в нее река Полота, единоплеменные с ними Полочане; на берегах же озера Ильменя собственно так называемые Славяне, которые *после* Рождества Христова основали Новгород.

К тому же времени Летописец относит и начало Киева, рассказывая следующие обстоятельства: «Братья Кий, Щек и Хорив, с сестрою Лыбедью, жили между Полянами на трех горах, из коих две слывут, по имени двух меньших братьев, Шековицею и Хоривицею, а старший жил там, где ныне (в Несторово время) *Зборичев взвоз*. Они были мужи знающие и разумные, ловили зверей в тогдашних густых лесах Днепровских, построили город и назвали оный именем старшего брата, т. е. *Киевым*. Некоторые считают Кия перевозчиком, ибо в старину был на сем месте перевоз и назывался Киевым, но Кий начальствовал в роде своем: ходил, как сказывают, в Константинополь, и приял великую честь от Царя Греческого, на возвратном пути, увидев берега Дуная, полюбил их, срубил городок и хотел обитать в нем, но жители Дунайские не дали ему там утвердиться и доныне именуют сие место *городищем Киевцом*.

Он скончался в Киеве, вместе с двумя братьями и сестрою». Нестор в повествовании своем основывается единственно на изустных сказаниях: отдаленный многими веками от случаев, здесь описанных, мог ли он ручаться за истину предания, всегда обманчивого, всегда *неверного в подробностях*? Может быть, что Кий и братья его никогда в самом деле не существовали и что вымысел народный обратил названия мест, неизвестно от чего произошедшие, в названия людей. Имя Киева, горы Шековицы — ныне Скавицы — Хоривицы, уже забытой, и речки Лыбеди, впадающей в Днепр, недалеко от новой Киевской крепости, могли подать мысль к сочинению басни о трех братьях и сестре их: чему находим многие примеры в Греческих и Северных повествователях, которые, желая питать народное любопытство, во времена невежества и легковерия, из географических названий составляли целые Истории и Биографии. Но два обстоятельства в сем Несторовом известии достойны особенного замечания: первое, что Славяне Киевские издревле имели сообщение с Царемградом, и второе, что они построили городок на берегах Дуная еще задолго до походов Россиян в Грецию. Дулебы, Поляне Днепровские, Лутичи и Тивирцы могли участвовать в описанных нами войнах Славян Дунайских, столь ужасных для Империи, и заимствовать там разные благодетельные изобретения для жизни гражданской.

Летописец не объявляет времени, когда построены другие Славянские, также весьма древние города в России: Изборск, Полоцк, Смоленск, Любеч, Чернигов, знаем только, что первые три основаны Кривичами и были уже в девятом веке, а последние в самом начале десятого, но они могли существовать и гораздо прежде. Чернигов и Любеч принадлежали к области Северян.

Кроме народов Славянских, по сказанию Нестора, жили тогда в России и многие иноплеменные: *Меря* вокруг Ростова и на озере Клещине, или Переславском; *Мурома* на Оке, где сия река впадает в Волгу; *Черемиса*, *Мещера*, *Мордва*, на Юго-восток от Мери; *Ливь* в Ливонии; *Чудь* в Эстонии и на Восток к Ладожскому озеру; *Нарова* там, где Нарва; *Ямь*, или *Емь*, в Финляндии; *Весь* на Белоозере; *Пермь* в Губернии сего имени; *Югра*, или нынешние Березовские Остяки, на Оби и Сосве; *Печора* на реке Печоре. Некоторые из сих народов уже исчезли в новейшие времена или смешались с Россиянами, но другие существуют и говорят языками столь между собою сходственными, что можем несомненно признать их, равно как и Лапландцев, Зырян, Остяков Обских, Чуваш, Вотяков, народами единоплеменными и назвать вообще *Финскими*. Уже Тацит, в первом столетии, говорит о соседственных с Венедами Финнах, которые жили издревле в полунощной Европе. Лейбниц и новейшие, Шведские Историки согласно думают, что Норвегия и Швеция были некогда населены ими — даже самая Дания, по мнению Греция. От моря Балтийского до Ледовитого, от глубины Европейского Севера на Восток до Сибири, до Урала и Волги, поселился многочисленное племя Финнов. Не знаем, когда они в России расселились, но не знаем также и никого старобитнее их в северных и восточных ее климатах. Сей народ, древний и многочисленный, занимавший и занимающий такое великое пространство в Европе и Азии, не имел Историка, ибо никогда не славился победами, не отнимал чуждых земель, но всегда уступал свои: в Швеции и Норвегии Готфам, и в России, может быть, Славянам, и в одной ниште искал для себя безопасности: «Не имея (по словам Тацита) ни домов, ни коней, ни оружия, питаюсь травами, одеваюсь кожами звериными, укрываясь от непогод под сплетенными ветвями». В Тацитовом описании древних Финнов мы узнаем отчасти и нынешних, особенно же Лапландцев, которые от предков своих наследовали и бедность, и грубые нравы, и мирную беспечность невежества. «Не боясь ни хищности людей, ни гнева богов (пишет сей красноречивый Историк) они приобрели самое редкое в мире благо: счастливую от судьбы независимость»

Но Финны Российские, по сказанию нашего Летописца, уже не были такими грубыми, дикими людьми, какими описывает их Римский Историк: имели не только постоянные жилища, но и города: Весь Белоозеро, Меря Ростов, Муром Муром. Летописец, упоминая о сих городах в известиях IX века, не знал, когда они построены. — Древняя История Скандинавов (Датчан, Норвежцев, Шведов) часто говорит о двух особенных странах Финских, вольных и независимых: Кириландии и Биармии. Первая от Финского залива простиралась до самого Белого моря, вмещала в себя нынешнюю Финляндскую, Олонецкую и часть Архангельской Губернии, граничила на Восток с Биармиею, а на Северо-запад с Квенландиею, или Каяниюю. Жители ее беспокоили набегами земли соседственные, и славилась мнимым волшебством еще более, нежели храбростию. *Биармию* называли Скандинавы всю обширную страну от Северной Двины и Белого моря до реки Печоры, за коею они воображали Иотунгейм, отчизну ужасов Природы и злого чародейства. Имя нашей Перми есть одно с именем древней Биармии, которую составляли Архангельская, Вологодская, Вятская и Пермская Губернии. *Исландские повести* наполнены сказаниями о сей великой Финской области, но баснословие их может быть любопытно для одних легковерных. Первое, действительно историческое свидетельство о Биармии находим в путешествии Норвежского мореходца Отера, который в девятом веке окружил Норд-Кап, доплывал до самого устья Северной Двины, слышал от жителей многое о стране их и землях соседственных, но сказывает единственно то, что народ Биармский многочислен и говорит почти одним языком с Финнами.

Между сими иноплеменными народами, жителями или соседями древней России, Нестор именует еще Летголу (Ливонских Латышей), Зимголу (в Семигалии), Корсь (в Курляндии) и Литву, которые не принадлежат к Финнам, но вместе с древними Пруссами составляют народ Латышский. В языке его находится множество Славянских, довольно Готфских и Финских слов: из чего основательно заключают Историки, что Латыши происходят от сих народов. С великою вероятностию можно определить даже и начало бытия их. Когда Готфы удалились к пределам Империи, тогда Венеды и Финны заняли юго-восточные берега моря Бальтийского, смешались там с остатками первобытных жителей, т. е. с Готфами, начали истреблять леса для хлебопашества и прозвались Латышами или *обитателями земель расчищенных*: ибо лота знаменует на языке Литовском *расчищение*. Их, кажется, называет Иорнанд Видивариями, которые в половине шестого века жили около Данцига и состояли из разных народов: с чем согласно и древнее предание Латышей, уверяющих, что их первый Государь, именем Видвут, царствовал на берегах Вислы и там образовал народ свой, который населил Литву, Пруссию, Курляндию, и Летландию, где он и доныне находится и где, до самого введения Христианской Веры, управлял им северный Далай-Лама, главный судия и Священник Криве, живший в Прусском местечке Ромове.

Многие из сих Финских и Латышских народов, по словам Нестора, были данниками Россиян: должно разуметь, что Летописец говорит о своем времени, то есть о XI веке, когда предки наши овладели почти всю нынешнюю Россию Европейскою. До времен Рюрика и Олега они не могли быть великими завоевателями, ибо жили особенно, по коленам, не думали соединять народных сил в общем правлении, и даже изнуряли их войнами междоусобными. Так Нестор упоминает о нападении Древлян, лесных обитателей, и прочих окрестных Славян на тихих Полян Киевских, которые более их наслаждались выгодами состояния гражданского, и могли быть предметом зависти. Люди грубые, полудикие, не знают духа народного, и хотя лучше вдруг отнять, нежели медленно присвоить себе такие выгоды мирным трудолюбием. Сие междоусобие предавало Славян Российских в жертву внешним неприятелям. Обры, или Авары, в VI и VII веке господствуя в Дакии, повелевали и Дулебами, обитавшими на Буге, нагло оскорбляли целомудрие жен Славянских и впрягали их, вместо волов и коней, в свои колесницы, но сии варвары, *великие телом и гордые умом* (пишет Нестор), исчезли в нашем отечестве от моровой язвы, и гибель их долго была пословицею на земле Русской. — Скоро явились другие завоеватели: на Юге Козары, Варяги на Севере.

Козары, или Хазары, единоплеменные с Турками, издревле обитали на западной стороне Каспийского моря, называемого Хазарским в Географиях Восточных. Еще с третьего столетия они известны по Армейским летописям: Европа же узнала их в четвертом веке вместе с Гуннами, между Каспийским и Черным морем, на степях Астраханских. Агтила властвовал над ними, Болгары также, в исходе V века, но Козары, все еще сильные, опустошали между тем южную Азию, и Хозрой, Царь Персидский, должен был заградить от них свои области огромною стеною, славною в летописях под именем Кавказской, и доныне еще удивительною в своих развалинах. В VII веке они являлись в Истории Византийской с великим блеском и могуществом, дают многочисленное войско в помощь Императору (который из благодарности надел Диадимом Царскую на их Кагана, или Хакана, именуя его сыном своим), два раза входят с ним в Персию, нападают на Угров, Болгаров, ослабленных разделом сыновей Кувратовых, и покоряют всю землю от устья Волги до морей Азовского и Чер-

ного, Фанагорию, Воспор и большую часть Тавриды, называемой потом несколько веков *Козариею*. Слабая Греция не смела отражать новых завоевателей: ее Цари искали убежища в их станах, дружбы и родства с Каганами, в знак своего к ним почтения украшались в некоторые торжественные дни одеждою Козарскою, и стражу свою составили из сих храбрых Азиатцев, Империя в самом деле могла хвалиться их дружбою, но, оставляя в покое Константинополь, они свирепствовали в Армении, Иверии, Мидии, вели кровопролитные войны с Аравитянами, тогда уже могущественными, и несколько раз побеждали их знаменитых Калифов.

Рассеянные племена Славянские не могли противиться такому неприятелю, когда на силу оружия своего в исходе VII века, или уже в VIII, обратил к берегам Днепра и самой Оки. Жители Киевские, Северяне, Радимичи и Вятичи признали над собою власть Каганову. «Киевляне — пишет Нестор — дали своим завоевателям по мечу с дыма, и мудрые старцы Козарские в горестном предчувствии сказали: *мы будем данниками сих людей: ибо мечи их остры с обеих сторон, а наши сабли имеют одно лезвие*». Басня, изобретенная уже в счастливые времена оружия Российского, в X или XI веке! По крайней мере завоеватели не удовольствовались мечами, но обложили Славян иною данию и брали, как говорит сам Летописец, по белке с дома: налог весьма естественный в землях северных, где теплая одежда бывает одною из главных потребностей человека и где промышленность людей ограничивалась только необходимым для жизни. Славяне, долго гравив за Дунаем владения Греческие, знали цену золота и серебра; но сии металлы еще не были в народном употреблении между ими. Козары искали золота в Азии, и получили его в дар от Императоров, в России же, богатой единственно дикими произведениями Nature, довольствовались подданством жителей и добычею их звериной ловли. Иго сих завоевателей, кажется, не угнетало Славян: по крайней мере Летописец наш, изобразив бедствия, претерпенные народом его от жестокости Обров, не говорит ничего подобного о Козарах. Все доказывает, что они имели уже обычаи гражданские. Хань их жили издавна в Балангиаре, или Ателе (богатой и многолюдной столице, основанной близ Волжского устья Хозроем, Царем Персидским), а после в знаменитой купечеством Тавриде. Гунны и другие Азиатские варвары любили только разрушать города: но Козары требовали искусных зодчих от Греческого Императора Феофила и построили на берегу Дона, в нынешней земле Козаков, крепость Саркел для защиты владений своих от набега кочующих народов; вероятно, что *Каганово городище*, близ Харькова, и другие, называемые *Козарскими*, близ Воронежа, суть также памятники их древних, хотя и неизвестных нам городов. Быв сперва идолопоклонники, они в осьмом столетии приняли Веру Иудейскую, а в 858 Христианскую. Ужасая Монархов Персидских, самых грозных Калифов, и покровительствуя Императоров Греческих, Козары не могли предвидеть, что Славяне, поработанные ими без всякого кровопролития, ниспровергнут их сильную Державу.

Но могущество наших предков на Юге долженствовало быть следствием подданства их на Севере. Козары не властвовали в России далее Оки: Новгородцы, Кривичи были свободны до 859 года. Тогда — заметим сие *первое хронологическое* показание в Несторе — какие-то смелые и храбрые завоеватели, именуемые в наших летописях Варягами, пришли из-за Балтийского моря и наложили дань на Чудь, Славян Ильменских, Кривичей, Мерю, и хотя были чрез два года изгнаны ими, но Славяне, утомленные внутренними раздорами, в 862 году снова призвали к себе трех братьев Варяжских, от *племени Русского*, которые сделались первыми Властителями в нашем древнем отечестве и по которым

оно стало именоваться *Русью*. — Сие происшествие важное, служащее основанием Истории и величия России, требует от нас особенного внимания и рассмотрения всех обстоятельств.

Прежде всего решим вопрос: кого именует Нестор Варягами? Мы знаем, что Балтийское море издревле называлось в России *Варяжским*: кто же в сие время — то есть в девятом веке — господствовал на водах его? Скандинавы, или жители трех Королевств, Дании, Норвегии и Швеции, единоплеменные с Готфами. Они, под общим именем Норманов, или *Северных людей*, громили тогда Европу. Еще Тацит упоминает о мореходстве Свеонов, или Тведов, еще в шестом веке Датчане приплывали к берегам Галии: в конце осьмого слава их уже везде гремела, и флаги Скандинавские, развеваясь пред глазами Карла Великого, смиряли гордость сего Монарха, который с досадою видел, что Норманы презирают власть и силу его. В девятом веке они грабили Шотландию, Англию, Францию, Андалузию, Италию, утвердились в Ирландии и построили там города, которые донныне существуют; в 911 году овладели Нормандию; наконец основали Королевство Неаполитанское, и под начальством храброго Вильгельма в 1066 году покорили Англию. Мы уже говорили о древнем их плавании вокруг Норд-Капа, или Северного мыса; нет, кажется, сомнения, что они за 500 лет до Колумба открыли полунощную Америку и торговали с ее жителями. Предпринимая такие отдаленные путешествия и завоевания, могли ли Норманы оставить в покое страны ближайшия: Эстонию, Финляндию и Россию? Нельзя, конечно, верить Датскому Историку Саксону Грамматику, именуемому Государей, которые будто бы царствовали в нашем отечестве прежде Рождества Христова и вступали в родственные союзы с Королями Скандинавскими: ибо Саксон не имел никаких исторических памятников для описания сей глубокой древности, и заменял оные вымыслами своего воображения, нельзя также верить и баснословным *Исландским повестям*, сочиненным, как мы уже заметили, в новейшие времена и нередко упоминающим о древней России, которая называется в них Острагардом, Гардарикиею, — Гольмгардом и Грециею: но Рунические камни, находимые в Швеции, Норвегии, Дании и гораздо древнейшие Христианства, введенного в Скандинавии около десятого века, доказывают своими надписями (в коих именуется *Girkia, Grikiа* или Россия), что Норманы давно имели с нею сообщение. А как в то время, когда, по известию Несторовой летописи, Варяги овладели странами Чуди, Славян, Кривичей и Мери, не было на Севере другого народа, кроме Скандинавов, столь отважного и сильного, чтобы завоевать всю обширную землю от Балтийского моря до Ростова (жилища Мери), то мы уже с великою вероятностию заключить можем, что Летописец наш разумеет их под именем Варягов. Но сия вероятность обращается в совершенное удостоверение, когда прибавим к ней следующие обстоятельства.

I. Имена трех Князей Варяжских — Рюрика, Синеуса, Трувора — призванных Славянами и Чудью, суть неоспоримо Норманские: так в летописях Франкских около 850 года — что достойно замечания — упоминается о трех *Рюриках*: один назван Вождем Датчан, другой Королем (Rex) Норманским, третий просто Норманом, они воевали берега Фландрии, Эльбы и Рейна. В Саксоне Грамматике, в Стурлезоне и в *Исландских повестях*, между именами Князей и Витязей Скандинавских, находим *Рурика, Рерика, Трувара, Трувора, Сню, Суня*. — II. Русские Славяне, будучи под владением Князей Варяжских, назывались в Европе *Норманами*: что утверждено свидетельством Лиутпранда, Кременского Епископа, бывшего в десятом веке два раза Послом в Константинополе. «Руссов, говорит он, именуем и Норманами». — III. Цари Греческие имели в первом-надесять веке особенных телохранителей, которые назывались *Варя-*

гами, βαθαγγοι, а по-своему Waringar, и состояли большею частию из Норманов. Слово Vaere, Vaga, есть древнее Готфское и значит *союз*: толпы Скандинавских витязей, отправляясь в Россию и в Грецию искать счастья, могли именовать себя Варягами в смысле *союзников* или товарищей. Сие нарицательное имя обратилось в собственное. — IV. Константин Багрянородный, царствовавший в десятом веке, описывая соседственные с Империею земли, говорит о порогах Днепровских и сообщает имена их на *Славянском* и *Русском* языке. Русские имена кажутся Скандинавскими: по крайней мере не могут быть изъяснены иначе. — V. Законы, данные Варяжскими Князьями нашему Государству, весьма сходны с Норманскими. Слова *Тиун*, *Вири* и прочие которые находятся в *Русской Правде*, суть древние Скандинавские или Немецкие (о чем будем говорить в своем месте). — VI. Сам Нестор повествует, что Варяги живут на море Балтийском к Западу, и что они разных народов: Урмяне, Свие, Англиане, Готы. Первое имя в особенности означает Норвежцев, второе Шведов, а под Готами Нестор разумеет жителей Шведской Готии. Англиане же причислены им к Варягам для того, что они вместе с Норманами составляли Варяжскую дружину в Константинополе. И так сказание нашего собственного Летописца подтверждает истину, что Варяги были Скандинавы.

Но сие общее имя Датчан, Норвежцев, Шведов не удовлетворяет любопытству Историка: мы желаем знать, какой народ, в особенности называясь *Русью*, дал отечеству нашему и первых Государей и самое имя, уже в конце девятого века страшное для Империи Греческой? Напрасно в древних летописях Скандинавских будем искать объяснения: там нет ни слова о Рюрике и братьях его, призванных властвовать над Славянами, однако ж Историки находят основательные причины думать, что Нестеровы Варяги-Русь обитали в Королевстве Шведском, где одна приморская область издавна именуется *Росскою*, Ros-lagen. Жители ее могли в VII, VIII и IX веке быть известны, в землях соседственных, под особенным названием, так же, как и Готландцы, коих Нестор всегда отличает от Шведов. Финны, имея некогда с *Рос-лагеном* более сношения, нежели с прочими странами Швеции, донныне именуют *всех* ее жителей вообще *Россами*, *Ротсами*, *Рютсами*. — Сие мнение основывается еще на любопытном свидетельстве историческом.

В Вертинских Летописях, изданных Дюшеном, между случаями 839 года описывается следующее происшествие: «Греческий Император Феофил прислал Послов к Императору Франков, Людовику *Благонравному*, и с ними людей, которые называли себя *Россами* (Rhos), и Короля своего Хаканом (или Гаканом), и приезжали в Константинополь для заключения дружественного союза с Империею. Феофил в грамоте своей просил Людовика, чтобы он дал им способ безопасно возвратиться в их отечество: ибо они ехали в Константинополь чрез земли многих диких, варварских и свирепых народов: для чего Феофил не хотел снова подвергнуть их таким опасностям. Людовик, расспрашивая сих людей, узнал, что они принадлежат к народу *Шведскому*». — Гакан был, конечно, одним из Владетелей Швеции, разделенной тогда на маленькие области, и, свдава о славе Императора Греческого, вздумал отправить к нему Послов.

Сообщим и *другое* мнение с его доказательствами. В Степенной Книге XVI века и в некоторых новейших летописях сказано, что Рюрик с братьями вышел из *Пруссии*, где издавна назывались Курский залив *Русною*, северный рукав Немна, или Мемеля, *Руссою*, окрестности же их *Порусьем*. Варяги-Русь могли переселиться туда из Скандинавии, из Швеции, из самого Рослагена, согласно с известием древнейших Летописцев Пруссии, уверяющих, что ее первобытные жители, Ульмиганы или Ульмигеры, были в гражданском состоянии образованы

Скандинавскими выходцами, которые умели читать и писать. Долго обитав между Латышами, они могли разуместь язык Славянский и тем удобнее применить к обычаям Славян Новгородских. Сим удовлетворительно изъясняется, от чего в древнем Новгороде одна из многолюднейших улиц называлась Прусскою. Заметим также свидетельство Географа Равенского: он жил в VII веке, и пишет, что близ моря, где впадает в него река Висла, есть отечество *Роксолан*: думают, наших Россов, коих владение могло простираться от Курского залива до устья Вислы. — Вероятность остается вероятностию: по крайней мере знаем, что какой-то народ *Шведский* в 839 году, следственно еще до пришествия Князей Варяжских в землю Новгородскую и Чудскую, именовался в Константинополе и в Германии *Россами*.

Предложив ответ на вопросы: *кто были Варяги* вообще и *Варяги-Русь* в особенности? скажем мнение свое о Несторовой Хронологии. Не скоро Варяги могли овладеть всею обширною страню от Балтийского моря до Ростова, где обитал народ Меря; не скоро могли в ней утвердиться, так, чтобы обложить всех жителей данию; не вдруг могли Чудь и Славяне соединиться для изгнания завоевателей, и всего труднее вообразить, чтобы они, освободив себя от рабства, *немедленно* захотели снова отдаться во власть чужеземцев: но Летописец объявляет, что Варяги пришли от Балтийского моря в 859 году и что в 862-м Варяг Рюрик и братья его уже княжили в России полунощной!.. Междоусобие и внутренние беспорядки открыли Славянам опасность и вред народного правления; но не знав иною в течение многих столетий, ужели в *несколько месяцев* они возненавидели его и единодушно уверились в пользе Самодержавия? Для сего надлежало бы, кажется, перемениться обычаям и нравам; надлежало бы иметь опытность долговременную в несчастиях: но обычаи и нравы не могли перемениться в два года Варяжского правления, до которого они, по словам Нестора, умели довольствоваться древними законами отцев своих. Что вооружило их против Норманских завоевателей; любовь к независимости — и вдруг сей народ требует уже Властителей?.. Историк должен по крайней мере изъяснить сомнение и признать вероятную мысль некоторых ученых мужей, полагающих, что Норманы ранее 859 года брали дань с Чуди и Славян. Как Нестор мог знать годы происшествий за 200 и более лет до своего времени? Славяне, по его же известию, тогда еще не ведали употребления букв: следственно, он не имел никаких письменных памятников для нашей *древней* Истории и счисляет годы со времен Императора Михаила, как сам говорит, для того, что Греческие Летописцы относят первое нашествие Россиян на Константинополь к Михайлову царствованию. Из сего едва ли не должно заключить, что Нестор по одной догадке, по одному вероятному соображению с известиями Византийскими, хронологически расположил начальные происшествия в своей летописи. Самая краткость его в описании времен Рюриковых и следующих заставляет думать, что он говорит о том единственно по изустным преданиям, всегда немногословным. Тем достовернее сказание нашего Летописца в рассуждении главных случаев: ибо сия краткость доказывает, что он не хотел прибегать к вымыслам, но летосчисление делается сомнительным. При Дворе Великих Князей, в их дружине отборной и в самом народе должно существовала храниться память Варяжского завоевания и первых Государей России, но вероятно ли, чтобы старцы и Бояре Княжеские, коих рассказы служили, может быть, основанием нашей древнейшей летописи, умели с точностию определить год каждого случая? Положим, что языческие Славяне, замечая лета какими-нибудь знаками, имели верную Хронологию: одно ее соображение с Хронологиею Византийскою, принятою ими вместе с Христианством, не могло ли ввести нашего первого Летописца в

ошибку? — Впрочем, мы не можем заменить летосчисления Нестерова другим вернейшим; не можем ни решительно опровергнуть, ни исправить его, и для того, следуя оному во всех случаях, начинаем Историю Государства Российского с 862 года.

Но прежде должно иметь понятие о древнем характере народа Славянского вообще, чтобы История Славян Российских была для нас и яснее и любопытнее. Воспользуемся известиями современных Византийских и других не менее достоверных Летописцев, прибавив к ним сказания Нестеровы о нравах предков наших в особенности.

Глава III

О ФИЗИЧЕСКОМ И НРАВСТВЕННОМ ХАРАКТЕРЕ СЛАВЯН ДРЕВНИХ

Их природное сложение и свойства: храбрость, хищность, жестокость, добродушие, гостеприимство. Брачное целомудрие. Жены и дети. Нравы Славян Российских в особенности. Жилища. Скотоводство и земледелие. Пища, одежда. Торговля. Искусства: зодчество, музыка, пляска, игры. Счисление. Имена месяцев. Правление. Вера. Язык и грамота

Не только в степенях гражданского образования, в обычаях и нравах, в душевных силах и в способностях ума, но и в самых телесных свойствах видим такое различие между народами, что остроумнейший Писатель XVIII века, Вольтер, не хотел верить их общему происхождению от единого корня или племени. Другие, конечно справедливее и сообразнее с нашими Священными преданиями, изыскивают сие несходство действием разных климатов и естественных, невольных привычек, которые от оного рождаются в людях. Если два народа, обитающие под влиянием одного неба, представляют нам великое различие в своей наружности и в физических свойствах, то можем смело заключить, что они не всегда жили сопредельно. Климат умеренный, не жаркий, даже холодный, способствуя долголетию, как замечают Медики, благоприятствует и крепости состава и действию сил телесных. Обитатель южного Пояса, томимый зноем, отдыхает более, нежели трудится, — слабеет в неге и в праздности. Но житель луношных земель любит движение, согревая им кровь свою; любит деятельность; привыкает сносить частые перемены воздуха, и терпением укрепляется. Таковы были древние Славяне по описанию современных Историков, которые согласно изображают их бойкими, сильными, неутомимыми. Презирая непогоды, свойственные климату северному, они носили голод и всякую нужду; питались самою грубою, сырою пищею; удивляли Греков своею быстротою; с чрезвычайною легкостью всходили на крутизны, спускались в расселины; смело бросались в опасные болота и в глубокие реки. Думая без сомнения, что главная красота уже есть крепость в теле, сила в руках и легкость в движениях, Славяне мало пеклись о своей наружности: в грязи, в пыли, без всякой опрятности в одежде, являлись во многочисленном собрании людей. Греки, осуждая сию нечистоту, хвалят их стройность, высокий рост и мужественную приятность лица. Загорая от жарких лучей солнца, они казались смуглыми, и все без исключения были русые, подобно другим коренным Европейцам. — Сие изображение Славян и Антов основано на свидетельстве Прокопия и Маврикия, которые знали их в VI веке.

Известие Иорнанда о Венедах, без великого труда покоренных в IV веке Готфским Царем Эрманихом, показывает, что они еще не славились тогда

воинским искусством. Послы отдаленных Славян Бальтийских, ушедших из Баянова стана во Фракию, также описывали народ свой тихим и миролюбивым, но Славяне Дунайские, оставив свое древнее отечество на Севере, в VI веке доказали Греции, что храбрость была их природным свойством и что она с малою опытностью торжествует над искусством долголетним. Несколько времени Славяне убежали сражений в открытых полях и боялись крепостей, но, узнав, как ряды Легионов Римских могут быть разрываемы нападением быстрым и смелым, уже нигде не отказывались от битвы, и скоро научились брать места укрепленные. Греческие летописи не упоминают ни об одном главном или общем Полководце Славян: они имели Вождей только частных; сражались не стеною, не рядами сомкнутыми, но толпами рассеянными, и всегда пешие, следуя не общему велению, но единой мысли начальника, а внушению своей особенной, личной смелости и мужества, не зная благоразумной осторожности, которая предвидит опасность и бережет людей, но бросаясь прямо в средину врагов. Чрезвычайная отважность Славян была столь известна, что Хан Аварский всегда ставил их впереди своего многочисленного войска, и сии люди неустрашимые, видя иногда измену хитрых Аваров, гибли с отчаянием. — Византийские Историки пишут, что Славяне, сверх их обыкновенной храбрости, имели особенное искусство биться в ущельях, скрываться в траве, изумлять неприятелей мгновенным нападением и брать их в плен. Так знаменитый Велисарий, при осаде Авксима, избрал в войске своем Славянина, чтобы схватить и представить ему одного Готфа живого. Они умели еще долгое время таиться в реках и дышать свободно посредством сквозных тростей, выставляя конец их на поверхность воды. — Древнее оружие Славянское состояло в мечах, дротиках, стрелах, намазанных ядом, и в больших, весьма тяжелых щитах. Храбрость, всегда знаменитое свойство народное, может ли в людях полудиких основываться на одном славолюбии, сродном только человеку образованному? Скажем смело, что она была в мире злодейством прежде, нежели обратилась в добродетель, которая утверждает благоденствие Государств: хищность родила ее, корыстолюбие питало. Славяне, ободренные воинскими успехами, чрез некоторое время должныствовали открыть в себе гордость народную, благородный источник дел славных: ответ Лавритаса Послу Баянову доказывает уже сию великодушную гордость, но что могло сначала вооружить их против Римлян? Не желание славы, а желание добычи, которою пользовались Готфы, Гунны и другие народы: ей жертвовали Славяне своею жизнью, и никаким другим варварам не уступали в хищности. Поселяне Римские, слыша о переходе войска их за Дунай, оставляли дома и спасались бегством в Константинополь со всем имуществом; туда же спешили и Священники с драгоценною утварию церковною. Иногда, гонимые сильнейшими Легионами Империи и не имея надежды спасти добычу, Славяне бросали ее в пламя, и врагам своим оставляли на пути одни кучи пепла. Многие из них, не боясь поиска Римлян, жили на полуденных берегах Дуная в пустых замках или пещерах, грабили селения, ужасали земледельцев и путешественников. — Летописи VI века изображают самыми черными красками жестокость Славян в рассуждении Греков, но сия жестокость, свойственная, впрочем, народу необразованному и воинственному, была также и действием мести. Греки, озлобленные их частыми нападениями, безжалостно терзали Славян, которые попадались им в руки, и которые сносили всякое истязание с удивительною твердостью, без вопля и стона, умирали в муках и не отвечали ни слова на расспросы врага о числе и замыслах войска их. — Таким образом Славяне свирествовали в Империи и не щадили собственной крови для приобретения дра-

гоценностей, им ненужных: ибо они — вместо того, чтобы пользоваться ими — обыкновенно зарывали их в землю.

Сии люди, на войне жестокие, оставляя в Греческих владениях долговременную память ужасов ее, возвращались домой с одним своим природным добродушием. Современный Историк говорит, что они не знали ни лукавства, ни злости, хранили древнюю простоту нравов, неизвестную тогдашним Грекам, обходились с пленными дружелюбно и назначали всегда срок для их рабства, отдавая им на волю, или выкупить себя и возвратиться в отечество, или жить с ними в свободе и братстве.

Столь же единогласно хвалят летописи общее гостеприимство Славян, редкое в других землях и донныне весьма обыкновенное во всех Славянских: так следы древних обычаев сохраняются в течение многих веков, и самое отдаленное потомство наследует нравы своих предков. Всякой путешественник был для них как бы священным: встречали его с ласкою, угощали с радостью, провожали с благословением и сдавали друг другу на руки. Хозяин отвечал народу за безопасность чужеземца, и кто не умел сберечь гостя от беды или неприятности, тому мстили соседы за сие оскорбление как за собственное. Славянин, выходя из дому, оставлял дверь отворенную и пищу готовую для странника. Купцы, ремесленники охотно посещали Славян, между которыми не было для них ни воров, ни разбойников, но бедному человеку, не имевшему способа хорошо угостить иностранца, позволялось украсть все нужное для того у соседа богатого: важный долг гостеприимства оправдывали и самое преступление. Нельзя видеть без удивления сию кроткую добродетель — можно сказать — *обожаемую* людьми столь грубыми и хищными, каковы были Дунайские Славяне. Но если и добродетели и пороки *народные* всегда происходят от некоторых особенных обстоятельств и случаев, то не можно ли заключить, что Славяне были некогда облагодетворены иностранцами, что признательность вселила в них любовь к гостеприимству, а время обратило его в обыкновение и закон священный?.. Здесь представляются мыслям нашим славные Финикияне, которые за несколько веков до Рождества Христова могли торговать с Бальтийскими Венедами и быть их наставниками в счастливых изобретениях ума гражданского.

Древние Писатели хвалят целомудрие не только жен, но и мужей Славянских. Требуя от невест доказательства их девственной непорочности, они считали за святую для себя обязанность быть верными супругам. Славянки не хотели переживать мужей и добровольно сожигались на костре с их трупами. Вдова живая бесчестила семейство. Думают, что сие варварское обыкновение, истребленное только благодетельным учением Христианской Веры, введено было Славянами (равно как и в Индии) для отвращения тайных мужеубийств: осторожность ужасная не менее самого злодеяния, которое предупреждалось ею! Они считали жен совершенными рабами, во всяком случае безответными; не позволяли им ни противоречить себе, ни жаловаться; обременяли их трудами, заботами хозяйственными, и воображали, что супруга, умирая вместе с мужем, должна служить ему и на том свете. Сие рабство жен происходило, кажется, от того, что мужа обыкновенно покупали их: обычай, донныне соблюдаемый в Илирии. Удаленные от дел народных, Славянки ходили иногда на войну с отцами и супругами, не боясь смерти, так при осаде Константинополя в 626 году Греки нашли между убитыми Славянами многие женские трупы. Мать, воспитывая детей, готовила их быть воинами и непримиримыми врагами тех людей, которые оскорбили ее ближних; ибо Славяне, подобно другим народам языческим, стыдились забывать обиду. Страх неумолимой мести отвращал иногда злодеяния: в

случае убийства не только сам преступник, но и весь род его беспрестанно ожидал своей гибели от детей убитого, которые требовали крови за кровь.

Говоря о жестоких обычаях Славян языческих, скажем еще, что всякая мать имела у них право умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже слишком многочисленно, но обязывалась хранить жизнь сына, рожденного служить отечеству. Сему обыкновению не уступало в жестокости другое: право детей умерщвлять родителей, обремененных старостию и болезнями, тягостных для семейства и бесполезных согражданам. Так народы самые добродушные, без правил ума образованного и Веры истинной, с спокойною совестью могут ужасать Природу своими делами, и превосходить зверей в лютости! Сии дети, следуя общему примеру как закону древнему, не считали себя извергами: они, напротив того, славились почтением к родителям, и всегда преклись об их благосостоянии.

К описанию общего характера Славян прибавим, что Нестор особенно говорит о нравах Славян Российских. Поляне были образованнее других, кротки и тихи обычаям, стыдливость украшала их жен, брак издревле считался святою обязанностью между ими, мир и целомудрие господствовали в семействах. Древляне же имели обычаи дикие, подобно зверям, с коими они жили среди лесов темных, питаясь всякою нечистотою, в расприх и ссорах убивали друг друга, не знали браков, основанных на взаимном согласии родителей и супругов, но вводили или похищали девиц. — Северяне, Радимичи и Вятичи уподоблялись нравами Древлянам, также не ведали ни целомудрия, ни союзов брачных, но молодые люди обоего пола сходились на игрища между селениями: женихи выбирали невест, и без всяких обрядов соглашались жить с ними вместе, многоженство было у них в обыкновении.

Сии три народа, подобно Древлянам, обитали в глубине лесов, которые были их защитою от неприятелей и представляли им удобность для звериной ловли. То же самое говорит История VI века о Славянах Дунайских. Они строили бедные свои хижины в местах диких, уединенных, среди болот непроходимых, так, что иностранец не мог путешествовать в их земле без вожатого. Беспрестанно ожидая врага, Славяне брали еще и другую предосторожность: делали в жилищах своих разные выходы, чтоб им можно было, в случае нападения, тем скорее спастись бегством, и скрывали в глубоких ямах не только все драгоценные вещи, но и самый хлеб.

Ослепленные безрассудным корыстолюбием, они искали мнимых сокровищ в Греции, имея в стране своей, в Дакии и в окрестностях ее, истинное богатство людей: тучные луга для скотоводства и земли плодородные для хлебопашества, в коем они издревле упражнялись, и которое вывело их — может быть, еще за несколько веков до Рождества Христова — из дикого, кочевое состояния: ибо сие благодетельное искусство было везде первым шагом человека к жизни гражданской, вселило в него привязанность к одному месту и к домашнему крову, дружество к соседу и наконец самую любовь к отечеству. — Думают, что Славяне узнали скотоводство только в Дакии: ибо слово *пастырь* есть Латинское, следственно заимствованное ими от жителей сей земли, где язык Римлян был в употреблении, но сия мысль кажется неосновательною. Будучи в северном своем отечестве соседями народов Германских, Скифских и Сарматских, богатых скотоводством, Венеды или Славяне должныствовали издревле ведать сие важное изобретение человеческого хозяйства, едва ли не везде предупредившее науку земледелия. — Пользуясь уже тем и другим, они имели все нужное для человека, не боялись ни голода, ни свирепостей зимы: поля и животные давали им пищу и одежду. В VI веке Славяне питались просом, гречихою и

молоком, а после выучились готовить разные вкусные яства, не жалея ничего для веселого угощения друзей, и доказывая в таком случае свое радушие изобильною трапезою: обыкновение, еще и ныне наблюдаемое потомством Славянским. Мед был их любимым питием: вероятно, что они сначала делали его из меду лесных, диких пчел, а наконец и сами разводили их. Венеды, по известию Тацитову, не отличались одеждою от Германских народов, т. е. едва закрывали наготу свою. Славяне в VI веке сражались без кафтанов, некоторые даже без рубах, в одних портах. Кожи зверей, лесных и домашних, согревали их в холодное время. Женщины носили длинное платье, украшаясь бисером и металлами, добытыми на войне или выменными у купцов иностранных.

Сии купцы, пользуясь совершенною безопасностию в землях Славянских, привозили им товары и меняли их на скот, полотно, кожи, хлеб и разную воинскую добычу. — В VIII веке Славяне сами ездили для купли и продажи в чужие земли. Карл Великий поручил торговлю с ними в Немецких городах особенному надзиранию своих чиновников. В средних веках цвели уже некоторые торговые города Славянские: Виннета, или Юдин, при устье Одера, Аркона на острове Рюгене, Демин, Волгаст в Поммерании, и другие. Первую описывает Гельмольд следующим образом: «Там, где река Одер впадает в море Балтийское, славилась некогда Виннета, лучшая пристань для народов соседственных. О сем городе рассказывают много удивительного, уверяют, что он превосходил величием все иные города Европейские... Саксонцы могли обитать в нем, но должны были таить Христианскую Веру свою: ибо граждане Виннеты усердно следовали обрядам язычества, впрочем, не уступали никакому народу в честности, добронравии и ласковом гостеприимстве. Обогащенная товарами разных земель, Виннета изобиловала всем приятным и редким. Повествуют, что Король Датский, пришедший с флотом сильным, разрушил ее до основания, но и ныне — т. е. в XII веке — существуют остатки сего древнего города». Впрочем торговля Славян, до введения Христианства в их землях, состояла только в обмене вещей: они не употребляли денег и брали золото от чужестранцев единственно как товар.

Быв в Империи и видев собственными глазами изящные творения Греческих художеств, наконец строя города и занимаясь торговлею, Славяне имели некоторое понятие об искусствах, соединенных с первыми успехами разума гражданского. Они вырезывали на дереве образы человека, птиц, зверей и красили их разными цветами, которые не изменялись от солнечного жара и не смывались дождем. В древних могилах Вендских нашлись многие глиняные урны, весьма хорошо сделанные, с изображением львов, медведей, орлов, и покрытые лаком, также копья, ножи, мечи, кинжалы, искусно выработанные, с серебряною оправою и насечкою. Чехи задолго до времен Карла Великого занимались уже рудокопанием, и в Герцогстве Мекленбургском, на южной стороне Толлензского озера, в Прильвице, найдены в XVII веке медные истуканы богов Славянских, работы их собственных художников, которые, впрочем, не имели понятия о красоте металлических изображений, отливая голову, стан и ноги в разные формы, и весьма грубо. Так было и в Греции, где во времена Гомеровы художники уже славилась ваянием, но еще долго не умели отливать статуи в одну форму. — Памятником каменосечного искусства древних Славян остались большие, гладко обделанные плиты, на коих выдолблены изображения рук, пят, копыт и проч.

Любя воинскую деятельность и подвергая жизнь свою беспрестанным опасностям, предки наши мало успевали в зодчестве, требующем времени, досуга, терпения, и не хотели строить себе домов прочных: не только в шестом веке, но и гораздо после обитали в шалашах, которые едва укрывали их от непогод и

дождя. Самые города Славянские были не что иное, как собрание хижин, окруженных забором или земляным валом. Там возвышались храмы идолов, не такие великолепные здания, какими гордились Египет, Греция и Рим, но большие деревянные кроны. Венеды называли их *Гонтинами*, от слова *гонт*, доньше означющего на Русском языке особенный род тесниц, употребляемых для кровли домов.

Не зная выгод роскоши, которая сооружает палаты и выдумывает блестящие наружные украшения, древние Славяне в низких хижинах своих умели наслаждаться действием так называемых Искусств Изяшных. Первая нужда людей есть пища и кров, вторая удовольствие — и самые дикие народы ищут его в согласии звуков, веселящих душу посредством слуха. Северные Венеды в шестом веке сказывали Греческому Императору, что главное услаждение жизни их есть музыка и что они берут обыкновенно в путь с собою не оружие, а кифары или гусли, ими выдуманные. Волынка, гудок и дудка были также известны предкам нашим: ибо все народы Славянские доньше любят их. Не только в мирное время и в отчизне, но и в набегах своих, в виду многочисленных врагов, Славяне веселились, пели и забывали опасность. Так Прокопий, описывая в 592 году ночное нападение Греческого Вождя на их войско, говорит, что они усыпили себя песнями и не взяли никаких мер осторожности. Некоторые народные песни Славянские в Лаузице, в Лунебурге, в Далмации, кажутся древними, также и старинные припевы Русских, в коих величаются имена богов языческих и реки Дуная, любезного нашим предкам, ибо на берегах его искусились они некогда в воинском счастье. Вероятно, сии песни, мирные в первобытном отечестве Венедов, еще не знавших славы и победы, обратились в воинские, когда народ их приблизился к Империи и вступил в Дакию, вероятно, что они воспламеняли сердца огнем мужества, представляли духу живые картины битв и кровопролития, сохраняли память дел великодушия и были в некотором смысле древнейшею Историею Славяною. Так везде рождалось Стихотворство, избирая главные склонности народные, так песни самых нынешних Кроатов более всего славят мужество и память великих предков, но другие, любимые Немецкими Вендами, возбуждают только к веселью и к счастливому забвению житейских горестей, иные же совсем не имеют смысла, подобно некоторым Русским, нравятся одним согласием звуков и мягких слов, действуя только на слух и не представляя ничего разуму.

Сердечное удовольствие, производимое музыкаю, заставляет людей извлекать оное разными телодвижениями: рождается *пляска*, любимая забава самых диких народов. По нынешней Русской, Богемской, Далматской можем судить о древней пляске Славян, которую они торжествовали священные обряды язычества и всякие приятные случаи: она состоит в том, чтобы, в сильном напряжении мышц, взмахивать руками, вертеться на одном месте, приседать, топая ногами, и соответствует характеру людей крепких, деятельных, неутомимых.

Народные игры и потехи, доньше единообразные в землях Славянских: борьба, кулачный бой, беганье взапуски, остались также памятником их древних забав, представляющих нам образ войны и силы.

В дополнение к сим известиям заметим, что Славяне, еще не зная грамоты, имели некоторые сведения в Арифметике, в Хронологии. Домоводство, война, торговля приучили их ко многосложному счислению, имя *тма*, знаменующее 10 000, есть древнее Славянское. Наблюдая течение года, они, подобно Римлянам, делили его на 12 месяцев, и каждому из оных дали название согласное с временными явлениями или действиями Природы: Генварю *Просинец* (вероятно, от *синеты* неба), Февралю *Сечень*, Марту *Сухий*, Апрелью *Березозол* (думаю,

от золы березовой), Маию *Травный*, Июню *Изок* (так называлась у Славян какая-то певчая птица), Июлю *Червен* (не от красных ли плодов или ягод?), Августу *Зарев* (от зари или зарницы), Сентябрю *Роен* (или *Ревун*, как толкуют: от *рева* зверей), Октябрю *Листопад*, Ноябрью *Груден* (от *груд* снега или мерзлой грязи?), Декабрю *Студеный*. Столетие называлось *веком*, то есть жизнью человеческого, во свидетельство, сколь предки наши обыкновенно долгоденствовали, одаренные крепким сложением и здравые физическою деятельностью.

Сей народ, подобно всем иным, в начале гражданского бытия своего не знал выгод правления благоустроенного, не терпел ни властелинов, ни рабов в земле своей, и думал, что свобода дикая, неограниченная, есть главное добро человека. Хозяин господствовал в доме: отец над детьми, муж над женою, брат над сестрами, всякой строил себе хижину особенную, в некотором отдалении от прочих, чтобы жить спокойнее и безопаснее. Лес, ручей, поле, составляли его область, в которую страшились зайти слабые и невооруженные. Каждое семейство было маленькою, независимою Республикою, но общие древние обычаи служили между ими некоторою гражданскою связью. В случаях важных единоплеменные сходились вместе советовать о благе народном, уважая приговор старцев, сих живых книг опытности и благоразумия для народов диких, вместе также, предпринимая воинские походы, избирали Вождей, хотя, любя своеволие и боясь всякого принуждения, весьма ограничивали власть их, и часто не повиновались им в самых битвах. Совершив общее дело и возвратясь домой, всякой опять считал себя большим и главою в своей хижине.

В течение времен сия дикая простота нравов должна была измениться. Славяне, грабя Империю, где царствовала роскошь, узнали новые удовольствия и потребности, которые, ограничив их независимость, укрепили между ими связь гражданскую. Они почувствовали более нужды друг в друге, сблизились жилищами и завели селения, другие, видя в чужих землях грады великолепные и веси цветущие, разлюбили мрачные леса свои, некогда украшаемые для них одною свободою, перешли в Греческие владения и согласились зависеть от Императоров. Жребий войны и могущество Карла Великого подчинили ему и наследникам его большую часть Славян Немецких, но своеволие неукротимое было всегда их характером: как скоро обстоятельства им благоприятствовали, они свергали с себя иго, и жестоко мстили чужеземному Властелину за свое временное порабощение, так, что одна Вера Христианская могла наконец смирить их.

Многочисленные области Славянские всегда имели сообщение одна с другою, и кто говорил их языком, тот во всякой находил друзей и сограждан. Баян, Хан Аваров, зная сей тесный союз племен Славянских и покорив многие из них в Даккии, в Паннонии, в Богемии, думал, что и самые отдаленные должны служить ему, и для того в 590 году требовал войска от Славян Бальтийских. Некоторые знаменитые храмы еще более утверждали связь между ими в средних веках: там сходились они из разных земель вопрошать богов, и жрец, отвечая устами идола, нередко убеждал их действовать согласно с общею или особенною пользою своего народа; там оскорбленные чужеземцами Славяне приносили свои жалобы единоплеменным, заклиная их быть мстителями отечества и Веры; там, в определенное время собирались чиновники и старейшины для сейма, на коем благоразумие и справедливость часто уступали дерзости и насилию. Храм города Ретры в Мекленбурге, на реке Толлензе, славился более всех других такими собраниями.

Народное правление Славян чрез несколько веков обратилось в Аристократическое. Вожди, избираемые общею доверенностию, отличные искусством и мужеством, были первыми властелинами в своем отечестве. Дела славы требовали благодарности от народа, к тому же, будучи ослеплен счастьем Героев, он

искал в них и разума отменного. Богемцы, еще не имея ни законов общественных, ни судей избранных, в личных расприх своих отдавались на суд знаменитым согражданам, а сия знаменитость основывалась на изведанной храбрости в битвах и на богатстве, ее награде, ибо оно приобреталось тогда войною. Наконец обыкновение сделалось для одних правом начальствовать, а для иных обязанностью повиноваться. Если сын Героя, славного и богатого, имел великие свойства отца, то он еще более утверждал власть своего рода.

Сия власть означалась у Славян именами *Боярина, Воеводы, Князя, Пана, Жупана, Короля, или Краля*, и другими. Первое, без сомнения, происходит от боя, и в начале своем могло знаменовать война отличной храбрости, а после обратилось в народное достоинство. Византийские летописи в 764 году упоминают о Боярах, Вельможах или главных чиновниках Славян Болгарских. — Воеводами назывались прежде одни воинские начальники, но как они и в мирное время умели присвоить себе господство над согражданами, то сие имя знаменовало уже вообще повелителя и властелина у Богемских и Саксонских Вендов, в Крайне Государя, в Польше не только воинского предводителя, но и судию. — Слово *Князь* родилось едва ли не от коня, хотя многие Ученые производят его от Восточного имени *Казан* и Немецкого *König*. В Славянских землях кони были драгоценнейшею собственностью: у Поморян в средних веках 30 лошадей составляли великое богатство, и всякой хозяин коня назывался Князем, *nobilis capitaneus et Princeps*. В Кроации и Сервии именовались так братья Королей, в Далмации главный судья имел титул *Великого Князя*. — *Пан Славянский*, по известию Константина Багрянородного, управлял в Кроации тремя большими округами, и председательствовал на сеймах, когда народ собирался в поле для совета. Имя Панов, долго могущественных в Венгрии, до самого XIII века означало в Богемии владельцев богатых, а на Польском языке и ныне значит *Господина*. — Округи в Славянских землях назывались *Жупанствами*, а Правители их *Жупанами* или *Старейшинами*, по толкованию Константина Багрянородного, древнее слово *Жупа* означало *селение*. Главною должностью сих чиновников было правосудие: в Верхней Саксонии и в Австрии Славянские поселяне доньше называют так судей своих; но в средних веках достоинство Жупанов уважалось более Княжеского. В разборе тяжбных дел помогали им *Суддавы*, или частные судьи. Странное обыкновение сохранилось в некоторых Славянских деревнях Лаузица и Бранденбурга: земледельцы тайно избирают между собою Короля и платят ему дань, какую они во время своей вольности платили Жупанам. — Наконец в Сервии, в Далмации, в Богемии Владетели стали именоваться *Кралями*, или *Королями*, то есть, по мнению некоторых, *наказателями* преступников, от слова *кара* или *наказание*.

Итак первая власть, которая родилась в отечестве наших диких, независимых предков, была воинская. Сражения требуют одного намерения и согласного действия частных сил: для того избрали Полководцев. В теснейших связях общежития Славяне узнали необходимость другой власти, которая примиряла бы распри гражданского корыстолюбия: для того назначили судей, но первые из них были знаменитейшие Герои. Одни люди пользовались общею доверенностью в делах войны и мира. — История Славян подобна Истории всех народов, выходящих из дикого состояния. Только мудрая, долговременная опытность научает людей благодетельному разделению властей воинских и гражданских.

Но древнейшие Бояре, Воеводы, Князья, Паны, Жупаны и самые Короли Славянские во многих отношениях зависели от произвола граждан, которые нередко, единодушно избрав начальника, вдруг лишали его своей доверенности, иногда без всякой вины, единственно по легкомыслию, клевете, или в несчастиях: ибо народ всегда склонен обвинять Правителей, если они не умеют отвратить

бедствий от Государства. Сих примеров довольно в Истории языческих, даже и Христианских Славян. Они вообще не любили наследственной власти, и более принужденно, нежели добровольно, повиновались иногда сыну умершего Воеводы или Князя. — Избрание Герцога, то есть Воеводы, в Славянской Каринтии соединено было с обрядом весьма любопытным. Избираемый в самой бедной одежде являлся среди народного собрания, где земледелец сидел на престоле, или на большом диком камне. Новый Властитель клялся быть защитником Веры, сирот, вдов, справедливости, тогда земледелец уступал ему камень, и все граждане присягали в верности. Между тем *два рода* знаменитейшие имели право везде косить хлеб и жечь селения, в знак и в память того, что древние Славяне выбрали первого Властелина для защиты их от насилия и злодейства.

Однако ж многие Князья, владея счастливо и долгое время, умели сообщать право наследственности детям. В Западной Сервии был пример, что жена Князя Доброслава по смерти его правила землею. — Государи Славянские, достигнув самовластия, подобно другим ослабляли свое могущество Уделами: то есть всякому сыну давали особенную область, но сии примеры бывали редки во времена язычества, Князья, по большей части избираемые, думали, что не имеют права располагать судьбою людей, которые *только им* поддалися.

Главный Начальник или Правитель судил народные дела торжественно, в собрании старейшин, и часто во мраке леса: ибо Славяне воображали, что Бог суда, *Прове*, живет в тени древних, густых дубов. Сии места и дома Княжеские были священны: никто не дерзал войти в них с оружием, и самые преступники могли там безопасно укрываться. Князь, Воевода, Король был главою ратных сил; но жрецы, устами идолов, и воля народная предписывали ему войну или мир (при заключении коего Славяне бросали камень в море, клали оружие и золото к ногам идола или, простирая десницу к бывшим неприятелям, вручали им клок волосов своих вместе с горстью травы). Народ платил Властителям дань, однако ж произвольную.

Так Славяне в разные веки и в разных землях управлялись гражданскою властью. О Славянах Российских Нестор пишет, что они, как и другие, не знали Единовластия, наблюдая закон отцев своих, древние обычаи и предания, о коих еще в VI веке упоминает Греческий Историк и которые имели для них силу законов писаных: ибо гражданские общества не могут образоваться без уставов и договоров, основанных на справедливости. Но как сии условия требуют блюстителей и власти наказывать преступника, то и самые дикие народы избирают посредников между людьми и законом. Хотя Летописец наш не говорит о том, но Российские Славяне, конечно, имели Властителей, с правами ограниченными народною пользою и древними обыкновениями вольности. В договоре Олега с Греками, в 911 году, упоминается уже о *Великих Боярах Русских*: сие достоинство, знак воинской славы, конечно, не Варягами было введено в России, ибо оно есть древнее Славянское. Самое имя Князя, данное нашими предками Рюрику, не могло быть новым, но без сомнения и прежде означало у них знаменитый сан гражданский или воинский.

Общежитие, пробуждая или ускоряя действие разума сонного, медленного в законах диких, рассеянных, по большей части уединенных, рождает не только законы и правление, но и самую Веру, столь естественную для человека, столь необходимую для гражданских обществ, что мы ни в мире, ни в Истории не находим народа совершенно лишенного понятий о Божестве. Люди и народы, чувствуя зависимость или слабость свою, укрепляются, так сказать, мыслию о Силе Вышней, которая может спасти их от ударов рока, неотвратимых никакою мудростию человеческою, — хранить добрых и наказывать тайные злодей-

ства. Сверх того Вера производит еще теснейшую связь между согражданами. Чтя одного Бога и служа Ему единообразно, они сближаются сердцами и духом. Сия выгода так явна и велика для гражданского общества, что она не могла укрыться от внимания самых первых его основателей, или отцев семейства.

Славяне в VI веке поклонялись *Творцу молнии*, Богу вселенной. Величественное зрелище грозы, когда небо пылает и невидимая рука бросает, кажется, с его свода быстрые огни на землю, должноствовало сильно поразить ум человека естественного, живо представить ему образ Существа вышнего и вселить в его сердце благоговение или ужас священный, который был главным чувством Вер языческих. — Анты и Славяне, как замечает Прокопий, не верили Судьбе, но думали, что все случаи зависят от Мироправителя: на поле ратном, в опасностях, в болезни, старались Его умолиловить обетами, приносили Ему в жертву волов и других животных, надеясь спасти тем жизнь свою, обожали еще реки, Нимф, Демонов, и гадали будущее. — В новейшие времена Славяне поклонялись разным идолам, думая, что многочисленность кумиров утверждает безопасность смертного, и что мудрость человеческая состоит в знании имен и свойства сих мнимых покровителей. Истуканы считались не *образом*, но *телом* богов, ими одушевляемым, и народ падал ниц пред куском дерева или слитком руды, ожидая от них спасения и благоденствия.

Однако ж Славяне, в самом безрассудном суевении, имели еще понятие о Боге единственном и вышнем, Коему, по их мнению, горние небеса, украшенные светилами лучезарными, служат достойным храмом, и Который печется только о небесном, избрав других, нижних богов, чад Своих, управлять землею. Его-то, кажется, именовали они преимущественно *Белым Богом* и не строили Ему храмов, воображая, что смертные не могут иметь с Ним сообщения и должны относиться в нуждах своих к богам второстепенным, помогающим всякому, кто добр в мире и мужествен на войне, с удовольствием отворяет хижину для странников и с радушием питает гладных.

Не умея согласить несчастий, болезней и других житейских горестей с благогостию сих Мироправителей, Славяне Бальтийские приписывали зло существу особенному, всегдашнему врагу людей, именовали его Чернобогом, старались умолиловить жертвами и в собраниях народных пили из чаши, посвященной ему и добрым богам. Он изображался в виде льва, и для того некоторые думают, что Славяне заимствовали мысль о Чернобоге от Христиан, уподоблявших Дявола также сему зверю, но вероятно, что ненависть к Саксонцам, которые были самыми опасными врагами северных Вендов и на знаменах своих представляли льва, подала им мысль к такому изображению существа злобного. Славяне думали, что оно ужасает людей грозными привидениями или *страшилами* и что гнев его могут укротить волхвы или кудесники, хотя ненавистные народу, но уважаемые за их мнимую науку. Сии волхвы, о коих и Нестор говорит в своей летописи, подобно Сибирским Шаманам старались музыкаю действовать на воображение легковерных, играли на гусях и для того именовались в некоторых землях Славянских *Гусярами*.

Между богами добрыми славился более прочих Святovid, которого храм был в городе Арконе на острове Рюгене, и которому не только все другие Венды, но и Короли Датские, исповедуя уже Христианскую Веру, присылали дары. Он предсказывал будущее и помогал на войне. Кумир его величиною превосходил рост человека, украшался одеждою короткою, сделанною из разного дерева, имел четыре головы, две груди, искусно счесанные бороды и волосы остриженные, ногами стоял в земле, и в одной руке держал рог с вином, а в другой лук, подле идола висели узда, седло, меч его с серебряными ножнами и рукояткою. — Гель-

мольд рассказывает, что жители острова Рюгена обожали в сем идоле Христианского Святого, именем Вита, слышав о великих чудесах его от Корбейских Монахов, которые хотели некогда обратить их в истинную Веру. Достоинно замечания, что Илирические Славяне доньше празднуют день Св. Вита с разными языческими обрядами. Впрочем, Гельмольдово предание, утверждаемое и Саксонном Грамматиком, не есть ли одна догадка, основанная на сходстве имен? Для того, по известию Мавро-Урбина, один из Христианских Князей в Богемии выписал мощи Св. Вита, желая обратить к ним усердие народа своего, которые не преставал обожать Святовита. Привязанность не только Бальтийских, но и других Славян к сему идолослужению доказывает, кажется, древность оного.

Народ Рюгенский поклонялся еще трем идолам: *первому* Рюгевиту, или Ругевичу, богу войны, изображаемому с семью лицами, с семью мечами, висевшими в ножнах на бедре, и с осьмым обнаженным в руке (дубовый кумир его был весь загажен ласточками, которые вили на нем свои гнезда); *второму* Поревиту, коего значение неизвестно, и который изображался с пятью головами, но без всякого оружия; — *третьему* Поренуту о четырех лицах и с пятым лицом на груди: он держал его правую рукою за бороду, а левую за лоб, и считался богом четырех времен года.

Главный идол в городе Ретре назывался *Радегаст*, бог страннопримства, как некоторые думают: ибо Славяне были всегда *рады гостям*. Но сие толкование кажется несправедливым: он изображался более страшным, нежели дружелюбным, с головою львиною, на которой сидел гусь, и еще с головою буйвола на груди, иногда одетый, иногда нагой, и держал в руке большую секиру. Надписи Ретрского истукана его доказывают, что сей бог хотя и принадлежал к числу добрых, однако ж в некоторых случаях мог и вредить человеку. Адам Бременский пишет о *золотом* кумире и *пурпуровом* ложе Радегаста, но мы должны сомневаться в истине его сказания: в другом месте сей Историк уверяет нас, что храм Упсальский *весь был сделан из золота*.

Сива — может быть, *Жива* — считалась богинею жизни и доброю советницею. Главный храм ее находился в Ратцебурге. Она представлялась одетою, держала на голове нагого мальчика, а в руке виноградную кисть. Далматские Славяне поклонялись доброй *Фрихии*, богине Германских народов, но как в Исландских древностях *Фрихия*, или *прекрасная Фрея*, называется *Ванадис*, или Венедскою, то вероятно, что Готфы заимствовали от Славян понятие о сей богине и что она же именовалась Сивою.

Между Ретрскими истуканами нашлись Германские, Прусские, т. е. Латышские и даже Греческие идолы. Бальтийские Славяне поклонялись Водану, или Скандинавскому Одину, узнав об нем от Германских народов, с которыми они жили в Дакии и которые были еще издревле их соседями. Венды Мекленбургские доньше сохранили некоторые обряды Веры Одиновой. — Прусские надписи на истуканах Перкуна, бога молнии, и Парстуков, или Берстуков, доказывают, что они были Латышские идолы, но Славяне молились им в Ретрском храме, так же, как и Греческим статуям Любви, брачного Гения и Осени, без сомнения отнятым или купленным ими в Греции. — Кроме сих богов чужеземных, там стояли еще кумиры *Числобога*, *Ипабога*, *Зибога*, или *Зембога*, и *Немизы*. Первый изображался в виде женщины с луною и знаменовал, кажется, месяц, на котором основывалось *исчисление* времени. Имя второго непонятно; но ему надлежало быть покровителем звериной ловли, которая представлялась на его одежде. Третьего обожали в Богемии как сильного *Духа земли*. Немиза поведывал ветром и воздухом: голова его увенчана лучами и крылом, а на теле изображена летящая птица.

Писатели, собственными глазами видевшие языческих Вендов, сохранили нам известие еще о некоторых других идолах. В Юлине, или в Виннете, главный именовался *Триглав*. Кумир его был деревянный, непомерной величины, а другой маленький, вылитый из золота, о трех головах, покрытых одною шапкою. Более ничего не знаем о сем идоле. Второй, *Припекала*, означал, кажется, любострастие: ибо Христианские Писатели сравнивали его с Приапом, а третий *Геровит*, или Яровид, бог войны, коего храм был в Гавельберге и Волгасте, и подле которого висел на стене золотый щит. — Жители Вагрии особенно чтители *Прова*, бога правосудия, и *Подагу*, бога звероловства. *Первому* служили храмом самые древнейшие дубы, окруженные деревянною оградю с двумя вратами. В сей заповедной дубраве и в ее святылище жил Великий жрец, совершались торжественные жертвоприношения, судился народ, и люди, угрожаемые смертию, находили безопасное убежище. Он изображался старцем, в одежде со многими складками, с цепями на груди, и держал в руке нож. *Второй* считается покровителем звероловства, для того, что на одежде и жертвенной чаше его кумира *о двух лицах*, найденного в числе Ретрских древностей, представлены стрелок, олень и кабан, в руках своих он держит также какого-то зверя. Другие признают в нем бога ясных дней, который у Сербов назывался *Погодою*: ибо заднее лицо его окружено лучами, и слова, вырезанные на сем истукане, значат ясность и ведро. Мерзебургские Венды обожали идола *Гениля*, покровителя их собственности, и в некоторое время года пастухи разносили по домам символ его: кулак с перстнем, укрепленный на шесте.

О Вере Славян Иллирических не имеем никаких известий, но как Морлахи на свадебных пиршествах своих доныне славят *Давора*, *Дамора*, *Добрую Фрихию*, *Яра* и *Пика*, то с вероятностию заключить можно, что языческие боги их назывались сими именами. — Сказание Польских Историков о древнем богослужении в их отечестве основывается единственно на предании и догадках. В Гнезне, пишут они, был знаменитый храм *Ниу*, Славянского Плутона, которого молили о счастливом успокоении мертвых; обожали еще *Марзану*, или *Цереру*, обрекая в жертву ей десятую часть плодов земных; *Ясса*, или *Ясна*, Римского Юпитера; *Ладона*, или *Ляда*, *Марса*; *Дзидзилю*, богиню любви и деторождения; *Зивонию*, или *Зиванну*, Диану; *Зиваго*, или бога жизни: *Леля* и *Полеля*, или Греческих близнецов *Кастора* и *Поллукса*; *Погоду* и *Похвиста*, бога ясных дней и сильного ветра. «Слыша вой бури (пишет Стриковский), сии язычники с благоговением преклоняли колена».

В России, до введения Христианской Веры, первую степень между идолами занимал *Перун*, бог молнии, которому Славяне еще в VI веке поклонялись, обожая в нем верховного *Мироправителя*. Кумир его стоял в Киеве на холме, вне двора Владимирова, а в Новгороде над рекою Волховом: был деревянный, с серебряною головою и с золотыми усами. Летописец именует еще идолов *Хорса*, *Дажебога*, *Стрибога*, *Самаргла* и *Мокоша*, не объявляя, какие свойства и действия приписывались им в язычестве. В договоре Олега с Греками упоминается еще о *Волосе*, которого именем и Перуновым клялись Россияне в верности, имев к нему особенное уважение: ибо он считался покровителем скота, главного их богатства. — Сии известия Нестеров можем дополнить новейшими, напечатанными в Киевском Синописе. Хотя они выбраны отчасти из Польских ненадежных Историков, но, будучи согласны с древними обыкновениями народа Русского, кажутся вероятными, по крайней мере достойными замечания.

Бог веселия, любви, согласия и всякого благополучия именовался в России *Ладо*, ему жертвовали вступающие в союз брачный, с усердием воспевая имя его, которое слышим и ныне в старинных припевах. Стриковский называет сего

бога Латышским: в Литве и Самогитии народ праздновал ему от 25 Мая до 25 Июня, отцы и мужья в гостиницах, а жены и дочери на улицах и на лугах, взявшись за руки, они плясали и пели: *Ладо, Ладо, дидис Ладо*, то есть *великий Ладо*. Такое же обыкновение донныне существует в деревнях наших: молодые женщины весной собираются играть и петь в хороводах *Лада, диди-Лада*. Мы уже заметили, что Славяне охотно умножали число идолов своих и принимали чужеземных. Русские язычники, как пишет Адам Бременский, ездили в Курляндию и в Самогитию для поклонения кумирам: следственно имели одних богов с Латышами, ежели не все, то хотя некоторые Славянские племена в России — вероятно, Кривичи, ибо название их свидетельствует, кажется, что они признавали Латышского Первосвященника Криве Главою Веры своей. Впрочем *Ладо* мог быть и древним Славянским божеством: жители Молдавии и Валахии в некоторых суевренных обрядах донныне твердят имя Лада.

Купалу, богу земных плодов, жертвовали пред собиранием хлеба, 23 Июня, в день Св. Агриппины, которая для того прозвана в народе *Купальницею*. Молодые люди украшались венками, раскладывали ввечеру огонь, плясали около его и воспевали *Купала*. Память сего идолослужения сохранилась в некоторых странах России, где ночные игры деревенских жителей и пляски вокруг огня с невинным намерением совершаются в честь идолу языческому. В Архангельской Губернии многие поселяне 23 Июня топят бани, настигают в них траву *Купальницу* (лютик, *genunculus acris*) и после купаются в реке. Сербы накануне или в самое Рождество Иоанна Предтечи, сплетая *Ивановские венки*, вешают их на кровли домов и на хлебах, чтобы удалить злых Духов от своего жилища.

24 Декабря язычники Русские славили Коляду, бога торжеств и мира. Еще и в наше время, накануне Рождества Христова, дети земледельцев собираются *колядовать* под окнами богатых крестьян, величают хозяина в песнях, твердят имя *Коляды* и просят денег. Святошные игрища и гадания кажутся остатком сего языческого праздника.

В суевренных преданиях народа Русского открываем также некоторые следы древнего Славянского богопочитания: донныне простые люди говорят у нас о *Леших*, которые видом подобны Сатирам, живут будто бы в темноте лесов, равняются с деревьями и с травой, ужасают странников, обходят их кругом и сбивают с пути, о *Русалках*, или Нимфах дубрав (где они бегают с распущенными волосами, особенно перед Троицыным днем), о благодетельных и *злых Домовых*, о *ночных Кикиморах* и проч.

Таким образом грубый ум людей непросвещенных заблуждается во мраке идолопоклонства и творит богов на всяком шагу, чтобы изъяснить действия Природы и в неизвестностях рока успокоивать сердце надеждою на вышнюю помощь! — Желая выразить могущество и грозность богов, Славяне представляли их великанами, с ужасными лицами, со многими головами. Греки хотели, кажется, любить своих идолов (изображая в них примеры человеческой стройности), а Славяне только бояться, первые обожали красоту и приятность, а вторые одну силу, и еще не довольствуясь собственным противным видом истуканов, окружали их гнусными изображениями ядовитых животных: змей, жаб, ящериц и проч. Кроме идолов, Немецкие Славяне, подобно Дунайским, обожали еще реки, озера, источники, леса и приносили жертвы невидимым их Гениям, которые, по мнению суевренных, иногда говорили, и в важных случаях являлись людям. Так, Гений Ретрского озера, когда великие опасности угрожали народу Славянскому, принимал на себя образ кабана, выплывал на берег, ревел ужасным голосом и скрывался в волнах. Мы знаем, что и Российские Славяне приписывали озерам и рекам некоторую божественность и святость.

В глазной болезни они умывались водою мнимо-целебных источников, и бросали в них серебряные монеты. Народное обыкновение купать или обливать водою людей, проспавших Заутреню в день Пасхи, будто бы для омовения их от греха, происходит, может быть, от такого же языческого суеверия. — У многих народов Славянских были заповедные рощи, где никогда стук секиры не раздавался и где самые злейшие враги не дерзали вступить в бой между собою. Лес города Ретры считался священным. Жители Штетинские поклонялись ореховому дереву, при коем находился особенный жрец, и дубу, а Юлинские богу, обитавшему в дереве обсеченном, и весною плясали вокруг его с некоторыми торжественными обрядами. Славяне в России также молились деревьям, особенно *дуловатым*, обвязывая их ветви убрсами, или платами. Константин Багрянородный пишет, что они, путешествуя в Царьград, на острове Св. Григория приносили жертву большому дубу, окружали его стрелами и гадали, заколоть ли обреченных ему живых птиц или пустить на волю. Празднование Семика и народный обычай завивать в сей день венки в рошах суть также остаток древнего суеверия, коего обряды наблюдались в Богемии и по введении Христианства, так, что Герцог Брячислав в 1093 году решился предать огню все мнимо-святые дубравы своего народа. Славяне обожали еще знамена и думали, что в военное время они святее всех идолов. Знамя Бальтийских Вендов было отменной величины и пестрое, стояло обыкновенно в Святовидовом храме и считалось сильною богинею, которая воинам, идущим с нею, давала право не только нарушать законы, но даже оскорблять и самых идолов. Датский Король Вальдемар сжег его в Арконе, взяв сей город. — В числе Ретрских любопытных памятников нашлось также священное знамя: медный дракон, украшенный изображением женских голов и вооруженных рук. В Дитмаровой летописи упоминается о двух Славянских знаменах, которые считались богинями. Хитрость Полководцев ввела без сомнения сию веру, чтобы воспламенить дух храбрости в воинах, или обуздывать их неповиновение святостию знамен своих.

Древние Славяне в Германии еще не имели храмов, но приносили жертву Богу небесному на камнях, окружая их в некотором расстоянии другими, служившими вместо ограды священной. Чтобы изобразить величие Бога, жрецы начали употреблять для сооружения алтарей камни в несколько саженой меры. Сии каменные здания равнялись с высокими скалами, невредимо стояли целые веки и могли казаться народу творением рук божественных. В самом деле трудно понять, каким образом Славяне, не зная изобретенных Механикою способов, воздвигали такие громады. Жрецы, в присутствии и в глазах народа, совершали обряды Веры на сих величественных алтарях, но в течение времен, желая еще сильнее действовать на воображение людей, вздумали, подобно Друидам, удалиться во тьму заповедных лесов, и соорудили там жертвенники. По введению идолопоклонства надлежало укрыть обожаемые кумиры от дождя и снега: защитили их кровлею, и сие простое здание было первым храмом. Мысль сделать его достойным жилищем богов требовала величия, но Славяне не умели подражать Грекам и Римлянам в гордой высоте зданий и старались заменить оную резьбою, пестротой, богатством украшений. Современные Историки описали некоторые из сих храмов с любопытною подробностью. Сочинитель *Жизни Св. Оттона* говорит о Штетинском следующее: «Там было четыре храма, и главный из них отличался своим художеством, украшенный внутри и снаружи выпуклым изображением людей, птиц, зверей, так сходных с Природою, что они казались живыми, краски же на внешности храма не смывались дождем, не бледнели и не тускли. — Следуя древнему обычаю предков, Штетинцы отдавали в храм десятую часть воинской своей добычи и всякое оружие побеж-

денных неприятелей. В его святилище хранились серебряные и золотые чаши (из коих при торжественных случаях люди знатнейшие пили и ели), также рога буйволы, оправленные золотом: они служили и стаканами и трубами. Ножи и прочие драгоценности, там собранные, удивляли своим художеством и богатством. В трех иных *гонтинах*, или храмах, не столь украшенных и менее священных, представлялись глазам одни лавки, сделанные амфитеатром, и столы для народных сходбищ: ибо Славяне, в некоторые часы и дни, веселились, пили и важными делами отечества занимались в сих *гонтинах*». — Деревянный храм Арконский был срублен весьма искусно, украшен резьбою и живописью; одни врата служили для входа в его ограду; внешний двор, обнесенный стеною, отделялся от внутреннего только пурпуровыми коврами, развешанными между четырьмя столпами, и находился под одною с ним кровлею. В святилище стоял идол, а конь его в особенном здании, где хранилась казна и все драгоценности. — Храм в Ретре, также деревянный, славился изображениями богов и богинь, вырезанных на внешних его стенах, внутри стояли кумиры, в шлемах и латах, а в мирное время хранились там знамена. Дремучий лес окружал сие место, сквозь просеку, вдали, представлялось глазам море в виде грозном и величественном. Достоин примечания, что Славяне Бальтийские вообще имели великое уважение к святыне храмов, и в самой неприятельской земле боялись осквернить их.

О капищах Славян Российских не имеем никакого сведения, Нестор говорит только об идолах и жертвенниках, но удобность приносить жертвы во всякое время и почтение к святыне кумиров требовали защиты и крова, особенно же в странах северных, где холод и ненастье столь обыкновенны и продолжительны. Нет сомнения, что на холме Киевском и на берегу Волхова, где стоял Перун, были храмы, конечно, не огромные и не великолепные, но сообразные с простотою тогдашних нравов и с малым сведением людей в искусстве зодческом.

Нестор также не упоминает о жрецах в России, но всякая народная Вера предполагает обряды, коих совершение поручается некоторым избранным людям, уважаемым за их добродетель и мудрость, действительную или мнимую. По крайней мере все другие народы Славянские имели жрецов, блюстителей Веры, посредников между совестью людей и богами. Не только в капищах, но и при всяком священном дереве, при всяком обожанном источнике находились особенные хранители, которые жили подле оных, в маленьких хижинах, и питались жертвою, приносимою их божествам. Они пользовались народным уважением, имели исключительное право отпускать себе длинную бороду, сидеть во время жертвоприношений и входить во внутренность святилища. Воин, совершив какое-нибудь счастливое предприятие и желая изъявить благодарность идолам, разделял свою добычу с их служителями. Правители народа без сомнения утверждали его в почтении к жрецам, которые именем богов могли обуздывать своеволие людей грубых, новых в гражданской связи и еще не смиренных действием власти постоянной. Некоторые жрецы, обязанные своим могуществом или собственной хитрости, или отменной славе их капищ, употребляли его во зло и присвоивали себе гражданскую власть. Так, Первосвященник Рюгенский, уважаемый более самого Короля, правил многими Славянскими племенами, которые без его согласия не дерзали ни воевать, ни мириться; налагал подати на граждан и купцев чужеземных, содержал 300 конных воинов и рассылал их всюду для грабежа, чтобы умножать сокровища храма, более ему нежели идолу принадлежавшие. Сей главный жрец отличался от всех людей длинными волосами, бороною, одеждою.

Священники именем народа приносили жертвы и предсказывали будущее. В древнейшие времена Славяне закаляли, в честь Богу невидимому, одних во-

лов и других животных, но после, омраченные суевением идолопоклонства обгадряли свои требища кровию Христиан, выбранных по жребию из пленников или купленных у морских разбойников. Жрецы думали, что идол увеселяется Христианскою кровию, и к довершению ужаса пили ее, воображая, что она сообщает дух пророчества. — В России также приносили людей в жертву, по крайней мере во времена Владимировы. Бальтийские Славяне дарили идолам головы убиенных, опаснейших неприятелей.

Жрецы гадали будущее посредством коней. В Арконском храме держали белого, и суеверные думали, что Святовид ездит на нем всякую ночь. В случае важного намерения водили его чрез копыя: если он шагал сперва не левою, а правою ногою, то народ ожидал славы и богатства. В Штетине сей конь, порученный одному из четырех священников главного храма, был вороной и предвещал успех, когда совсем не касался ногами до копий. В Ретре гадатели садились на землю, шептали некоторые слова, рылись в ее недрах, и по веществам, в ней находимым, судили о будущем. Сверх того в Арконе и в Штетине жрецы бросали на землю три маленькие дощечки, у коих одна сторона была черная, а другая белая: если они ложились вверх белою, то обещали хорошее, черная означала бедствие. Самые женщины Рюгенские славилась гаданием; они, сидя близ разложенного огня, проводили многие черты на пепле, которых равное число знаменовало успех дела.

Любя народные торжества, языческие Славяне устави́ли в году разные праздники. Главный из них был по собрании хлеба и совершался в Арконе таким образом: Первосвященник накануне должен был вымести святилище, неприступное для всех, кроме его; в день торжества, взяв из руки Святовида рог, смотрел, наполнен ли он вином, и по тому угадывал будущий урожай; выпив вино, снова наполнял им сосуд и вручал Святовиду; приносил богу своему медовый пирог, длиною в рост человеческий; спрашивал у народа, видит ли его? и желал, чтобы в следующий год сей пирог был уже съеден идолом, в знак счастья для острова; наконец объявлял всем благословение Святовида, обещая воинам победу и добычу. Другие Славяне, торжествуя собрание хлеба, обрекали петуха в дар богам, и пивом, освященным на жертвеннике, обливали скот, чтобы предохранить его от болезней. В Богемии славился Майский *праздник источников*. — Дни народного суда в Вагрии, когда старейшины, осененные священными дубами, в мнимом присутствии своего бога Прова решили судьбу граждан, были также днями общего веселия. Мы упоминали, единственно по догадке, о языческих торжествах Славян Российских, которых потомки донныне празднуют весну, любовь и бога *Лада* в сельских хороводах, веселыми и шумными толпами ходят навивать венки в рощах, ночью посвящают огни *Купалу* и зимою воспевают имя *Коляды*. — Во многих землях Славянских сохранились также следы *праздника в честь мертвых*: в Саксонии, в Лаузице, Богемии, Силезии и Польше народ 1 Марта ходил в час рассвета с факелами на кладбище и приносил жертвы усопшим. — В сей день Немецкие Славяне выносят из деревни соломенную чучелу, образ смерти, сжигают ее или бросают в реку, и славят лето песнями. — В Богемии строили еще какие-то феатры на распутиях *для успокоения душ* и представляли на них, в личинах, тени мертвых, сими играми торжествуя память их. Такие обыкновения не доказывают ли, что Славяне имели некоторое понятие о бессмертии души, хотя Дитмар, Историк XI века, утверждает противное, говоря, будто бы они временную смерть, или разрушение тела, считали совершенным концем бытия человеческого?

Погребение мертвых было также действием священным между языческими Славянами. Историки Немецкие — более догадкою, основанною на древних

обычаях и преданиях, нежели по известиям современных Авторов — описывают оное следующим образом: Старейшина деревни объявлял жителям смерть одного из них посредством черного жезла, носимого со двора на двор. Все они провожали труп с ужасным воем, и некоторые женщины, в белой одежде, лили слезы в маленькие сосуды, называемые *плачевными*. Разводили огонь на кладбище и сожигали мертвого с его женою, конем, оружием, собирали пепел в урны, глиняные, медные или стеклянные, и зарывали вместе с плачевными Сосудами. Иногда сооружали памятники: обкладывали могилу дикими камнями, или ограждали столпами. Печальные обряды заключались веселым торжеством, которое именовалось *Стравою* и было еще в VI веке причиною великого бедствия для Славян: ибо Греки воспользовались временем сего *пиршества в честь мертвых* и наголову побили их войско.

Славяне Российские — Кривичи, Северяне, Вятичи, Радимичи — *творили* над умершими *тризну*: показывали силу свою в разных играх воинских, сожигали труп на большом костре и, заключив пепел в урну, ставили ее на столпе в окрестности дорог. Сей обряд, сохраненный Вятичами и Кривичами до времен Нестора, изъясняет воинственный дух народа, который праздновал смерть, чтобы не страшиться ее в битвах, и печальными урнами окружал дороги, чтобы приучить глаза и мысли свои к сим знакам человеческой тленности. Но Славяне Киевские и Волынские издревле погребали мертвых, некоторые имели обыкновение, вместе с трупом, зарывать в землю *сплетенные из ремней лестницы*, ближние умершего язвили лица свои, и закаляли на могиле любимого коня его.

Все народы любят Веру отцов своих, и самые грубые, самые жестокие обыкновения, на ней основанные и веками утвержденные, кажутся им святынею. Так и Славяне языческие, закоренелые в идолопоклонстве, с великою упорностию в течение многих столетий отвергали благодать Христову. Св. Колумбан, в 613 году обратив многих Немецких язычников в Веру истинную, хотел проповедовать ее святое учение и в землях Славян, но, уstraшенный их дикостию, возвратился без успеха, объявляя, что время спасения еще не наступило для сего народа. Видя, сколь Христианство противно заблуждениям язычества и как оно в средних веках более и более распространялось по Европе, Славяне отлично ненавидели его и, принимая всякого иноплеменного в сограждане, отворяя Бальтийские гавани свои для всех мореходцев, исключали одних Христиан, брали их корабли в добычу, а Священников приносили в жертву идолам. Немецкие завоеватели, покорив Вендов в Германии, долго терпели их суеверие, но озлобленные наконец упорством сих язычников в идолопоклонстве и в древних обычаях вольности, разрушили их храмы, сожгли заповедные рощи и самых жрецов истребили, что случилось уже гораздо после того времени, как Владимир просветил Россию учением Христианским.

Собрав исторические достопамятности Славян древних, скажем нечто о языке их. Греки в шестом веке находили его весьма грубым. Выражая первые мысли и потребности людей необразованных, рожденных в климате суровом, он должен был казаться диким в сравнении с языком Греческим, смягченным долговременною жизнью в порядке гражданском, удовольствиями роскоши и нежным слухом людей, искони любивших искусства приятные. Не имея никаких памятников сего первобытного языка Славянского, можем судить о нем только по новейшим, из коих самыми древними считаются наша Библия и другие Церковные книги, переведенные в IX веке Св. Кириллом, Мефодием и помощниками их. Но Славяне, приняв Христианскую Веру, заимствовали с нею новые мысли, изобрели новые слова, выражения, и язык их в средних веках без сомнения так же отличался от древнего, как уже отличается от нашего Рассеянные по Европе, окруженные другими народами, и нередко ими покоряемые, Сла-

вянские племена утратили единство языка, и в течение времен произошли разные его наречия, из коих главные суть:

1) *Русское*, более всех других образованное и менее всех других смешанное с чужеземными словами. Победы, завоевания и величие государственное, возвысив дух народа Российского, имели счастливое действие и на самый язык его, который, будучи управляем дарованием и вкусом Писателя умного, может равняться ныне в силе, красоте и приятности с лучшими языками древности и наших времен. Будущая судьба его зависит от судьбы Государства...

2) *Польское*, смешанное со многими Латинскими и Немецкими словами: им говорят не только в бывшем Королевстве Польском, но и в некоторых местах Пруссии, Дворяне в Литве и народ в Силезии, по сю сторону Одера.

3) *Чешское*, в Богемии, в Моравии и Венгрии, по утверждению Иорданову — ближайшее к нашему древнему переводу Библии, а по мнению других Богемских Ученых — среднее между Кроатским и Польским. Венгерское наречие именуется *Славакским*, но разнится от Чешского большею частию только в выговоре, хотя Авторы *Многоязычного Словаря* признают его *особенным*. Впрочем, и другие Славянские наречия употребляются в Венгрии.

4) *Иллирическое*, то есть, Болгарское — самое грубое из всех Славянских — Боснийское, Сербское — самое приятнейшее для слуха, как многие находят — Славонское и Далматское.

5) *Кроатское*, сходное с Виндским в Стирии, Каринтии, Крайне, также с Лаузицким, Котбузским, Кашубским и Люховским. В Мейсене, Бранденбурге, Поммерании, Мекленбурге и почти во всем Люнебурге, где некогда Славянский язык был народным, он уже заменен Немецким.

Однако ж сии перемены не могли совершенно истребить в языке нашем его так сказать первобытного образа, и любопытство Историков хотело открыть в нем следы малоизвестного происхождения Славян. Некоторые утверждали, что он весьма близок к древним языкам Азиатским, но вернейшее исследование доказало, что сие мнимое сходство ограничивается весьма немногими словами, Еврейскими или Халдейскими, Сирскими, Арабскими, которые находятся и в других языках Европейских, свидетельствуя единственно их общее Азиатское происхождение, и что Славянский имеет с Греческим, Латинским, Немецким гораздо более связи, нежели с Еврейским и с другими Восточными. Сие великое, явное сходство встречается не только в словах единозвучных с действиями, которые означаются ими — ибо названия *грома*, *журчания вод*, *крика птиц*, *рева зверей*, могут на всех языках сходствовать между собою от подражания Естеству — но и в выражении самых первых мыслей человека, в ознаменовании главных нужд жизни домашней, в именах и глаголах совершенно произвольных. Мы знаем, что Венеды издревле жили в соседстве с Немцами и долгое время в Дакии (где язык Латинский со времен Траяновых был в общем употреблении), воевали в Империи и служили Императорам Греческим, но сии обстоятельства могли бы ввести в язык Славянский только некоторые особенные Немецкие, Латинские или Греческие слова и не принудили бы их забыть собственные, коренные, необходимые в самом древнейшем обществе людей, то есть в семейственном. Из чего вероятным образом заключают, что предки сих народов говорили некогда одним языком: каким? неизвестно, но, без сомнения, древнейшим в Европе, *где История находит их*, ибо Греция, а после и часть Италии населена *Пеласгами*, *Фракийскими* жителями, которые прежде Елленов утвердились в Морее и могли быть единоплеменны с Германцами и Славянами. В течение времен удаленные друг от друга, они приобретали новые гражданские понятия, выдумывали новые слова или присвоивали чужие, и долженствовали чрез

несколько веков говорить уже языком различным. Самые общие, коренные слова легко могли измениться в произношении, когда люди еще не знали букв и письма, верно определяющего выговор.

Сие важное искусство, немногими чертами изображать для глаз бесчисленные звуки, сведала Европа, как надобно думать, уже в позднейшие времена, и без сомнения от Финикиян, или непосредственно, или чрез Пеласгов и Еллинов. Нельзя вообразить, чтобы древние обитатели Пелопоннеса, Лациума, Испании, едва вышедши из дикого состояния, могли сами выдумать письмена, требующие удивительного разума, и столь непонятного для обыкновенных людей, что они везде приписывали богам изобретение оных: в Египте Фойту, в Греции Меркурию, в Италии богине Карменте, а некоторые из Христианских Philosophов считали десять Моисеевых заповедей, рукою Всевышнего начертанных на горе Синайской, первым письмом в мире. К тому же все буквы народов Европейских: Греческие, Мальтийские, так называемые Пеласгские в Италии, Этрурийские (доныне видимые на монументах сего народа), Гэльские, изображенные на памятнике Мученика Гордиана, Улфиловы или Готфские, Кельтиберские, Бетские, Турдетанские в Испании, Руны Скандинавов и Германцев более или менее сходятся с Финикийскими и доказывают, что все они произошли от одного корня. Пеласги и Аркадцы принесли их с собою в Италию, а наконец и в Марселию к тамошним Галлам. Испанцы могли научиться письму от самих Финикиян, основавших Тартесс и Гадес за 1100 лет до Рождества Христова. Турдетане во время Страбонаво имели письменные законы, Историю и Стихотворения. Каким образом Европейский Север получил буквы, мы не знаем: от Финикийских ли мореплавателей, торговавших оловом Британским и янтарем Прусским? или от народов Южной Европы? Второе кажется вероятнее: ибо Руническое и Готфское письмо сходнее с Греческим и Латинским, нежели с Финикийским. Оно могло в течение веков, чрез Германию или Паннонию, дойти от Средиземного моря до Бальтийского с некоторыми переменами знаков.

Как бы то ни было, но Венеды, или Славяне языческие, обитавшие в странах Бальтийских, знали употребление букв. Дитмар говорит о надписях идолов Славянских: Ретрские кумиры, найденные близ Толлензского озера, доказали справедливость его известия, надписи их состоят в Рунах, заимствованных Венедями от Готфских народов. Сии Руны, числом 16, подобно древним Финикийским, весьма недостаточны для языка Славянского, не выражают самых обыкновенных звуков его, и были известны едва ли не одним жрецам, которые посредством их означали имена обожаемых идолов. Славяне же Богемские, Иллирические и Российские не имели никакой азбуки до 863 года, когда Философ Константин, названный в монашестве Кириллом, и Мефодий, брат его, жители Фессалоники, будучи отправлены Греческим Императором Михаилом в Моравию к тамошним Христианским Князьям Ростиславу, Святополку и Коцелу, для перевода церковных книг с Греческого языка, изобрели Славянский особенный алфавит, образованный по Греческому, с прибавлением новых букв: Б. Ж. Ц. Ш. Щ. Ъ. Ы. Ь. Ю. Я. Ж. Сия азбука, называемая *Кирилловскою*, доныне употребляется, с некоторыми переменами, в России, Валахии, Молдавии, Болгарии, Сервии и проч. Славяне Далматские имеют другую, известную под именем *Глагольской* или *Буквицы*, которая считается изобретением Св. Иеронима, но ложно; ибо в IV и в V веке, когда жил Иероним, еще не было Славян в Римских владениях. Самый древнейший ее памятник, нам известный, есть харатейная Псалтырь XIII века, но мы имеем церковные Кирилловские рукописи 1056 году, надпись Десятинной церкви в Киеве принадлежит еще ко временам Св. Владимира. Сия Глагольская азбука явно составлена по нашей, отличается куд-

ржавостию знаков и весьма неудобна для употребления. Моравские Христиане, пристав к Римскому Исповеданию, вместе с Поляками начали писать Латинскими буквами, отвергнув Кирилловы, торжественно запрещенные Папою Иоанном XIII. Епископы Салонские в XI веке объявили даже Мефодия еретиком, а письма Славянские изобретением Арианских Готфов. Вероятно, что сие самое гонение побудило какого-нибудь Далматского Монаха выдумать новые, то есть Глагольские буквы, и защитить их от нападения Римских суеверов именем Св. Иеронима. — Ныне в Богемии, Моравии, Силезии, Лаузице, Кассубии употребляются Немецкие, в Иллирии, Крайне, Венгрии и Польше Латинские. Славяне, которые с VIII века утвердились в Пелопоннесе, приняли там Греческую азбуку.

Итак, предки наши были обязаны Христианству не только лучшим понятием о Творце мира, лучшими правилами жизни, лучшею, без сомнения, нравственностью, но и пользою самого благодетельного, самого чудесного изобретения людей: мудрой живописи мыслей — изобретения, которое, подобно утренней заре в веках мрачных предвестило уже Науки и просвещение.

Глава IV

РЮРИК, СИНЕУС И ТРУВОР. Г. 862—879

Призвание Князей Варяжских в Россию. Основание Монархии. Аскольд и Дир. Первое нападение Россиян на Империю. Начало Христианства в Киеве. Смерть Рюрика

Начало Российской Истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный в летописях случай: Славяне добровольно уничтожают свое древнее правление, и требуют Государей от Варягов, которые были их неприятелями. Везде меч сильных или хитрость честолюбивых вводили Самовластие (ибо народы хотели законов, но боялись неволи), в России оно утвердилось с общего согласия граждан, так повествует наш Летописец — и рассеянные племена Славянские основали Государство, которое граничит ныне с древнею Дакиєю и с землями Северной Америки, с Швециєю и с Китаем, соединяя в пределах своих три части мира. Великие народы, подобно великим мужам, имеют свое младенчество и не должны его стыдиться: отечество наше, слабое, разделенное на малые области до 862 года, по летосчислению Нестора, обязано величием своим счастливому введению Монархической власти.

Желая некоторым образом изъяснить сие важное происшествие, мы думаем, что Варяги, овладевшие странами Чуди и Славян за несколько лет до того времени, правили ими без угнетения и насилия, брали дань легкую и наблюдали справедливость. Господствуя на морях, имея в IX веке сношение с Югом и Западом Европы, — где на развалинах колосса Римского основались новые Государства и где кровавые следы варварства, обузданного человеколюбием духом Христианства, уже отчасти изгладились счастливыми трудами жизни гражданской — Варяги, или Норманы должныствовали быть образованнее Славян и Финнов, заключенных в диких пределах Севера, могли сообщить им некоторые выгоды новой промышленности и торговли, благодетельные для народа — Бояре Славянские, недовольные властью завоевателей, которая уничтожала их собственную, возмутили, может быть, сей народ легкомысленный, обольстили его именем прежней независимости, вооружили против Норманов и выгнали их, но распрями личными обратили свободу в несчастье, не умели восстановить древних законов и ввергнули отечество в бездну зол междоусобия. Тогда граждане вспомнили, может быть, о выгодном и спокойном правлении Норманском, ну-

жда в благоустройстве и тишине велела забыть народную гордость, и Славяне, убежденные — так говорит предание — советом Новгородского старейшины Гостомысла, потребовали Властителей от Варягов. Древняя летопись не упоминает о сем благоразумном советнике, но ежели предание истинно, то Гостомысл достоин бессмертия и славы в нашей Истории.

Новгородцы и Кривичи были тогда, кажется, союзниками Финских племен, вместе с ними плативших дань Варягам: имев несколько лет одну долю и повинаясь законам одного народа, они тем скорее могли утвердить дружественную связь между собою. Нестор пишет, что Славяне Новгородские, Кривичи, *Весь* и *Чудь* отправили посольство за море, к Варягам-Руси, сказать им: *Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет: идите княжить и владеть нами*. Слова простые, краткие и сильные! Братья, именем Рюрик, Синеус и Трувор, знаменитые или родом или делами, согласились принять власть над людьми, которые, умев сражаться за вольность, не умели ею пользоваться. Окруженные многочисленною Скандинавскою дружиною, готовою утвердить мечем права избранных Государей, сии честолюбивые братья навсегда оставили отечество. Рюрик прибыл в Новгород, Синеус на Белоозеро в область Финского народа Веси, а Трувор в Изборск, город Кривичей. Смоленск, населенный также Кривичами, и самый Полоцк оставались еще независимыми и не имели участия в призвании Варягов. Следственно Держава трех Владетелей, соединенных узами родства и взаимной пользы, от Белоозера простиралась только до Эстонии и Ключей Славянских, где видим остатки древнего Изборска. Сия часть нынешней С. Петербургской, Эстляндской, Новгородской и Псковской Губерний была названа тогда *Русью*, по имени Князей Варяго-Русских. — Более не знаем никаких достоверных подробностей, не знаем, благословил ли народ перемену своих гражданских уставов? наслаждался ли счастливою тишиною, редко известною в обществах народных? или пожалел о древней вольности? Хотя новейшие Летописцы говорят, что Славяне скоро вознегодовали на рабство, и какой-то Вадим, именуемый *Храбрым*, пал от руки сильного Рюрика вместе со многими из своих единомышленников в Новгороде — случай вероятный: люди, привыкшие к вольности, от ужасов безначалия могли пожелать Властителей, но могли и раскаяться, ежели Варяги, единосемцы и друзья Рюриковы, утесняли их — однако ж сие известие, не будучи основано на древних сказаниях Нестора, кажется одною догадкою и вымыслом.

Чрез два года, по кончине Синеуса и Трувора, старший брат, присоединив области их к своему Княжеству, основал Монархию Российскую. Уже пределы ее достигали на Восток до нынешней Ярославской и Нижегородской Губернии, а на Юг до Западной Двины; уже Меря, Муром и Полочане зависели от Рюрика; ибо он, приняв Единовластие, отдал в управление знаменитым единосемцам своим, кроме Белоозера, Полоцк, Ростов и Муром, или им братьям его завоеванные, как надобно думать. Таким образом вместе с верховною Княжескою властью утвердилась в России, кажется, и Система *Феодальная, Поместная* или *Удельная*, бывшая основанием новых гражданских обществ в Скандинавии и во всей Европе, где господствовали народы Германские. Монархи обыкновенно целыми областями награждали Вельмож и любимцев, которые оставались их подданными, но властвовали как Государи в своих Уделах: система сообразная с обстоятельствами и духом времени, когда еще не было ни удобного сношения между владениями одной Державы, ни уставов общих и твердых, ни порядка в гражданских степенях, и люди, упорные в своей независимости, слушались единственно того, кто держал меч над их головою. Признательность Государей к верности Вельмож участвовала также в сем обыкновении, и завоеватель делился областями с товарищами храбрыми, которые помогали ему приобретать оные.

К сему времени Летописец относит следующее важное происшествие. Двое из единоплеменников Рюриковых, именем Аскольд и Дир, может быть, недовольные сим Князем, отправились с товарищами из Новагорода в Константинополь искать счастья, увидели на высокому берегу Днепра маленький городок и спросили: чей он? Им ответствовали, что строители его, три брата, давно скончались, и что миролюбивые жители платят дань Козарам. Сей городок был Киев, Аскольд и Дир завладели им, присоединили к себе многих Варягов из Новагорода, начали под именем Россиян властвовать как Государи в Киеве и помышлять о важнейшем предприятии, достойном Норманской смелости. Прежде шли они в Константинополь, вероятно, для того, чтобы служить Императору: тогда, ободренные своим успехом и многочисленностию войска, дерзнули объявить себя врагами Греции. Судоходный Днепр благоприятствовал их намерению: вооружив 200 судов, сии витязи Севера, издревле опытные в кораблеплавании, открыли себе путь в Черное море и в самый Воспор Фракийский, опустошили огнем и мечем берега его, и скоро осадили Константинополь с моря. Столица Восточной Империи в первый раз увидела сих грозных неприятелей, в первый раз с ужасом произнесла имя Россиян, Ρῶς. Молва народная возвестила их Скифами, жителями баснословной горы Тавра, уже победителями многих народов окрестных. Михаил III, Нерон своего времени, царствовал тогда в Константинополе, но был в отсутствии, воюя на берегах Черной реки с Агарянами. Узнав от Эпарха или Наместника Цареградского о новом неприятеле, он спешил в столицу, с великою опасностию пробрался сквозь суда Российские и, не смея отразить их силою, ожидал спасения от чуда. Оно совершилось, по сказанию Византийских Летописцев. В славной церкви Влахернской, построенной Императором Маркианом на берегу залива, между нынешнею Перою и Царемградом, хранилася так называемая риза Богоматери, к которой прибегал народ в случае бедствий. Патриарх Фотий с торжественными обрядами вынес ее на берег и погрузил в море, тихое и спокойное. Вдруг сделалась буря, рассеяла, истребила флот неприятельский, и только слабые остатки его возвратились в Киев.

Нестор согласно с Византийскими Историками описывает сей случай, но некоторые из них прибавляют, что язычники Российские, утраченные Небесным гневом, немедленно отправили Послов в Константинополь, и требовали святого крещения. Окружная грамота Патриарха Фотия, писанная в исходе 866 года к Восточным Епископам, служит достоверным подтверждением сего любопытного для нас известия. «Россы, говорит он, славные жестокостию, победители народов соседственных, и в гордости своей дерзнувшие воевать с Империею Римскою, уже оставили суеверие, исповедуют Христа и суть друзья наши, быв еще *недавно* злейшими врагами. Они уже приняли от нас Епископа и Священника, имея живое усердие к богослужению Христианскому». Константин Багрянородный и другие Греческие Историки пишут, что Россы крестились во время Царя Василия Македонского и Патриарха Игнатия, то есть не ранее 867 года. «Император (говорят они), не имея возможности победить Россов, склонил их к миру богатыми дарами, состоявшими в золоте, серебре и шелковых одеждах. Он прислал к ним Епископа, посвященного Игнатием, который обратил их в Христианство». — Сии два известия не противоречат одно другому. Фотий в 866 году мог отправить церковных учителей в Киев, Игнатий также, они насадили там первые семена Веры истинной, ибо Несторова летопись свидетельствует, что в Игорево время было уже много Христиан в Киеве. Вероятно, что проповедники, для лучшего успеха в деле своем, тогда же ввели в употребление между Киевскими Христианами и новые письмена Славянские, изобретенные Кириллом в Моравии за несколько лет до того времени. Обстоятельства

благоприятствовали сему успеху: Славяне исповедовали одну Веру, а Варяги другую, впоследствии увидим, что древние Государи Киевские наблюдали священные обряды первой, следуя внушению весьма естественно благоразумия, но усердие их к чужеземным идолам, коих обожали они единственно в угождение главному своему народу, не могло быть искренним, и самая государственная польза заставляла Князей не препятствовать успехам новой Веры, соединившей их подданных, Славян, и надежных товарищей, Варягов, узами духовного братства. Но еще не наступило время совершенного торжества ее.

Таким образом Варяги основали две Самодержавные области в России: Рюрик на Севере, Аскольд и Дир на Юге. Невероятно, чтобы Козары, бравшие дань с Киева, добровольно уступили его Варягам, хотя Летописец молчит о воинских делах Аскольда и Дири в странах Днепровских, оружие, без сомнения, решило, кому начальствовать над миролюбивыми Полянами, и ежели Варяги действительно, претерпев урон на Черном море, возвратились от Константинополя с неудачею, то им надлежало быть счастливее на сухом пути, ибо они удержали за собою Киев.

Недостаток молчит также о дальнейших предприятиях Рюрика в Новгороде, за недостаток современных известий, а не для того, чтобы сей Князь отважный, пожертвовав отечеством властолюбию, провел остаток жизни в бездействии: *действовать* же значило тогда воевать, и Государи Скандинавские, единоземцы Рюриковы, принимая власть от народа, обыкновенно клялися, именем Единовым, быть завоевателями. Спокойствие Государства, мудрое законодательство и правосудие составляют ныне славу Царей, но Князя Русские в IX и X веке еще не довольствовались сею благотворною славою. Окруженный к Западу, Северу и Востоку народами Финскими, Рюрик мог ли оставить в покое своих ближних соседей, когда и самые отдаленные берега Оки долженствовали ему покориться? Вероятно, что окрестности Чудского и Ладожского озера были также свидетелями мужественных дел его, неописанных и забытых. Он княжил единовластно, по смерти Синеуса и Трувора, 15 лет в Новгороде и скончался в 879 году, вручив правление и малолетнего сына, Игоря, родственнику своему Олегу.

Память Рюрика, как первого Самодержца Российского, осталась бессмертною в нашей Истории, и главным действием его княжения было твердое присоединение некоторых Финских племен к народу Славянскому в России, так, что Весь, Меря, Мурома наконец обратились в Славян, приняв их обычай, язык и Веру.

Глава V

ОЛЕГ ПРАВИТЕЛЬ. Г. 879—912

Завоевания Олеговы. Нашествие Угров. Супружество Игоря. Россияне служат в Греции. Олег идет на Царьград. Мир с Греками. Договор с Империею. Кончина Олега

Рюрик, по словам летописи, вручил Олегу правление за малолетством сына. Сей опекун Игорев скоро прославился великою своею отважностью, победами, благоразумием, любовью подданных.

Весть о счастливом успехе Рюрика и братьев его, желание участвовать в их завоеваниях, и надежда обогатиться, без сомнения, привлекла многих Варягов в Россию. Князья рады были соотечественникам, которые усиливали их верную, смелую дружину. Олег, пылая славолубием Героев, не удовольствовался сим войском, но присоединил к нему великое число Новгородцев, Кривичей, Веси, Чуди, Мери, и в 882 году пошел к странам Днепровским. Смоленск, город вольных Кривичей, сдался ему, кажется, без сопротивления: чему могли способствовать единоплеменники их, служившие Олегу. Первая удача была зало-

гом новых, храбрый Князь, поручив Смоленск своему Боярину, вступил в область Северян и взял Любеч, древний город на Днепре. Но желания завоевателя стремились далее: слух о независимой Державе, основанной Аскольдом и Диром, благословенный климат и другие естественные выгоды Малороссии, еще украшенные, может быть, рассказами, влекли Олега к Киеву. Вероятности, что Аскольд и Дир, имея сильную дружину, не захотят ему добровольно поддаться, и неприятная мысль сражаться с единосемцами, равно искусными в деле воинском, принудили его употребить хитрость. Оставив назади войско, он с юным Игорем и с немногими людьми приплыл к высоким берегам Днепра, где стоял древний Киев, скрыл вооруженных ратников в ладьях, и велел объявить Государям Киевским, что Варяжские купцы, отправленные Князем Новгородским в Грецию, хотят видеть их как друзей и соотечественников. Аскольд и Дир, не подозревая обмана, спешили на берег, воины Олеговы в одно мгновение окружили их. Правитель сказал: *вы не Князья и не знаменитого роду, но я Князь* — и, показав Игоря, примолвил: *вот сын Рюриков!* Сим словом осужденные на казнь, Аскольд и Дир, под мечами убийц, пали мертвые к ногам Олеговым... Простота, свойственная нравам IX века, позволяет верить, что мнимые купцы могли призвать к себе таким образом Владетелей Киевских, но самое общее варварство сих времен не извиняет убийства жестокого и коварного. — Тела несчастных Князей были погребены на горе, где в Несторово время находился Ольмин двор, кости Дировы покоились за храмом Св. Ирины, над могилою Аскольда стояла церковь Св. Николая, и жители Киевские донныне указывают сие место на крутом берегу Днепра, ниже монастыря Николаевского, где врастает в землю малая, ветхая церковь.

Олег, обогранный кровию невинных Князей, знаменитых храбростию, вошел как победитель в город их, и жители, утраченные самым его злодеянием и сильным войском, признали в нем своего законного Государя. Веселое местоположение, судоходный Днепр, удобность иметь сообщение, торговлю или войну с разными богатыми странами — с Греческим Херсоном, с Козарскою Тавридою, с Болгариею, с Константинополем — пленили Олега, и сей Князь сказал: *да будет Киев матерью городов Российских!* Монархи народов образованных желяют иметь столицу среди Государства, во-первых, для того, чтоб лучше надзирать над общим его правлением, а во-вторых, и для своей безопасности, Олег, всего более думая о завоеваниях, хотел жить на границе, чтобы тем скорее нападать на чуждые земли, мыслил ужасать соседей, а не бояться их. — Он поручил дальние области Вельможам, велел строить города или неподвижные станы для войска, коему надлежало быть грозою и внешним неприятелем и внутренних мятежников, уставить также налоги общие. Славяне, Кривичи и другие народы должны были платить дань Варягам, служившим в России: Новгород давал им ежегодно 300 гривен тогдашней ходячей монетою Российскойю, что представляло цену ста пятидесяти фунтов серебра. Сию дань получали Варяги, как говорит Нестор, до кончины Ярославовой, с того времени летописи наши действительно уже молчат о службе их в России.

Обширные владения Российские еще не имели твердой связи. Ильменские Славяне граничили с Везью, Везь с Мерею, Мера с Муромою и с Кривичами, но сильные, от Россиян независимые народы обитали между Новымгородом и Киевом. Храбрый Князь, дав отдохнуть войску, спешил к берегам реки Припечи, там, среди лесов мрачных, Древляне свирепые наслаждались вольностию и встретили его с оружием, но победа увенчала Олега, и сей народ, богатый зверями, обязался ему платить дань черными куницами. В следующие два года Князь Российский овладел землею Днепровских Северян и соседственных с ними Радимичей. Он победил первых, освободил их от власти Козаров и, сказав: *я враг им, а не вам!* — удовольствовался самым легким налогом: верность и доброе расположение Северян были ему всего нужнее для безопасного сообщения юж-

ных областей Российских с северными. Радимичи, жители берегов Сожских, добровольно согласились давать Россиянам то же, что Козарам: по *шлягу*, или мелкой монете, с каждой сохи. Таким образом, соединив цепию завоеваний Киев с Новгородом, Олег уничтожил господство Хана Козарского в Витебской и Черниговской Губернии. Сей Хан дремал, кажется, в приятностях Восточной роскоши и неги: избылие Тавриды, долговременная связь с цветущим Херсоном и Константинополем, торговля и мирные искусства Греции усыпили воинский дух в Козарах, и могущество их уже клонилось к падению.

Покорив Север, Князь Российский обратил счастливое оружие свое к Югу. В левую сторону от Днепра, на берегах Сулы, жили еще независимые от Российской Державы Славяне, единоплеменные с Черниговцами, он завоевал страну их, также Подольскую и Волынскую Губернию, часть Херсонской и, может быть, Галицию, ибо Летописец в числе его подданных именует Дулебов, Тирисцев и Хорватов, там обитавших.

Но между тем как победоносные знамена сего Героя развевались на берегах Днестра и Буга, новая столица его увидела пред стенами своими многочисленные вежи, или шатры, Угров (Маджаров или нынешних Венгерцев), которые обитали некогда близ Урала, а в IX веке на Восток от Киева, в стране *Лебедии*, может быть, в Харьковской Губернии, где город Лебедин напоминает сие имя. Вытесненные Печенегами, они искали тогда жилищ новых, некоторые перешли за Дон, на границу Персии, другие же устремились на Запад: место, где они стояли под Киевом, называлось еще в Несторово время *Угорским*. Олег пропустил ли их дружелюбно, или отразил силою, неизвестно, сии беглецы переправились через Днепр и завладели Молдавиею, Бессарабиею, землею Волошскою.

Далее не находим никаких известий о предприятиях деятельного Олега до самого 906 года, знаем только, что он правил еще Государством и в то время, когда уже питомец его возмужал летами. Приученный из детства к повиновению, Игорь не дерзал требовать своего наследия от Правителя властолюбивого, окруженного блеском побед, славою завоеваний и храбрыми товарищами, которые считали его власть законною, ибо он умел ею возвеличить Государство. В 903 году Олег избрал для Игоря супругу, сию в наших летописях бессмертную Ольгу, славную тогда еще одними прелестями женскими и благонравием. Ее привезли в Киев из Плескова, или нынешнего Пскова: так пишет Нестор. Но в особенном ее житии и в других новейших исторических книгах сказано, что Ольга была Варяжского простого роду, и жила в веси, именуемой Выбутскою, близ Пскова, что юный Игорь, приехав из Киева, увеселялся там некогда звериною ловлею, увидел Ольгу, говорил с нею, узнал ее разум, скромность и предпочел сию любезную сельскую девицу всем другим невестам. Обыкновения и нравы тогдашних времен, конечно, дозволяли Князю искать для себя супруги в самом низком состоянии людей: ибо красота уважалась более знаменитого рода, но мы не можем ручаться за истину предания, неизвестного нашему древнему Летописцу, иначе он не пропустил бы столь любопытного обстоятельства в житии св. Ольги. Имя свое приняла она, кажется, от имени Олега, в знак дружбы его к сей достойной Княгине или в знак Игоревою к нему любви.

Вероятно, что сношение между Константинополем и Киевом не прерывалось со времен Аскольда и Дири, вероятно, что Цари и Патриархи Греческие старались умножать число Христиан в Киеве и вывести самого Князя из тьмы идолопоклонства, но Олег, принимая, может быть, Священников от Патриарха и дары от Императора, верил более всего мечу своему, довольствовался мирным союзом с Греками и терпимостию Христианства. Мы знаем по Византийским известиям, что около сего времени Россия считалась *шестидесятым Архиепископством* в списке Епархий, зависевших от Главы Константинопольского

Духовенства, знаем также, что в 902 году 700 Россов, или Киевских Варягов, служили во флоте Греческом, и что им платили из казны 100 литр золота. Спокойствие, которым Россия, покорив окрестные народы, могла несколько времени наслаждаться, давало свободу витязям Олеговым искать деятельности в службе Императоров, Греки уже издавна осыпали золотом так называемых варваров, чтобы они дикою храбростию своею ужасали не Константинополь, а врагов его. Но Олег, наскучив тишиною, опасною для воинственной Державы, или завидуя богатству Царяграда, и желая доказать, что казна робких принадлежит смелому, решился воевать с Империею. Все народы ему подвластные: Новгородцы, Финские жители Белаозера, Ростовская Меря, Кривичи, Северяне, Поляне Киевские, Радимичи, Дулебы, Хорваты и Тивирцы соединились с Варягами под его знаменами. Днепр покрылся *двумя тысячами* легких судов, на всяком было сорок воинов, *конница* шла берегом. Игорь остался в Киеве: Правитель не хотел разделить с ним ни опасностей, ни славы. Надлежало победить не только врагов, но и Природу, такими чрезвычайными усилиями, которые могли бы устрашить самую дерзкую предприимчивость нашего времени, и кажутся едва вероятными. Днепровские пороги и ныне мешают судоходству, хотя стремление воды в течение столетий и наконец искусство людей разрушили некоторые из сих преград каменных, в IX и X веке они должны были быть несравненно опаснее. Первые Варяги Киевские осмелились пройти сквозь их острые скалы и кипящие волны с двумястами судов, Олег со флотом в десять раз сильнейшим. Константин Багрянородный описал нам, как Россияне в сем плавании обыкновенно преодолевали трудности: бросались в воду, искали гладкого дна, и проводили суда между камнями, но в некоторых местах вытаскивали свои лодки из реки, влекли берегом или несли на плечах, будучи в то же самое время готовы отражать неприятеля. Доплыв благополучно до Лимана, они исправляли мачты, парусы, рули, входили в море и, держась западных берегов его, достигали Греции. Но Олег вел с собою еще сухопутное, конное войско, жители Бессарабии и сильные Болгары дружелюбно ли пропустили его? Летописец не говорит о том. Но мужественный Олег приблизился наконец к Греческой столице, где суверенный Император Леон, прозванный Философом, думал о вычетах Астрологию более, нежели о безопасности Государства. Он велел только заградить цепию гавань, и дал волю Олегу разорять Византийские окрестности, жечь селения, церкви, увеселительные дома Вельмож Греческих. Нестор, в доказательство своего беспристрастия, изображает самыми черными красками жестокость и бесчеловечие Россиян. Они плавали в крови несчастных, терзали пленников, бросали живых и мертвых в море. Так некогда поступали Гунны и народы Германские в областях Империи, так в сие же самое время, Норманы, единоплеменники Олеговы, свирепствовали в Западной Европе. Война дает ныне право убивать неприятелей вооруженных, тогда была она правом злодействовать в земле их и хвалиться злодеяниями... Сии Греки, которые все еще именовались согражданами Сципионов и Брутов, сидели в стенах Константинополя и смотрели на ужасы опустошения вокруг столицы, но Князь Российский привел в трепет и самый город.

В летописи сказано, что Олег поставил суда свои на колеса и силою одного ветра, на распушенных парусах, сухим путем шел со флотом к Константинополю. Может быть, он хотел сделать то же, что сделал после Магомет II: велел воинам тащить суда берегом в гавань, чтобы приступить к стенам городским, а баснословие, вымыслив действие парусов на сухом пути, обратило трудное, но возможное дело в чудесное и невероятное. Греки, уstraшенные сим намерением, спешили предложить Олегу мир и дань. Они выслали войску его съестные припасы и вино, Князь отвергнул то и другое, боясь отравы: ибо храбрый считает малодушного коварным. Если подозрение Олегово, как говорит Нестор, было

справедливо, то не Россиян, а Греков должно назвать истинными варварами X века. Победитель требовал 12 гривен на каждого человека во флоте своем, и Греки согласились, с тем условием, чтобы он, прекратив неприятельские действия, мирно возвратился в отечество. Войско Российское отступило далее от города, и Князь отправил Послов к Императору. Летопись сохранила Норманские имена сих Вельмож: Карла, Фарлафа, Веремиды, Рулава, Стемида. Они заключили с Константинополем следующий договор:

I. «Греки дают по 12 гривен на человека, сверх того *уклады* на города Киев, Чернигов, *Переяславль*, Полтеск, Ростов, Любеч и другие, где властвуют Князья, Олеговы подданные». Война была в сии времена народным промыслом, Олег, соблюдая обычай Скандинавов и всех народов Германских, долженствовал разделить свою добычу с воинами и Полководцами, не забывая и тех, которые оставались в России.

II. «Послы, отправляемые Князем Русским в Царьград, будут там всем довольствованы из казны Императорской. Русским гостям, или торговым людям, которые приедут в Грецию, Император обязан на шесть месяцев давать хлеба, вина, мяса, рыбы и плодов, они имеют также свободный вход в народные бани, и получают на возвратный путь съестные припасы, якори, снасти, парусы и все нужное».

Греки с своей стороны предложили такие условия: «I. Россияне, которые будут в Константинополе не для торговли, не имеют права требовать месячного содержания. — II. Да запретит Князь Послам своим делать жителям обиду в областях и в селах Греческих. — III. Россияне могут жить только у Св. Мамы, и должны уведомлять о своем прибытии городское начальство, которое запишет их имена и выдаст им месячное содержание: Киевским, Черниговским, Переяславским и другим гражданам. Они будут входить только в одни ворота городские с Императорским приставом, безоружные и не более пятидесяти человек вдруг, могут торговать свободно в Константинополе, и не платя никакой пошлины».

Сей мир, выгодный для Россиян, был утвержден священными обрядами Веры: Император клялся Евангелием, Олег с воинами оружием и богами народа Славянского, Перуном и Волосом. В знак победы Герой повесил щит свой на вратах Константинополя и возвратился в Киев, где народ, удивленный его славою и богатствами, им привезенными: золотом, тканями, разными драгоценностями искусства и естественными произведениями благословенного климата Греции, единогласно назвал Олега *вещим*, то есть мудрым, или волхвом.

Так Нестор описывает счастливый и славный поход, коим Олег увенчал свои дела воинские. Греческие Историки молчат о сем важном случае, но когда Летописец наш не позволял действовать своему воображению и в описании древних, отдаленных времен, то мог ли он, живучи в XI веке, выдумать происшествие десятого столетия, еще свежего в народной памяти? мог ли с дерзостью уверять современников в истине оного, если бы общее предание не служило ей порукою? Согласимся, что некоторые обстоятельства могут быть баснословны: товарищи Олега, хваляся своими подвигами, украшали их в рассказах, которые, с новыми прибавлениями, чрез несколько времени обратились в народную сказку, повторенную Нестором без критического исследования, но главное обстоятельство, что *Олег ходил к Царюграду и возвратился с успехом, кажется, достоверным*.

Доселе одни словесные предания могли руководствовать Нестора, но желая утвердить мир с Греками, Олег вздумал отправить в Царьград Послов, которые заключили с Империею договор письменный, драгоценный и древнейший памятник Истории Российской, сохраненный в нашей летописи. Мы изыясним единственно смысл темных речений, оставляя в целости, где можно, любопытную древность слога.

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ I

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
ОБ ИСТОЧНИКАХ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ДО XVII ВЕКА	13
<i>Глава I. О НАРОДАХ, ИЗДРЕВЛЕ ОБИТАВШИХ В РОССИИ. О СЛАВЯНАХ ВООБЩЕ</i>	
<i>Древние сведения Греков о России. Путешествие Аргонавтов. Тавры и Киммеряне. Гипербореи. Поселенцы Греческие. Ольвия, Пантикапея, Фанагория, Танаис, Херсон. Скифы и другие народы. Темный слух о землях полуночных. Описание Скифии. Реки, известные грекам. Нравы Скифов: их падение. Митридат, Геты. Сарматы, Аланы, Готфы, Венеды, Гунны, Анты, Угры и Болгары. Славяне: их подвиги. Авары, Турки, Огоры. Расселение Славян. Падение Аваров. Болгария. Дальнейшая судьба народов Славянских</i>	15
<i>Глава II. О СЛАВЯНАХ И ДРУГИХ НАРОДАХ, СОСТАВИВШИХ ГОСУДАРСТВО РОССИЙСКОЕ</i>	
<i>Происхождение Славян Российских. Поляне. Радимичи и Вятичи. Древяне. Дулебы и Бужане. Лутичи и Тивирцы. Хорваты, Северяне, Дреговичи, Кривичи, Полочане, Славяне Новгородские. Киев. Изборск, Полоцк, Смоленск, Любеч, Чернигов. Финские или Чудские народы в России. Латышские народы. Междоусобия Славян Российских. Господство и гибель Обров. Козары. Варяги. Русь</i>	24
<i>Глава III. О ФИЗИЧЕСКОМ И НРАВСТВЕННОМ ХАРАКТЕРЕ СЛАВЯН ДРЕВНИХ</i>	
<i>Их природное сложение и свойства: храбрость, хищность, жестокость, добродушие, гостеприимство. Брачное целомудрие. Жены и дети. Нравы Славян Российских в особенности. Жилища. Скотоводство и земледелие. Пища, одежда. Торговля. Искусства: зодчество, музыка, пляска, игры. Счисление. Имена месяцев. Правление. Вера. Язык и грамота</i>	32
<i>Глава IV. РЮРИК, СИНЕУС И ТРУВОР. Г. 862—879</i>	
<i>Призвание Князей Варяжских в Россию. Основание Монархии. Аскольд и Дир. Первое нападение Россиян на Империю. Начало Христианства в Киеве. Смерть Рюрика</i>	51
<i>Глава V. ОЛЕГ ПРАВИТЕЛЬ. Г. 879—912</i>	
<i>Завоевания Олеговы. Нашествие Угров. Супружество Игоря. Россияне служат в Греции. Олег идет на Царьград. Мир с Греками. Договор с Империєю. Кончина Олега</i>	54
<i>Глава VI. КНЯЗЬ ИГОРЬ. Г. 912—945</i>	
<i>Бунт Древян. Явление Печенегов. Нападение Игоря на Грецию. Договор с Греками. Убиение Игоря</i>	61
<i>Глава VII. КНЯЗЬ СВЯТОСЛАВ. Г. 945—972</i>	
<i>Правление Ольги. Хитрая месть. Мудрость Ольгина. Крещение. Россияне в Сицилии. Характер и подвиги Святослава. Взятие Белой Вежи. Завоевание Болгарии. Нашествие Печенегов. Кончина Ольги. Посольство в Германию. Первые Уделы в России. Вторичное завоевание Болгарии. Война с Цимискием. Договор с Греками. Наружность Святослава. Кончина его</i>	66

Глава VIII. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОПОЛК. Г. 972—980

Междоусобие князей. Первые деяния Владимировы. Брак Владимиров. Братоубийство. Послы Российские в Германии 77

Глава IX. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР, НАЗВАННЫЙ В КРЕЩЕНИИ ВАСИЛИЕМ. Г. 980—1014

Хитрость Владимира. Усердие к идолопоклонству. Женолюбие. Завоевание Галиции. Первые Христианские мученики в Киеве. Бунт Радимичей. Камская Болгария. Торки. Отчаяние Гориславы. Супружество Владимира и крещение России. Разделение Государства. Стрoение городов. Война с Хорватами и Печенегами. Церковь Десятинная. Набег Печенегов. Пирь Владимировы. Милосердие. Осада Белагорода. Бунт Ярослава. Кончина Владимирова. Свойства его. Сказки народные. Богатыри 79

Глава X. О СОСТОЯНИИ ДРЕВНЕЙ РОССИИ

Пределы. Правление. Законы гражданские. Военское искусство. Флоты. Чинопочаение и внутреннее образование войска. Торговля. Пышность и роскошь. Состояние городов. Деньги. Успехи разума. Механические и свободные художества. Нравы 90

ТОМ II**Глава I. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СВЯТОПОЛК. Г. 1015—1019**

Святополк — похититель престола. Добродетель Бориса. Братоубийства. Безрассудная жестокость Ярослава. Великодушие Новгородцев. Битва у Любеча. Союз Ярослава с Императором Немецким. Война с Болеславом Храбрым. Битва на Буге. Взятие Киева. Вторичное великодушие Новгородцев. Вероломное избиеение Поляков. Болеслав оставляет Россию. Черная река. Битва на Альте. Бегство и смерть Святополка 99

Глава II. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВ, ИЛИ ГЕОРГИЙ. Г. 1019—1054

Война с Полоцким Князем. Победы Мстиславовы. Падение Козарской Державы. Голод в Суздале. Битва у Листвена. Мир. Основание Юрьева, или Дерпта. Завоевания в Польше. Смерть Мстислава. Единовластие. Судислав заключен. Новые Уделы. Победа над Печенегами. Каменные стены и Собор Св. Софии в Киеве. Митрополит. Стрoение монастырей. Любовь Ярослава к книгам. Война с Ятвягами, Литвою, Мазовянами, Ямью. Поход на Греков. Древнее предсказание. Брачные союзы. Митрополит Россиянин. Наставление и кончина Ярослава. Гроб его. Свойства сего Князя. Крещение костей. Первое народное училище. Киев — второй Царьград. Монета Ярославова. Демественное пение. Россия — убежище изгнанников. Северные владения России. Законы 103

Глава III. ПРАВДА РУССКАЯ, ИЛИ ЗАКОНЫ ЯРОСЛАВОВЫ

Законы уголовные. Денежные пени за убийство. Вира. Гражданские степени. Дикая Вира. Поток. Пеня за удары. Двор Княжеский есть место суда. Охранение собственности. Воровство. Оценка вещей. Бортные знаки и межсвые столпы. Птицеловство. Зажигательство. Свод. Кража людей. Беглые. Кабала. Долги. Торговля рабов. Сохранение позитков. Росты. Улики, оправдания. Испытание железом и водою. Право наследственное. Судии. Присяжные. Общй характер законов. Устав о мостовых. Устав церковный . . . 112

Глава IV. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИЗЯСЛАВ, НАЗВАННЫЙ В КРЕЩЕНИИ ДИМИТРИЕМ. Г. 1054—1077

Уделы. Победа над Голядами и Торками. Половцы. Ужасные чудеса. Освобождение Судислава. Междоусобие. Поражение Россиян на берегах Алты. Мятeж в Киеве. Бегство Великого Князя. Разбитие Половцев. Киевляне хотят бежать в Грецию. Изяслав возвращается с Поляками. Киев, новая Капуя. Война с Полоцким Князем. Пренесение мощей Бориса и Глеба. Новое бегство Великого Князя. Изяслав у Немецкого Императора. Посольство Генрика IV в Киев. Письмо Папы к Изяславу. Россияне в Силезии. Возвращение Изяслава. Междоусобие. Смерть Великого Князя. Свойства его. Уничтожение смертной казни. Монастырь Киевпечерский. Россияне служат в Греции. Зависимость нашей Церкви от Греческой. Переписка с Патриархами. Пророки и волшебники 119

Глава V. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОД. Г. 1078—1093

Междоусобия. Олег в Родосе. Подвиги Мономаха. Убиение Ярополка. Нападение Болгаров на Муром. Засухи и мор. Землетрясение. Видения. Набеги Половцев. Слабость Великого Князя. Кончина его. Дочь Всеволодова за Генриком IV. Митрополит Иоанн. Его сочинение. Крестильницы. Праздник 9 Мая. Сношения с Римом 128

Глава VI. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СВЯТОПОЛК-МИХАИЛ. Г. 1093—1112

Великодушие Мономаха. Война с Половцами. Брак Святополков. Беспокойный Олег. Жалкое состояние южной России. Саранча. Победы. Вероломство Россиян. Междоусобия. Гордость Олега. Сожжение монастыря Киево-Печерского. Храбрость и добродушие Мстислава. Красноречивое Мономахово письмо. Вероломство Олегово. Великодушие Мстислава. Съезд Князей. Злодейство Давида и Святополка. Ослепление Василька. Слезы Мономаховы. Речь Митрополита. Прекрасная душа Василькова. Месть Ростиславичей. Корыстолюбие Поляков. Новое коварство Святополка. Умеренность Ростиславичей. Поражение Венгров. Междоусобия. Новый съезд Князей. Усмирение Давида. Строптивость Новгородцев. Совет Князей. Счастливая война с Половцами. Война с Мордовою и с Князьями Полоцкими. Бедствие Россиян в Семигалии. Новые успехи в войне с Половцами. Поход знаменитый. Имя Тмутороканя исчезает в летописях. Кончина Святополкова. Евреи в Киеве. Брачные союзы. Митрополиты. Князь Святоша. Св. Антоний Римлянин. Путешествие Даниила. Россияне в Иерусалиме. Конец Несторовой летописи. Старец Янь 131

Глава VII. ВЛАДИМИР МОНОМАХ, НАЗВАННЫЙ В КРЕЩЕНИИ ВАСИЛИЕМ. Г. 1113—1125

Грбят Жидов в Киеве. Мономах усмиряет мятеж. Новое пренесение мощей Бориса и Глеба. Закон о ростах. Победы в Ливонии, в Финляндии, в Болгарии, на Дону. Черные Клобуки. Беловежцы. Дела с Греками. Мономахова шапка. Царевич Леон. Усмирение Минского Князя и Новгородцев. Изгнание и бедствие Князя Владимирского. Венеры, Богемцы и Поляки в России. Их неудача. Плен Володаря. Смерть трех князей знаменитых. Кончина Мономахова. Свойства его. Поучение. Основание Владимира Залесского. Гада, супруга Мономахова. Ее дети. Сочинение Митрополита Никифора 145

Глава VIII. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МСТИСЛАВ. Г. 1125—1132

Набег Половцев. Изгнание Ярослава Черниговского. Начало особенных Княжений, Муромского и Рязанского. Удаление Половцев за Волгу. Междоусобие в юго-западной России. Ссылка Князей Полоцких в Грецию. Война с Чудью и Литвою. Кончина Мстислава. Голод. Древнейшая грамота 152

Глава IX. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОПОЛК. Г. 1132—1139

Неустройства. Дань Печорская. Завоевание Дерпта. Битва на Ждановой горе. Кровапролитие в южной России. Изгнание Князя из Новгорода. Великодушие Василька Полоцкого. Псков отделился от Новгорода. Устав о церковной дани. Новгородцы опять изгоняют Князя. Междоусобие в южной России. Мир и кончина Великого Князя. Столетняя вражда между потомками Олега и Мономаха. Галицкое Княжение. Характер Владимирка. Борис воюет с Королем Венгерским; является в стане Короля Французского; убит изменником 155

Глава X. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОД ОЛЬГОВИЧ. Г. 1139—1146

Всеволод изгоняет Вячеслава. Междоусобия. Мужество Андрея. Честность Всеволода. Его благоразумие. Равнодушие Новгородцев к Княжеской чести. Беспокойство в Новгороде. Смерть Андрея Доброго. Грабежи. Хитрость Всеволода. Россияне в Польше. Первая вражда Георгия с Изяславом. Мореходство Новгородцев. Браки. Поход на Галич. Иоанн Берладник. Всеволод избирает наследника. Дела Польские. Война с Галицким Князем. Мужество Воеводы Звенигородского. Кончина Всеволода 159

Глава XI. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИГОРЬ ОЛЬГОВИЧ

Вече в Киеве. Измена Киевлян. Речь Изяслава. Корыстолюбие Черниговских Князей. Предательство. Игорь взят в плен. Грабеж в Киеве 164

Глава XII. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИЗЯСЛАВ МСТИСЛАВИЧ. Г. 1146—1154

Строгость Великого Князя. Коварство Черниговских Князей. Добродушие Святослава. Георгий восстает на Изяслава. Богатство Княжеское. Игорь Схимник. Нежность Святослава в дружбе. Начало Москвы. Бродники. Поставление Российского Митрополита. Любовь к Мономаху. Измена Черниговских Князей. Убиение Игоря. Война междуусобная. Медленность Георгия. Народный обед в Новгороде. Речь Изяслава. Опустошение земли Суздальской. Несправедливость Великого Князя. Битва у Переяславля. Бегство Изяслава. Союз с Венграми, Богемцами и Поляками. Мужество Андрея. Памятник коню. Мир. Коварство Георгия. Новая вражда. Добросердечие Изяслава и Вячеслава. Победа Владимирова. Бодрость Андрея. Хитрость Владимирка. Твердость Изяслава. Воинская хитрость. Беспечность Георгия и торжество Изяслава. Ристание в Киеве. Справедливость Великого Князя. Признательность Вячеслава. Благодарность к Королю Венгерскому. Осада Киева. Мирлобие Вячеслава. Пылкость Андрея. Отступление Георгия. Усердие Киевлян. Битва. Изяслав ранен. Бегство и вероломство Георгия. Помощь Венгров. Речь Изяслава и победа. Притворство Владимирка. Простодушие Гейзы. Любовь Георгия к южной России. Вероломство Владимирка. Подвиги Андрея. Насмешка Владимирова. Печальная одежда. Смерть Владимирка. Речь Ярославла. Сомнительная победа. Брак Изяславов. Дела Новгородские. Кончина Изяслава. Характер его. Своеволие Полочан 165

Глава XIII. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ РОСТИСЛАВ-МИХАИЛ МСТИСЛАВИЧ. Г. 1154—1155

Любовь Киевлян к Вячеславу. Смерть его. Сановники придворные. Неблагоразумие и малодушие Ростислава. Гордость Мстислава. Своеволие Новгородцев. Киевляне поддаются Изяславу. Георгий вступает в Киев 184

Глава XIV. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ГЕОРГИЙ, или ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, ПРОЗВАНИЕМ ДОЛГОРУКИЙ. Г. 1155—1157

Уделы. Мстислав едет в Польшу. Тишина в России. Новое кровопролитие. Берендеи бьют Половцев. Союз с Половцами. Смятение в Новгороде. Союз против Георгия. Смерть его и свойства. Ненависть к нему. Дела церковные 186

Глава XV. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИЗЯСЛАВ ДАВИДОВИЧ КИЕВСКИЙ, КНЯЗЬ АНДРЕЙ СУЗДАЛЬСКИЙ, ПРОЗВАННЫЙ БОГОЛЮБСКИМ. Г. 1157—1159

Падение Великого Княжения Киевского. Новое сильное Княжение Владимирское. Происшествия в западной России. Мятельный дух Полочан. Раздор за Берладника. Бескорыстие Святослава. Неблагодарность Изяслава. Бегство Великого Князя. Странное завещание Митрополита. Мор в Новгороде 188

Глава XVI. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ РОСТИСЛАВ-МИХАИЛ ВТОРИЧНО В КИЕВЕ. АНДРЕЙ В ВЛАДИМИРЕ СУЗДАЛЬСКОМ. Г. 1159—1167

Злоба Изяслава. Союз Ростислава с Святославом. Город Берлад. Впадение Половцев. Андрей за Изяслава: властвует в Новгороде. Клевета на Ростислава. Ростислав изгнан. Смерть Изяслава. Берладник отравлен ядом в Греции. Ссора и мир Великого Князя со Мстиславом. Уделы. Набег Ляхов. Единовластие Андрея. Изгнание братьев его в Грецию. Кончина Святослава: ее следствия. Вероломство Епископа. Беспокойства в земле Полоцкой. Война с Болгарами. Победа над Шведами. Россияне бьют Половцев в степях. Кончина Великого Князя. Его свойства. Союзы и браки. Дела церковные 191

Глава XVII. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МСТИСЛАВ ИЗЯСЛАВИЧ КИЕВСКИЙ, АНДРЕЙ СУЗДАЛЬСКИЙ, или ВЛАДИМИРСКИЙ. Г. 1167—1169

Вероломство Владимира. Изгнание Святослава из Новгорода. Война с Половцами. Речь Мстислава. Клевета Бояр. Ненависть Андрея ко Мстиславу. Взятие и совершенное падение Киева 198

ТОМ III

Глава I. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ. Г. 1169—1174

Области Андрея. Набеги Половцев. Возвращение Мстислава в Киев. Кончина сего Князя. Война Андреева с Новымгородом. Мир. Набег Половцев. Кончина Глеба. Смерть вероломного Владимира. Киев отдан Смоленскому Князю. Сайгат, или трофеи Половецкие. Сын Андреев в Новеороде. Война с Болгарами. Ссора Андрея с Ростиславичами. Происшествия в Галиче. Свойство Мстислава Храброго. Осада Вышегорода. Коварство Черниговского Князя. Убиение Андрея. Мятеж в земле Суздальской. Ненависть к Андрею. Свойства его. Первая ересь. Злодей Епископ. Население Вятки 203

Глава II. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ II. Г. 1174—1176

Вече в Владимире. Добродушие Михаила. Гордость Ростовцев. Корыстолюбие Бояр. Торжество Михаила. Кончина и свойства сего Князя. Междоусобие в южной России . . 213

Глава III. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОД III ГЕОРГИЕВИЧ. Г. 1176—1212

Вероломство Ростовцев. Война с Князем Рязанским. Ослепление двух Князей. Славолюбие Мстислава и кончина его. Раздор Вел. Князя с Черниговским. Вероломство Святослава. Упреки Всеволоду. Великодушие Мономахова потомства. Осада Торжка. Политика Новгородцев. Браки. Война с Болгарами. Народ Литовский. Война с Половцами. Озonestрельное оружие. Бедствие Игоря. Мужество Владимира. Герой Всеволод. Торки и Беренди. Междоусобие в Рязани. Добродетели Ярослава Галицкого. Слабости и бедствие Кн. Владимира. Властолюбие Романа. Вероломство Короля Венгерского. Благородство сына Берладникова. Князь Владимир в Германии. Изгнание Венгров из Галича. Браки. Временная независимость Киева. Добродетели Владимира Глебовича. Беспоконства в Смоленске и Новеороде. Ссора с Варягами. Воинские подвиги. Бедствия Чуди. Немцы в Ливонии. Серебро Сибирское. Кончина и характер Святослава. Княжна Евфимия за Греческим Царевичем. Пирь в Киеве. Миролюбие Духовенства. Гнев Романа. Битва в Польше. Мятежный дух Ольговичей. Неблагодарность Романова. Политика Всеволодова. Строгость и великодушие Давида. Война с Половцами. Всеволод подчиняет себе Новгород. Слава и тиранство Романа. Опустошение Киева. Пострижение Рюрика. Посольство Папы к Роману. Ответ Романов. Характер сего Князя. Рюрик снова на престоле. Происшествия в Галиче. Константин в Новеороде. Князья Северские господствуют в Галиче. Бегство Романова семейства. Коварство Всеволода Черного. Бедствие Рязанских Князей. Хитрость Всеволода. Жестокость Вел. Князя. Смелость Мстислава. Мир с Ольговичами. Мятежи в Галиче. Неповиновение Константина. Кончина и характер Всеволода Великого. Мудрость Великой Княгини. Постриги. Князь Российский в Грузии. Разные бедствия. Взятие Цареграда. Немцы в Ливонии. Основание Риги. Орден Меченосцев. Духовная власть в Новеороде 216

Глава IV. ГЕОРГИЙ, КНЯЗЬ ВЛАДИМИРСКИЙ, КОНСТАНТИН РОСТОВСКИЙ.

Г. 1212—1216

Междоусобие. Изгнание Мономахова Дому из Южной России. Благоразумие Россиян в делах Веры. Подвиги Мстислава. Строгость Ярослава. Голод в Новеороде. Славная битва Липецкая. Великодушие Мстислава. Епископ Симон 248

Глава V. КОНСТАНТИН, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИРСКИЙ И СУЗДАЛЬСКИЙ.

Г. 1216—1219

Доброе сердце Константина. Дела Ливонские. Важное предприятие Мстислава. Пылкость юного Данила. Тиранство Венгров в Галиче. Убийство в Рязани. Смерть Константина 253

Глава VI. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ГЕОРГИЙ II ВСЕВОЛОДОВИЧ. Г. 1219—1224

Беспоконства в Новеороде. Великодушие Посадника. Дела церковные. Война. Устюг. Новгород Нижний. Освобождение Галича. Неблагоразумие Мстислава. Происшествия в Ливонии. Мужественный Вячко. Набег Литвы. Слух о Татарах 256

Глава VII. СОСТОЯНИЕ РОССИИ С XI ДО XIII ВЕКА

Права Великих Князей. Уделы. Княжеские съезды. Право наследственное. Враги внешние. Правление. Обряды и чины Двора. Войско. Торговля. Ганза. Договор с Немцами. Деньги. Художества. Науки. Поэзия. Нравы. Древнейшее путешествие в Россию 264

Глава VIII. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ГЕОРГИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ. Г. 1224—1238

Происхождение Татар. Чингисхан. Его завоевания. Половцы бегут в Россию. Мнения о Татарах. Совет Князей. Избиение Послов Татарских. Битва на Калке. Правило Татар. Победители скрываются. Удивление Россиян. Ужасные предзнаменования. Новые междуусобия. Набеги Литовские. Поход в Финляндию. Христианство в земле Корельской. Новгородцы жгут волшебников. Нелюбовь к Ярославу. Сношения с Папою. Бедствия Новгородцев. Происшествия в южной России. Льготные грамоты Вел. Ярослава. Землетрясение. Затмение солнца. Мятёж в Новгороде. Голод и мор. Услуга Немцев. Криводушие Михаила. Святая Евпраксия. Война с Немцами и с Литвою. Бедствие Смоленска. Подвиги Даниловы. Война с Мордвою. Мир с Болгарами. Мученик Авраамий. Смерть Чингисхана. Его завещания. Новое нашествие Татар, или Моголов. Ответ князей. Зараз. Взятие Рязани. Мужество Евпатия. Коломенская битва. Сожжение Москвы. Взятие Владимира. Опустошение многих городов. Битва на Сити. Герой Василько. Спасение Новгорода. Осада Козельска. Отшествие Батыева 273

ТОМ IV**Глава I. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВ II ВСЕВОЛОДОВИЧ. Г. 1238—1247**

Бодрость Ярослава. Свойства Георгия. Освобождение Смоленска. Междуусобия. Батый опустошает южную Россию. Красота Киева. Великодушие граждан. Осада и взятие Киева. Состояние России. Причина успехов Батыевых. Свойства и оружие Моголов. Происшествия в западной России. Спесь Венгерского Короля. Слава Александра Невского. Россия в подданстве Моголов. Кончина и свойства Ярослава. Убиение Михаила. Даниил, честимый в Орде. Любопытные известия о России и Татарах. Политика Даниилова. Даниил — король Галицкий 295

Глава II. ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ СВЯТОСЛАВ ВСЕВОЛОДОВИЧ, АНДРЕЙ ЯРОСЛАВИЧ И АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ.

(Один после другого.) Г. 1247—1263

Александр в Орде. Князь Московский убит Литвою. Дряхлость Батыева. Посольство из Рима. Болезнь Александрова. Посольство в Норвегию. Бегство Андреево. Благоразумие Александра. Ветреность Новгородцев. Смерть Батыева. Исчисление жителей в России. Казнь Бояр. Покушение Даниилово свергнуть его. Откупщики Бесерменские. Кончина и добродетели Александровы. Выходцы из чужих земель. Мятёжи в Орде 314

Глава III. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВ ЯРОСЛАВИЧ. Г. 1263—1272

Древнейшая грамота Новгородская. Брак Ярославов. Мятёжи в Литве. Война в Ливонии. Баскаки. Упреки Великому Князю. Мир Новгородцев с Ярославом. Татары принимают Веру Магометову. Кончина Ярослава. Перемены в Уделах. Князь Феодор, зять Ханов. Смерть и добродетели Короля Даниила. Происшествия в западной России. Основание Кафы. Город Крым 323

Глава IV. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ЯРОСЛАВИЧ. Г. 1272—1276

Спор о Новгородском Княжении. Моголы идут на Литву. Пруссы в Слониме и в Гродне. Кончина Василия. Собор 331

Глава V. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ДИМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Г. 1276—1294

Состояние России. Россияне в Дагестане. Копорье. Ссора Князей Ростовских. Междуусобие в Великом Княжении. Бедствие Курской области. Независимость Тверского Княжения. Опустошение России. Кончина Димитриева. Неустройства в Новгороде. Дела с Немцами и Шведами. Набеги Литвы. Дела с Польшею. Кончина Князя Владимира Вольнского. Добродетели Кирилла Митрополита. Смерть Ногаева 333

Глава VI. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. Г. 1294—1304

Браки. Свойства Андреевы. Суд князей. Сеймы Княжеские. Москва усиливается. Смелость Россиян. Смерть Данила Московского. Междоусобия в Княжениях. Война с Орденом Ливонским. Кончина и слава Довмонтова. Ландскрона. Мир с Даниею. Смерть Андреева. Разные бедствия. Митрополиты в Владимире. Кончина Льва Галицкого. Двинская грамота 342

Глава VII. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ МИХАИЛ ЯРОСЛАВИЧ. Г. 1304—1319

Спор о Великом Княжении. Злодейство Князя Московского. Дела Новгородские. Узбеки. Мужество Новгородцев. Георгий, зять Ханов. Умеренность и добродушие Михаила. Победа над Татарами. Суд в Орде. Пышная забава Ханская. Великодушная кончина Михайлова. Город Маджары. Разбои Моголов. Петр Митрополит. Ярлык Ханский. Разные бедствия 347

Глава VIII. ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬА ГЕОРГИЙ ДАНИИЛОВИЧ, ДИМИТРИЙ И АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧИ. (Один после другого.) Г. 1319—1328

Горсть Тверитян. Рубли. Война с Шведами. Дела с Немцами Ливонскими. Мир с Шведами в Орехове. Князь Устюжские. Убиение Георгия и Димитрия. Истребление Моголов в Твери. Мишение Ханское. Казнь Рязанского Князя. Литовцы—завоеватели. Сомнительное повествование Стриковского. Судья южной и западной России. Последний Князь Галицкий. Характер Гедимина 355

Глава IX. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИОАНН ДАНИИЛОВИЧ, ПРОЗВАНИЕМ КАЛИТА. Г. 1328—1340

Северная Россия отдыхает. Москва — глава России. Предсказание Митрополита. Милость Хана к Иоанну. Великодушие Псковитян. Особенный Епископ во Пскове. Происшествия Новгородские. Закамское серебро. Политика Новгорода. Хан прощает Александра. Иоанн повелевает Князьями. Несчастье Александра. Мир с Норвегиею. Неприязнь Шведов. Разбои Литовские. Ссора Иоаннова с Новымгородом. Поход к Смоленску. Кончина и достоинства Иоанновы. Прозвание Калиты. Кремник. Торг на Мологе. Завещание Великого Князя. Ярославская грамота. Судья Галича 361

Глава X. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СИМЕОН ИОАННОВИЧ, ПРОЗВАНИЕМ ГОРДЫЙ. Г. 1340—1353

Корыстолюбие Моголов. Твердость Симеона Гордого. Свойства Ольгердовы. Сношения Папы с Ордою. Убиение Коротопола. Дела Псковские и Новгородские. Постыдное дело Новгородцев. Война с Магнусом. Псков, брат Новгорода. Хитрость Ольгердова. Враки. Раздел Западной России. Ссора Псковитян с Литвою. Ольгерд—миротворец. Черная Смерть. Земной рай. Белый Клобук. Кончина Симеона. Великий Князь всея Руси. Привидение. Завещание. Св. Алексей. Ссоры удельных князей. Обновление Муром. Начало Троицкой Лавры. Художества в России 373

Глава XI. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИОАНН II ИОАННОВИЧ. Г. 1355—1359

Характер Великого Князя. Жестокость Олега, Властолюбие Ольгерда. Междоусобия. Действия духовной власти в Новгороде. Убийство в Москве. Дела церковные. Добродетели Св. Алексия. Слова юного Димитрия. Смерть и завещание Великого Князя. Начало Княжества Молдавского и Волошского 382

Глава XII. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ДИМИТРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ. Г. 1359—1362

Царевичи Мозольские Христианской веры. Наследственное право. Приобретения Ольгердовы. Мятужи в Орде. Суд Князей с Болгарами. Москва удерживает право Великого Княжения. Отрок Димитрий 387

ТОМ V

Глава I. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ДИМИТРИЙ ИОАННОВИЧ, ПРОЗВАНИЕМ ДОНСКОЙ.
Г. 1363—1389

Гнев Ханский. Стеснение Князей Удельных. Договор. Усмирение Князя Нижегородского. Язва. Великий пожар. Каменный Кремль. Частные победы над Моголами. Разбои Новгородской волыницы. Междоусобия Тверских Князей. Запустение Херсона. Нашествие Литвы. Война с Ордемом. Сила Мамая. Вторичное нашествие Ольгерда. Благодарение Михаила Тверского. Любовь народная к Димитрию. Знамена. Возвращение Великого Князя из Орды. Война с Олегом. Новое впадение Литвы. Междоусобие. Третье нашествие Ольгерда. Избиение Татар в Нижнем. Последний Тысяцкий в Москве. Война с Тверским Князем. Первая смертная казнь в Москве. Поход в Болгарию. Начало Казани. Нашествие Моголов. Пословица. Победа над Моголами. Успехи в войне с Литвою. Дела церковные. Нашествие Мамаево. Измена Олега. Славная битва Куликовская. Тамерлан. Нашествие Тохтамыша. Мужественный Князь Остей. Приступ к столице. Вероломство Тохтамыша. Взятие и разрушение Москвы. Скорбь Димитрия. Изгнание Олега. Восстановление Москвы. Изгнание Митрополита. Ненависть Князя Тверского к Димитрию. Сын Димитриев в Орде. Тяжкая дань. Мир с Олегом. Сора и мир с Новымгородом. Крещение Литвы. Жестокость Князя Смоленского. Бегство сына Димитриево из Орды. Смерть Князя Нижегородского. Вражда между Великим Князем и Владимиром. Их примирение. Новый порядок наследства. Кончина Великого Князя. Свойства Димитриево. Строение городов и монастырей. Дела церковные. Ересь Стригольников. Крещение Перми. Сношения с Грецією. Путешествие Пимена. Италиянцы в нашей службе. Деньги вместо кун. Огнестрельное искусство в России. Кометы. Зима до 20 Апреля 391

Глава II. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ДИМИТРИЕВИЧ. Г. 1389—1425

Великое Княжение сделалось наследием Владетелей Московских. Характер Аристократии. Договор. Политика Василиева. Брак. Великий Князь в Орде. Разорение Вятки. Нижний Новгород и Суздаль присоединены к Москве. Дела с Новымгородом. Нашествие Тамерлана. Славная икона Владимирская. Бедствие Азова. Дела Литовские. Взятие Смоленска. Свидание Великого Князя с Витовтом. Россия Литовская. Дела Новгородские. Происшествия в Орде. Замыслы Витовта. Наши завоевания в Болгарии. Война Витовта с Моголами. Эдией. Кончина Князя Тверского. Временная независимость Великого Княжения. Удача и неблагоприятие Князя Смоленского. Политика Витовта. Неудовольствия Новгородцев. Злодейство Князя Смоленского. Разрыв с Литвою. Свидригайло. Война с Ливониею. Нашествие Эдигея. Письмо Эдигеево. Кончина Владимира Храброго. Происшествия в Орде. Дела Новгородские. Язва. Голод. Мысль о преставлении света. Кончина и характер Василия. Завещание. Договор с Рязанским Князем. Дары, посланные в Грецию. Дочь Василиева за Императором. Дела церковные. Судная грамота. Разные известия. Добродетель супруги Донского 428

Глава III. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ТЕМНЫЙ. Г. 1425—1462

Чудо. Междоусобие. Язва. Нашествие Литвы. Съезд в Литве. Характер Витовта. Происшествия Литовские. Набеги Татар. Суд в Орде. Междоусобия. Злодейство. Распря с Новымгородом. Рождение Иоанна Великого. Дань Ординская. Изгнанный Хан в Белеве. Царство Казанское. Смерть Димитрия Красного. Собор Флорентийский. Новая вражда. Дела Новгородские. Войны. Храбрость Мустафы. Нашествие Царя Казанского. Плен Великого Князя. Ужас и бедствие Москвы. Разбой Князя Тверского. Освобождение Василия. Землетрясение. Злодейство Шемякино. Ослепление Великого Князя. Безрасудность Шемяки. Пословица. Вероломство. Смирение Василия. Обручение юного Иоанна. Изгнание Шемяки. Клятва. Благодарное правление Василиево. Булла Папы. Иоанн Соправитель. Договоры. Достопамятное послание. Последняя из знаменитых битв Княжеского междоусобия. Нашествие Татар. Смерть Шемяки. Успехи Единовластия. Усмирение Новгорода. Рязанский Князь воспитывается в Москве. Неблагодарность Василиева. Покорение Вятки. Дела Псковские. Набеги Татар. Кончина и свойства Василиева. Жестокость тогдашних нравов. Суеверие. Перемена монеты в Новгороде. Дела церковные. Взятие Константинополя Турками. Начало Крымской Орды 465

Глава IV. СОСТОЯНИЕ РОССИИ ОТ НАШЕСТВИЯ ТАТАР ДО ИОАННА III

Сравнение России с другими Державами. Следствие нашего ига. Введение смертной казни и телесных наказаний. Благое действие Веры. Изменение гражданского порядка. Начало Самодержавия. Медленные успехи Единодержавия. Постепенная знаменитость Москвы. Зло имеет и добрые следствия. Выгоды Духовенства, характер нашего. Мы не приняли обычаев Татарских. Правосудие. Искусство ратное. Происхождение Козаков. Купечество. Изобретения. Художества. Словесность. Пословицы. Песни. Язык 504

ТОМ VI

Глава I. ГОСУДАРЬ ДЕРЖАВНЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ИОАНН III ВАСИЛИЕВИЧ. Г. 1462—1472

Вступление. Князь Рязанский отпущен в свою столицу. Договор с Князьями Тверским и Верейским. Дела Псковские. Ахмат восстает на Россию. Всеобщая мысль о скором претавлении света. Кончина супруги Иоанновой. Избрание нового Митрополита. Походы на Казань. Война с Новымгородом. Явление Комет. Завоевание Перми. Нашествие Ахмата на Россию. Смерть Юрия, Иоаннова брата 521

Глава II. ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА. Г. 1472—1477

Брак Иоаннов с Греческою Царевною. Посольства из Рима и в Рим. Заключение Ивана Фрязина и Тревизана, Посла Венецианского. Прение Легата Папского о Вере. Следствия Иоаннова брака для России. Выезжие Греки. Братья Софиины. Посольство в Венецию. Зодчий Аристотель строит в Москве храм Успения. Строение других церквей, палат и стен Кремлевских. Лютот пушки, чеканят монету. Дела с Ливониею, с Литвою, с Крымом, с Большою Ордою, с Персиею. Посол Венецианский Контарини в Москве 538

Глава III. ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА. Г. 1475—1481

Совершенное покорение Новгорода. Обзорение истории его от начала до конца. Рождение Иоаннова сына, Василия-Гавриила. Посольство в Крым. Свержение ига Ханского. Ссора Великого Князя с братьями. Поход Ахмата на Россию. Красноречивое послание Архиепископа Вассиана к Великому Князю. Разорение Большой Орды и смерть Ахмата. Кончина Андрея Меньшого, брата Иоаннова. Посольство в Крым 551

Глава IV. ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА. Г. 1480—1490

Война с Ливонским Орденом. Литовские Дела. Хан Крымский опустошает Киев. Сыновья Ахматовы воюют с Крымским Ханом. Король Венгерский Матфей в дружбе с Иоанном. Брак сына Иоаннова с Еленою, дочерью Стефана, Господаря Молдавского. Завоевание Твери. Присоединение Удела Верейского к Москве. Князья Ростовские, Ярославские лишены прав Владетельных. Происшествия Рязанские. Покорение Казани. Сношения с Ханом Крымским. Посольство Муртозы, сына Ахматова, в Москву. Посольство Ногайское. Покорение Вятки. Завоевание земли Арской. Кончина Иоанна Младого. Казнь врача. Собор на еретиков Жидовских. Свержение Митрополита, избрание нового 573

Глава V. ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА. Г. 1491—1496

Заключение Андрея, Иоаннова брата. Смерть его и Бориса Василиевича. Посольства Императора Римского и наши к нему. Открытие Печерских рудников. Посольство Датское, Чагатайское, Иверское. Первое дружелюбное сношение с Султаном. Посольства в Крым. Литовские дела. Смерть Казимира, сын его, Александр, на троне Литовском. Неприятельские действия против Литвы. Переговоры о мире и сватовстве. Злоумышление на жизнь Иоаннову. Посольство Князя Мазовецкого в Москву. Мир с Литвою. Иоанн отдает дочь свою, Елену, за Александра. Новые неудовольствия между Россиею и Литвою 586

Глава VI. ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА. Г. 1495—1503

Заложен Иваньгород. Гнев Великого Князя на Ливонских Немцев и заключение всех купцов Ганзейских в России. Союз с Даниею. Война с Шведами. Иоанн в Новгороде. Поход на Гамскую землю, или Финляндию. Дела Казанские. Первое наше Посольство в

Константинополь. Рязанская Княгиня в Москве и выдает дочь за Бельского. Гнев Иоаннов на супругу и сына Василия. Великий Князь торжественно венчает на Царство внука своего, юного Дмитрия Иоанновича, мирится с супругою, казнит Бояр и называет Василия Великим Князем Новгорода и Пскова. Посол из Шамахи. Посольство в Венецию и в Константинополь. Завоевание земли Югорской, или северо-западной Сибири. Послан Воевода в Казань. Разрыв с Литвою. Князья Черниговский и Рьльский поддаются Иоанну. Завоевание Мценска, Серпейска, Брянска, Путивля, Дорогобужа. Князья Трубчевские добровольно покоряются. Местничество наших Воевод. Битва на берегах Ведроши. Хан Крымский опустошает Литву и Польшу. Союз Александра с Ливонским Орденом. Переговоры о мире. Александр избран в Польские Короли. Новая победа над Литвою близ Мстиславля. Война с Орденом. Сражение близ Изборска. Болезнь в Ливонской рати. Россияне опустошают Ливонию. Царь Большой Орды, Ших-Ахмет, помогает Литве. Хан Крымский совершенно истребляет сии остатки Батыева Царства. Александр вероломно заключает Ших-Ахмета. Досада Хана Крымского на Великого Князя. Иоанн, заключив невестку и внука, объявляет Василия наследником. Разрыв с Стефаном Молдавским. Смерть Стефанова. Осада Смоленска. Битва с Магистром Ливонским близ Пскова. Папа старается о мире. Перемирие с Литвою и с Орденом. Хитрость Великого Князя. Александр безрассудно досаждаёт ему 604

Глава VII. ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННОВА.

Г. 1503—1505

Кончина Софии и болезнь Иоаннова. Завещание. Суд и казнь еретиков. Посольство Литовское. Сношение с Императором. Василий женится на Соломонии. Измена Царя Казанского. Впадение его в Россию. Кончина Великого Князя. Тогдашнее состояние Европы. Иоанн творец величия России. Устроил лучшее войско. Утвердил Единовластие. Имя Грозного. Жестокость его характера. Мнимая нерешительность есть осторожность. Название Великого, присланное ему иностранцами. Сходство с Петром I. Титул Царский. Белая Россия. Умножение доходов. Законы Иоанновы. Городская и земская полиция. Соборы. Поставление Кесарийского Митрополита в Москве. Российский монастырь на Афонской горе. Капкан Августинского Ордена принимает Греческую Веру. Некоторые бедствия Иоаннова века. Древнейшее описание Княжеской свадьбы. Путешествие в Индию 625

ТОМ VII

Глава I. ГОСУДАРЬ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВАСИЛИЙ ИОАННОВИЧ.

Г. 1505—1509

Тесное заключение и смерть Иоаннова внука, Дмитрия. Общий характер Василиева правления. Посольство в Тавриду. Царевич Казанский принимает Веру нашу и женится на сестре Великого Князя. Поход на Казань. Дела Литовские. Война с Сигизмундом, Александровым наследником. Мир. Союз с Менгли-Гиреем. Освобождение Летифа. Неудовольствия нашего Посла в Тавриде. Мирный договор с Ливониею. Дела Пскова; конец его гражданской вольности 641

Глава II. ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ВАСИЛИЕВА.

Г. 1510—1521

Взаимные досады Василиевы и Сигизмундовы. Намерение брата Василиева, Симеона, бежать в Литву. Приезд Царицы Нурсалтан в Москву. Раскаяние Магмет-Аминя. Разрыв с Менгли-Гиреем. Набег Крымцев. Война с Литвою. Союз с Императором Максимилианом. Мирный договор с Ганзою. Посольство Турецкое. Взятие Смоленска. Измена Глинского. Битва Оршинская. Измена Епископа Смоленского. Приступ Острожского к Смоленску. Набег Крымцев. Вторичное Посольство к Султану. Смерть Менгли-Гирея. Посольство от нового Хана, Магмет-Гирея, и наше к нему. Болезнь и Посольство Царя Казанского. Впадение Крымцев. Союз с Королем Датским и с Немецким Орденом. Посольство Императора Максимилиана. Послы Литовские. Приступ Острожского к Опочке. Переговоры о мире. Посольство к Максимилиану. Новые Послы от Императора. Смерть Летифа. Возобновление союза с Крымом. Смерть Магмет-Аминя. Шиг-Алей Царем в Казани. Крымцы опустошают

Литву. Посольство к Султану. Сношения с Магистром и с Папою. Магистр в войне с Польшею. Поход Воевод на Литву. Слабость Немецкого Ордена. Посольство к Султану. Бунт в Казани. Нападение Магмет-Гирея на Россию. Хабар Симский. Суд Воевод. Стан под Коломною. Посол Солиманов. Посольство Литовское и перемирие. Конец Немецкого Ордена в Пруссии. Новое перемирие с Ливонским Орденом 654

Глава III. ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ВАСИЛИЕВА. Г. 1521—1534

Присоединение Рязани к Москве. Заключение Князя Шемкина. Хан Крымский взял Астрахань. Злодейства в Казани. Бедствие Крыма. Хан Сайдет-Гирей. Походы на Казань. Пострижение Великой Княгини. Новый брак Великого Князя. Сношения с Римом, с Императором Карлом V. Перемирие с Литвою. Дружество с Густавом Вазою. Посольства Солимановы. Набег Крымцев. Рать на Казань. Новый Царь в Казани. Заточение Шиг-Алея. Рождение Царя Иоанна Васильевича. Посольства Астраханские, Молдавские, Ногайское, Индейское. Набег Крымцев. Болезнь и кончина Великого Князя. Характер Василиев. Строгость и милость. Дело Максима Грека. Жалобы на Великого Князя. Образ жизни Василия, охота, Двор, обеды, титул. Иноземцы в Москве. Законы. Строения. Церковные деяния. Разные бедствия. Великие современники Василиевы. Раскол Лутеров 676

Глава IV. СОСТОЯНИЕ РОССИИ. Г. 1462—1533

Правление. Войско. Правосудие. Торговля. Деньги. Бережливость Государей. Дороги и почта. Москва. Свойства и обычаи. Великокняжеская свадьба. Въезд Послов. Иноземцы. Словесность. Известия о Востоке и Севере России. 701

ТОМ VIII

Глава I. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ И ЦАРЬ ИОАНН IV ВАСИЛЬЕВИЧ II. Г. 1533—1538

Беспокойство Россиян о малолетстве Иоанна. Состав Государственной Думы. Главные Вельможи, Глинский и Телепнев. Присяга Иоанну. Заключение Князя Юрия Иоанновича. Общий страх. Измена Князя Симеона Бельского и Пятцкого. Заключение и смерть Михаила Глинского. Смерть Князя Юрия. Бегство умысел и заключение Князя Андрея Иоанновича. Казнь Бояр и Детей Боярских. Смерть Князя Андрея. Дела внешние. Перемирие с Швециею и с Ливониею. Молдавия. Посланник Турецкий. Астрахань. Дела Ногайские. Посольство к Карлу V. Присяга Казанцев. Гордый ответ Сигизмундов. Нападение Крымцев. Война с Литвою. Ислам господствует в Тавриде. Строеие крепостей в Литве. Набег Крымцев. Литовцы берут Гомель и Стародуб. Мятаж Казани. Шиг-Алей в милости. Война с Казанью. Победа над Литвою. Крепости на Литовской границе. Перемирие с Литвою. Дела Крымские. Смерть Ислама. Угрозы Саип-Гирея. Строеие Китая-города и новых крепостей. Перемена в цене монеты. Общая нелюбовь к Елене. Кончина Правительницы 715

Глава II. ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННА IV. Г. 1538—1547

Падение и смерть Князя Телепнева. Господство Князя Василия Шуйского. Освобождение Князей Ивана Бельского и Андрея Шуйского. Смута Боярская. Князь Иван Бельский снова заключен. Смерть Князя Василия Шуйского. Господство его брата. Свержение Митрополита; избрание Иоасафа. Характер Князя Ивана Шуйского и грабежи внутри Государства. Набеги внешних неприятелей. Посольства в Царьград, в Стокгольм. Договор с Ганзою. Союз с Астраханью. Посольства Ногайские. Заговор против Шуйского. Освобождение Князя Ивана Бельского и власть его. Прощение Князя Владимира Андреевича и его матери. Облегчают судьбу Князя Димитрия Улицкого. Прощение Князя Симеона Бельского. Впадение Царя Казанского. Нашествие Хана Крымского. Великодушие народа и войска. Бегство неприятеля. Смута Бояр; падение Князя Ивана Бельского. Ссылка Митрополита. Новое господство Князя Ивана Шуйского. Посвящение Макария. Перемирие с Литвою. Набеги Крымцев, Ногаев. Дела Казанские. Сношения с Астраханью, с Молдавиею. Перемена в Правлении. Наглость Шуйских. Худое воспитание Иоанна. Заговор против главных Вельмож. Падение Шуйских. Власть Глинских. Жестокость Правления. Доброе согласие с Литвою. Рать на Казань. Шиг-Алей Царем в Казани и бежит оттуда. Поход к устью Связи. Путешествия Великого Князя и неудовольствия народа 728

Глава III. ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННА IV. Г. 1546—1552

Царское венчание Иоанна. Брак Государев. Добродетели Анастасии. Пороки Иоанновы и худое Правление. Пожары в Москве. Бунт черни. Чудное исправление Иоанна. Сильвестр и Адашев. Речь Государева на Лобном месте. Перемена Двора и властей. Кротость Правления. Судебник. Обуздание Местничества. Стоглав. Уставные грамоты. Избрание Присяжных. Учреждения Церковные. Намерение просветить Россию. Воинские деяния. Поход на Казань. Перемирие с Литвою. Дела Крымские. Смерть Царя Казанского. Поход на Казань. Избрание места для новой крепости. Впадение Ногаев. Основание Свяяжска. Покорение Горной Стороны. Ужас Казанцев. Мирные условия с ними. Сююмбака. Новое воцарение Шиг-Алея. Освобождение пленников. Неверность Казанцев и жестокость их Царя. Переговоры с Алеем. Царь оставляет Казань. Последняя измена Казанцев 741

Глава IV. ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННА IV. Г. 1552

Приготовления к походу Казанскому. Отношения России к Западным державам. Освобождение старца, Князя Булгакова. Строеие новых крепостей. Начало Донских Козаков; Новый Хан в Тавриде. Дела Астраханские. Болезнь в Свяяжске. Едигер Царь в Казани. Послание Митрополита к Свяяжскому войску. Совет о Казани. Выезд Государев. Нашествие Хана Крымского. Приступ к Туле. Бегство Хана. Наши трофеи. Ропот в войске. Поход. Осада. Первая битва. Буря. Ставят туры. Сильная вылазка. Действие бойниц. Наездник Князь Япанча. Утомление воинов. Разделение полков. Истребление Япанчина войска. Ожесточение Казанцев. Взорвание тайника. Уныние Казанцев. Деятельность Иоаннова. Взятие острога и города Арского. Нападения Луговой Черемисы. Мнимые чародейства. Построение высокой башни. Предложения Казанцам. Кровопрлитное дело. Взорвание тарас. Занятие Ареной башни. Последнее предложение Казанцам. Устроение войска для приступа. Взорвание подкопов и приступ. Геройство с обеих сторон. Корыстолобие многих воинов. Великодушие Иоанна и Бояр. Доблесть Князя Курбского. Взятие Казани. Водружение креста у ворот Царских. Въезд Государев в Казань. Освобождение Российских пленников. Речь Иоанна к войску. Пир в стане. Подданство Арской области и Луговой Черемисы. Торжественное вступление в Казань. Зрелище Казани. Учреждение Правительства. Совет Вельмож. Возвратный путь Государя в Москву. Рождение Царевича. Встреча Иоанну. Речь Государева к Духовенству. Ответ Митрополитов. Пир во дворце и дары Иоанновы 757

Глава V. ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ ИОАННА IV.

Г. 1552—1560

Крещение Царевича Димитрия и двух Царей Казанских. Язва. Мятежи в земле Казанской. Болезнь Царя. Путешествие Иоанново в Кириллов монастырь. Смерть Царевича. Важная беседа Иоаннова с бывшим Епископом Вассианом. Рождение Царевича Иоанна. Бегство Князя Ростовского. Ересь. Усмирение мятежей в Казанской земле. Учреждение Епархии Казанской. Покорение Царства Астраханского. Посольства Хивинское, Бухарское, Шавкалское, Тюменское, Грузинское, Подданство Черкесов. Дружба с Ногаями. Дань Сибирская. Прибытие Английских кораблей в Россию. Посол в Англию. Дела Крымские. Письмо Солиманов. Впадение Крымцев. Война Шведская. Сношения с Литвою. Нападение Дьяка Ржевского на Ислам Кирмень. Князь Вишневецкий вступает в службу к Царю и берет Хортицу. Завоевание Темрюка и Тамана. Мор в Ногайских и Крымских Улусах. Усердие Вишневецкого. Предложение союза Литве. Дела Ливонские. Важный замысел, приписываемый Иоанну. Состояние Ливонии. Новое могущество России. Лучшее образование войска. Начало войны Ливонской. Взятие Нарвы. Завоевание Нейшлоса, Адежа, Нейгауза. Великодушие Дерптского Бургомистра. Бегство Магистра. Новый Глава Ордена. Взятие Дерпта и многих других городов. Кетлер берет Ринген. Россияне опустошают Ливонию и Курляндию. За Ливонию ходатайствуют Короли Польский, Шведский, Датский. Иоанн дает перемирие Ливонии. Нашествие Крымцев. Впадение Россиян в Тавриду. Союз Ливонии с Августом. Магистр нарушает перемирие. Славная защита Лаиса. Угрозы Августовы. Гонец от Императора. Новое разорение Ливонии. Взятие Мариенбурга. Победы Князя Курбского. Кончина Царицы Анастасии 777

ТОМ IX

Глава I. ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИОАННА ГРОЗНОГО. Г. 1560—1564

Перемена в Иоанне. Клевета на Адашева и Сильвестра. Суд. Заточение Сильвестра. Смерть Адашева. Начало злу. Новые любимцы. Первые казни. Война Ливонская. Великодушие Беля. Взятие Феллина. Слово Царя Казанского. Конец Ордена. Переговоры с Швецией. Война с Литвою. Второй брак Иоаннов. Взятие Полоцка. Рождение Царевича Василия. Торжество Иоанново. Смерть Царевича. Дела Крымские. Замысел Султана. Происшествия в Ливонии. Перемирие с Швецией. Злонравие супруги Иоанновой. Кончина Князя Юрия. Пострижение Иоанновой невестки и матери Князя Владимира. Кончина Макария. Сочинение Житий Святых и Степенной Книги. Заведение Типографии. Издание Библии в Остроге. Полоцкая Архиепископия. Белый клобук Митрополитов. Посвящение Афанасия в Митрополиты 815

Глава II. ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИОАННА ГРОЗНОГО.

Г. 1563—1569

Переговоры и война с Литвою. Бегство Россиян в Литву. Измена Князя Андрея Курбского. Переписка его с Царем. Нападение Литвы и Крымцев. Посольство Великого Магистра Немецкого. Таинственный отъезд Иоаннов. Письмо Царя к Митрополиту и к народу. Ужас в Москве. Учреждение Опричнины. Вторая эпоха казней. Александровская Слобода. Монашеская жизнь Иоаннова. Иноземные любимцы Иоанновы. Великодушие Митрополита Филиппа. Третья эпоха убийств. Язва. Воинские действия и переговоры. Земская Дума. Перемирие с Литвою. Дела Шведские. Важное предпрятие Султана. Бедствие Турков. Сношения с Персией. Дань Сибирская. Торговля. Посольства Английские. Замысел Иоаннов бежать в Англию. Злодей Бомелий 830

Глава III. ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИОАННА ГРОЗНОГО. Г. 1569—1572

Кончина Царицы. Четвертая, ужаснейшая эпоха мучительства. Запустение Новгорода. Спасение Пскова. Казни в Москве. Царские шуты. Голод и мор. Сношения с Литвою. Королевство Ливонское. Милость Царя к Магнусу. Посольство в Константинополь. Нашествие Хана. Сожжение Москвы. Новое супружество Иоанново. Пятая эпоха душегубства. Смерть Царицы. Путешествие Иоанново в Новгород. Дела Шведские. Четвертый брак Иоаннов. Союз с Елисаветою. Переговоры с Даниею и с Литвою. Отбытие Иоанна в Новгород. Нашествие Хана. Знаменитая победа Князя Воротынского. Письмо к Королю Шведскому 858

Глава IV. ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИОАННА ГРОЗНОГО. Г. 1572—1577

Уничтожение Опричнины. Годунов. Дела Крымские. Сношения с Литвою. Война в Эстонии. Бунт в Казанской области. Брак Магнуса. Перемирие с Швецией. Дела Польские. Союз с Австрией. Избрание Батория в Короли. Война Ливонская. Измена Магнусова. Письмо к Курбскому. Шестая эпоха казней. Местничество. Пример верности. Пятое и шестое супружество Иоанново 879

Глава V. ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИОАННА ГРОЗНОГО. Г. 1577—1582

Переговоры с Австрией. Договор с Даниею. Дела Крымские. Переговоры и война с Баторием. Чудесное дело Московских пушкарей. Взятие Полоцка, Сокола. Письмо Курбского. Собор в Москве. Посольство к Императору и к Папе. Завоевание Великих Лук. Бедствия России. Седьмое супружество Иоанново. Неслыханное уничтожение. Письмо к Баторию; ответ его. Посольство от Папы. Славная осада Пскова. Шведы берут Нарву. Переговоры о мире. Заключение перемирия. Сыноубийство. Мысль Иоаннова оставить свет. Врач Строганов. Беседы Иоанновы с Римским Послом 901

Глава VI. ПЕРВОЕ ЗАВОЕВАНИЕ СИБИРИ

Первые сведения о Сибири. Известия о Татарской Державе в Сибири. Древнейшее путешествие Россиян в Китай. Знатные купцы Строгановы. Неверность Царя Кучюма. Разбой Козаков. Ермак. Поход на Сибирь. Гнев Иоаннов. Подвиги Ермаковы. Битвы. Ночной совет Козаков. Решительная битва. Взятие Искера, или города Сибири. Строгость Ермака.

Пленение Царевича Маметкула. Дальнейшие завоевания. Посольство в Москву. Радость в Москве. Послание рати в Сибирь. Новые завоевания. Жалованье Царское. Болезни и голод в Сибири. Неосторожность Козаков. Осада Искера. Последние завоевания Ермаковы. Гибель Ермака. Изображение Героя Сибирского. Козаки оставляют Сибирь 931

Глава VII. ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИОАННА ГРОЗНОГО.
Г. 1582—1584

Война и перемирие с Швецией. Дела Литовские. Бунт Черемисский. Сношения с разными Державами и в особенности с Англиею. Намерение Иоанново жениться на Англичанке. Описание невесты. Посольство в Лондон. Посол Елисаветин. Болезнь и кончина Иоаннова. Любовь Россиян к Самодержавию. Сравнение Иоанна с другими мучителями. Польза Истории. Смесь добра и зла в Иоанне. Иоанн Образователь государственный и Законодавец. Приказы. Дьяки, Приказные люди. Думные Дворяне. Дворяне Сверстные и Младшие. Князья Служилые. Стольники. Ратные учреждения. Законы. Цена рубля. Церковные учреждения. Достопамятный обряд церковный. Строеие городов. Состояние Москвы. Торговля. Роскошь и пышность. Слава Иоаннова 944

ТОМ X

Глава I. ЦАРСТВОВАНИЕ ФЕОДОРА ИОАННОВИЧА. Г. 1584—1587

Свойства Феодоровы. Члены Верховной Думы. Волнение народа. Собрание Великой Думы Земской. Царевич Димитрий и мать его отправляются в Углич. Матееж в Москве. Власть и свойства Годунова. Царское венчание Феодорово. Разные милости. Годунов — Правитель Царства. Усмирение Черемисского бунта. Вторичное покорение Сибири. Сношения с Англиею и с Литвою. Заговор против Годунова. Сравнение Годунова с Адашевым. Перемирие с Швецией. Посольство в Австрию. Возобновление дружества с Даниею. Дела Крымские. Посольство в Константинополь. Царь Иверский, или Грузинский, данник России. Дела с Персией. Дела внутренние. Основание Архангельска. Строеие Белого, или Царева, города в Москве. Начало Уральска. Опасности для Годунова. Ссылки и казнь. Жалостная смерть Героя Шуйского. Судьба Магнусова семейства. Праздность Феодорова 967

Глава II. ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ФЕОДОРА ИОАННОВИЧА.
Г. 1587—1592

Смерть Батория. Важные переговоры с Литвою. Перемирие. Сношения с Австриею и с Тауридою. Война Шведская. Новое перемирие с Литвою. Величие Годунова. Учреждение Патриаршества в России. Замысел Годунова. Убиение Царевича Димитрия. Пожар в Москве. Нашествие Хана и битва под Москвою. Новый сан Годунова. Донской монастырь. Клевета на Правителя и месть его. Милосердие и слава Годунова. Беременность Ирины. Рождение и кончина Царевны Феодосии 991

Глава III. ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ФЕОДОРА ИОАННОВИЧА.
Г. 1591—1598

Война и мир с Швецией. Переписка с Литовскими Вельможами. Набег Крымцев. Посольства в Константинополь. Своевольство Донских Козаков. Строеие городов. Мир с Ханом. Вспоможение Императору. Знатный Посол Австрийский. Легат Климента VIII в Москве. Дружество Феодора с Шахом Аббасом. Поход на Шавкала. Сношения с Даниею и с Англиею. Закон об укреплении крестьян и слуг. Новая крепость в Смоленске. Зажигальщики. Двор Московский. Ослепление Царя Симеона. Святители Греческие в Москве. Разрушение Печерской Обители. Слово Феодорово Годунову. Кончина Феодорова. Присяга Царице Ирине. Пострижение Ирины. Избрание Годунова в Цари 1015

Глава IV. СОСТОЯНИЕ РОССИИ В КОНЦЕ XVI ВЕКА

Безопасность России в отношении к соседственным Державам. Войско. Жалованье. Доходы. Богатство Строеановых. Суд и расправа. пытки и казни. Торговля. Цена разных товаров. Корабли Российские. Образование. Геометрия и Арифметика. Тайное письмо, или цифры. География. Словесность. Художества и ремесла. Москва. Обычаи. Примеры местничества.

Двор. Вина иноземные, меды и яства Русские. Хлебосольство. Долгая жизнь. Медики. Лекарства. Аптекари. Разные обыкновения. Убогий дом. Одежда женщин. Забавы. Бани. Пороки. Набожность. Смерть первого Борисова сына. Юродивые. Терпимость. Уния в Литве 1037

ТОМ XI

Глава I. ЦАРСТВОВАНИЕ БОРИСА ГОДУНОВА. Г. 1598—1604

Москва встречает Царя. Присяга Борису. Соборная грамота. Деятельность Борисова. Торжественный вход в столицу. Знаменитое ополчение. Ханское Посольство. Угощение войска. Речь Патриарха. Прибавление к грамоте избирательной. Царское венчание. Милости. Новый Царь Касимовский. Происшествия в Сибири. Гибель Кучюма. Дела внешней Политики. Судьба Шведского Принца, Густава, в России. Перемирие с Литвою. Сношения с Швецією. Тесная связь с Даниею. Герцог Датский, жених Кесени. Переговоры с Австриею. Посольство Персидское. Происшествия в Грузии. Бедствие Россиян в Дагестане. Дружество с Англиею. Ганза. Посольство Римское и Флорентийское. Греки в Москве. Дела Ногайские. Дела внутренние. Жалованная грамота Патриарху. Закон о крестьянах. Питейные дома. Любовь Борисова к просвещению и к иноземцам. Похвальное слово Годунову. Горячность Борисова к сыну. Начало бедствий 1057

Глава II. ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ БОРИСОВА. Г. 1600—1605

Блестящее властвование Годунова. Молитва о Царе. Подозрения Борисовы. Гонения. Голод. Новые здания в Кремле. Разбои. Порочные нравы. Мнимые чудеса. Явление Самозванца. Поведение и наружность обманщика. Иезуиты. Свидание Лжедмитрия с Королем Польским. Письмо к Папе. Собрание войска. Договоры Лжедмитрия с Мнишком. Меры, взятые Борисом. Первая измена. Витязь Басманов. Робость Годунова. Общее расположение умов. Великодушие Борисово. Битва. Поляки оставляют Самозванца. Честь Басманову. Победа Воевод Борисовых. Осада Кром. Письмо Самозванца к Борису. Кончина Годунова 1084

Глава III. ЦАРСТВОВАНИЕ ФЕОДОРА БОРИСОВИЧА ГОДУНОВА. Г. 1605

Присяга Феодору. Достоинства юного Царя. Избрание Басманова в Военачальники. Присяга войска. Измена Басманова. Самозванец усиливается. Измена Голицыных и Салтыкова. Измена войска. Поход к Москве. Оцепенение умов в столице. Измена Москвитян. Сведение Феодора с престола. Присяга Лжедмитрию. Заточение Патриарха и Годуновых. Царубийство 1111

Глава IV. ЦАРСТВОВАНИЕ ЛЖЕДИМИТРИЯ. Г. 1605—1606

Первое оскорбление Бояр. Указы Лжедмитриевы. Посол Английский. Шествие к Москве. Доверенность Расстриги к Немцам. Вступление в столицу. Пир. Милости. Филарет и юный Михаил. Царь Симеон и Годуновы. Гробы Нагих и Романовых пренесены в Москву. Благодарения. Преобразование Думы. Любовь Самозванца к Генрику IV. Милосердие. Похвальное Слово Расстриге. Избрание нового Патриарха. Безмолвное свидетельство Царицы-Инокини. Венчание. Безрассудность Лжедмитрия. Дела гнусные. Пострижение Кесени. Шепот о Расстриге. Обличения. Шуйский. Немцы-телохранители. Пышность и веселья. Посольство в Литву за невестою. Неудовольствия. Слух, что Борис Годунов жив. Титул Цесаря. Обручение. Слухи о Самозванце в Польше. Лжедмитрий платит долги Мнишковы. Происшествия в Москве. Возвращение Шуйских. Самозванец Петр. Начало заговора. Посольство к Шаху. Собрание войска в Ельце. Письмо к Шведскому Королю. Сношения с Ханом. Толки о замыслах Лжедмитрия. Казнь Стрельцов и Дьяка Осипова. Опаля Царя Симеона и Татищева. Путешествие Воеводы Сендомирского с Мариною. Речь Мнишкова. Условья. Опаля двух Святителей. Въезд Марины в столицу. Негодование Москвитян. Соблазны. Ссора с Послами. Дары. Обручение и свадьба. Новые причины к негодованию. Пир. Новая ссора с Литовскими Послами. Переговоры государственные. Замышляемые потехи. Наглость Ляхов. Ночной совет в доме у Шуйского. Дерзкие речи на площади. Волнение народа. Спокойствие Лжедмитрия. Измена войска. Последняя ночь для

Самозванца. Восстание Москвы. Гибель Басманова. Свидетельство Царицы-Иокини. Суд, допрос и казнь Лжедмитрия. Шадят Марину. Убийства. Бояре утишают мятеж. Глубокая тишина ночи. Козни властолюбия. Речь Шуйского в Думе. Избрание нового Царя. Развешение Самозванцева праха. Доказательство, что Лжедмитрий был действительно обманщик 1118

ТОМ XII

Глава I. ЦАРСТВОВАНИЕ ВАСИЛИЯ ИОАННОВИЧА ШУЙСКОГО.

Г. 1606—1608

Род Василиев. Свойства нового Царя. Клятва Василиева. Обнародованные грамоты. Венчание. Опалы. Неудовольствия. Пренесение Димитриева тела. Новый Патриарх. Гордость Марины. Речь Послов Литовских. Посольство к Сигизмунду. Сношения с Европою и с Азиею. Мятежи в Москве. Бунт Шаховского. Второй Лжедмитрий. Болотников. Успехи мятежников. Прокопий Ляпунов. Пренесение тела Борисова. Мятежники под Москвою. Победа Скопина-Шуйского. Лжепетр. Осада Калуги. Годуновы в Сибири. Распоряжения Василиевы. Призвание Иова. Храбрость Болотникова. Победа Романова. Мужество Скопина. Бодрость Василия в несчастиях. Доблесть Воевод Царских. Осада Тулы. Явление нового Лжедмитрия. Взятие Тулы. Брак Василиев. Законы. Устав воинский 1155

Глава II. ПРОДОЛЖЕНИЕ ВАСИЛИЕВА ЦАРСТВОВАНИЯ. Г. 1607—1609

Бегство Воевод от Калуги. Самозванец усиливается. Дело знаменитое. Грамота Лжедмитриева. Предложение Шведов. Победа Лисовского. Победа Самозванца. Ужас в Москве. Измена Воевод. Самозванец в Тушине. Перемирие с Литвою. Коварство Ляхов. Победа Сапеги. Марина и Мнишек у Самозванца. Скопин послан к Шведам. Бегство к Самозванцу. Разарат в Москве. Знаменитая осада Лавры. Измена городов. Ужасное состояние России. Тушино. Договор Самозванца с Мнишком. Польша объявляет войну России. Крайность России и перемена к лучшему 1177

Глава III. ПРОДОЛЖЕНИЕ ВАСИЛИЕВА ЦАРСТВОВАНИЯ.

Г. 1608—1610

Князь Пожарский. Доблесть Нижнего Новгорода. Восстание и других городов Низовых. Восстание Северной России. Крамолы в Москве. Голод. Весть о Князе Михаиле и его подвиги. Приступы Лжедмитрия к Москве. Победа Царского войска. Три Самозванца. Некоторые удачы Лжедмитриеви. Новый мятеж в Москве. Слобода Александровская. Победа над Сапегою. Любовь к Князю Михаилу. Предлагают венец Герою. Разбои. Пожарский. Осада Смоленска. Смятение Лжедмитриевых Ляхов. Распря между Сигизмундом и Конфедератами. Посольство Королевское в Тушино. Переговоры с Тушинскими изменниками. Бегство Лжедмитрия. Высокомерие Марины. Злодейства Самозванца в Калуге. Волнение в Тушине. Бегство Марины. Посольство Тушинское к Королю. Изменники признают Владислава Царем. Марина в Калуге. Успехи Князя Михаила. Освобождение Лавры. Бегство Сапеги. Опустение Тушина. Дело Князя Михаила. Торжественное вступление Героя в Москву 1198

Глава IV. НИЗВЕРЖЕНИЕ ВАСИЛИЯ И МЕЖДОЦАРСТВИЕ.

Г. 1610—1611

Наушники. Кончина Скопина-Шуйского. Горесть народная. Князь Дмитрий Шуйский Военачальником. Бунт Ляпунова. Битва под Клушиным. Делагарди отступает к Новугороду. Поляки занимают Царево-Займище. Отчаяние столицы. Новые успехи Самозванца. Твердость Пожарского. Ропот народный. Василий лишен престола. Тщетные увещания Патриарха. Пострижение Василия и супруги его. Совет Князя Мстиславского. Переговоры с Жолкевским. Условия. Присяга Владиславу. Намерение Сигизмунда. Бегство Самозванца в Калугу. Политика Жолкевского. Посольство к Королю. Вступление Поляков в Москву. Действия Послов Московских. Отъезд Жолкевского. Шуйский предан Полякам. Неудачные приступы к Смоленску. Самовластие Сигизмунда. Нетерпение народа. Неприятельские

действия Деллагарди. Злодейства Лисовского. Измена Казани. Смерть Самозванца. Новый обман. Начальники восстания народного. Грамоты Смолен и Москвитян. Слабость Московской Думы. Соры с Поляками. Состав ополчения за Россию. Кровопролитие в столице. Пожар Москвы. Прибытие Струса. Подвиги Пожарского. Неистовства Поляков в Москве. Заключение Ермогена 1221

Глава V. МЕЖДОЦАРСТВИЕ. Г. 1611—1612

Следствия сожжения Москвы. Поляки осаждены. Твердость Ермогена. Избрание главных Военачальников. Действия Сапеги. Приступ к Китаю-городу. Послы Московские отправлены в Литву. Взятие Смоленска. Шуйские в Варшаве. Умысел Заруцкого и Марины. Уставная грамота. Виды Ляпунова. Дела с Шведами. Новгород взят Генералом Деллагарди. Договор Шведов с Новымгородом. Мятёж в войске Генерала Деллагарди. Убиение Ляпунова. Последствия. Состояние России 1248

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ЭТОМ ИЗДАНИИ. В. Муравьев 1260